

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 3 (15) 2023

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Главный редактор:

Потапенко Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета им. А.А. Хмырова, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Заместитель главного редактора:

Лунарев Евгений Борисович, доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Ответственный секретарь:

Чуева Арина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Члены редакционного совета:

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Буэно Жозе Геральдо Романелло, профессор гражданского права, Просветерианский университет Маккензи, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия

Гладышева Ольга Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Добробаба Марина Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Жеребцов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар, Россия

Жинкин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Киреева Елена Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, декан факультета управления персоналом и государственной службы, заведующая кафедрой правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Коняхин Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Костенко Роман Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Лозовский Денис Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Нудненко Лидия Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Ростовский экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Прохоров Леонид Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Прохорова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Попова Юлия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар, Россия

Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Салимгерей Арон Аманжолович, кандидат юридических наук, доцент, директор, Институт государства и права Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Семенов Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Слесарев Владимир Львович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Срето Ного, доктор права, профессор, Ассоциация международного уголовного права Республики Сербия, г. Белград, Республика Сербия

Старилов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права юридического факультета, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета им. А.А. Хмырова, КубГУ, г. Краснодар, Россия

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Условия использования материалов журнала: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г.

Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Префикс DOI: 10.31429/20785836

Индексирование: журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 2 декабря 2019 г.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Цели и область: в журнал принимаются к опубликованию рукописи начинающих и опытных авторов, содержащие актуальные, новые и оригинальные результаты научных и прикладных исследований в различных сферах юридической науки, с целью их дальнейшего развития, решения актуальных проблем, взаимодействия ученых в России и других странах мира.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по области науки – Социальные и гуманитарные науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. – Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. – Уголовно-правовые науки).

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Сайт журнала: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Адрес редакции: Рашилевская ул., д. 43, г. Краснодар, Россия, 350000, тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040.

Подписано в печать: 18.09.2023. Дата выхода в свет: 25.09.2023.

Усл. печ. л. 9,0. Тираж 100 экз. Заказ №

История издания журнала: издается с 2009 г.

Периодичность: выходит 4 раза в год.

Цена: свободная.

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет.

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2023.

Legal Bulletin of the Kuban State University № 3 (15) 2023

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"), Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Editor-in-Chief:

Sergey V. Potapenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and International Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Deputy Editor-in-Chief:

Evgeniy B. Luparev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the EAAN, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Executive Secretary:

Arina S. Chueva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Members of the Editorial Board:

Gyulnaz E. Adygezalova, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey P. Anisimov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Jose G.R. Bueno, Professor of Civil Law, McKenzie Valerian University, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil

Olga V. Gladysheva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Alexey V. Gusev, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Marina B. Dobrobaba, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies, O.E. Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia

Alexey N. Zherebtsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Sergei A. Zhinkin, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir P. Kamyshansky, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

Elena Y. Kireeva, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Personnel Management and Public Administration, Head of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Vladimir P. Konyakhin, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Roman V. Kostenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Denis N. Lozovskiy, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Lidiya A. Nudnenko, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Legal Support of State and Municipal Service, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alexey N. Pozdnyshov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Rostov University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Leonid A. Prokhorov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Marina L. Prokhorova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Yulia A. Popova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Proceedings, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Alexander V. Rudenko, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Anatoliy Y. Ryzhenkov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Elista, Russia

Aron A. Salimgerei, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Director, Institute of State and Law of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Vladimir A. Sementsov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Vladimir L. Slesarev, Dr. of Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, S.S. Alekseev Private Law Research Center under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nogo Sreto, Doctor of Law, Professor, Association of International Criminal Law of the Republic of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia

Yuri N. Starilov, Dr. of Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative and Administrative Procedural Law of the Faculty of Law, Voronezh State University, Voronezh, Russia

Larisa V. Shchennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.A. Khmyrov Faculty of Law, KubGU, Krasnodar, Russia

Publisher:

**Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KUBGU"),
Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040**

The editorial board is not responsible for the information published in advertisements.

The editorial board does not always share the point of view of the authors of the published materials.

When using the materials, references to the journal "**Legal Bulletin of the Kuban State University**" are mandatory.

Terms of use for journal materials: Content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on 20.04.2012.

Certificate of Registration: PI №FS 77-49493

ISSN: 2078-5836 (Print)

ISSN: 2782-5841 (Online)

Prefix DOI: 10.31429/20785836.

Indexing: the journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published from December 2, 2019.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

Objectives and scope: the journal accepts for publication the manuscripts of novice and experienced authors containing relevant, new and original results of scientific and applied research in various fields of legal science, with the aim of their further development, solving topical problems, interaction of scientists in Russia and other countries of the world.

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Social Sciences and Humanities (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. – Theoretical-historical legal sciences; 5.1.2. – Public law (state law) sciences; 5.1.3. – Private law (civil law) sciences; 5.1.4. – Criminal law sciences).

The editorial board does not charge the authors for the preparation, placement and printing of materials.

Journal website: <http://urvkubsu.elpub.ru>

Editorial office address: Rashpilevskaya str., 43, Krasnodar, Russia, 350000, tel.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Printed at the publishing and printing center of KubGU: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040.

Signed to the press: 18.09.2023. Release date: 25.09.2023.

Usl. pech. l. 9,0. Edition of 100 copies. Order No

Publishing history of the journal: published since 2009.

Frequency: published 4 times a year.

Price: free.

Age limit: for persons over 16 years of age.

An image from the resource is used on the cover of the magazine <https://crello.com>

© "Legal Bulletin of the Kuban State University", 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Бочкарева Е.А.</i> Проблемы и перспективы правового регулирования медиации в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг	7
<i>Епифанова Е.В.</i> Административно-правовой статус медицинских кластеров.....	15
<i>Пашинина В.Е.</i> К вопросу об административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций в Российской Федерации.....	23
<i>Перепелица М.А.</i> Право плательщика на оптимизацию налоговой обязанности и злоупотребление налоговым правом: пределы и юридические последствия.....	31

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Елисеева И.А.</i> Правовое регулирование аренды земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения по законодательству России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ.....	39
<i>Лупарев Е.Б., Попова Ю.А., Третьяков В.И.</i> О некоторых проблемах административного и гражданского судопроизводства по делам о ликвидации и запрете деятельности религиозных организаций.....	47
<i>Томилова Л.Н., Корниенко А.В.</i> Цифровая трансформация антиконкурентных действий.....	53
<i>Щенникова Л.В.</i> Институт неосновательного (несправедливого) обогащения в теории и судебно-арбитражной практике.....	63

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Гладышева О.В., Семенцов В.А., Цыпина А.В.</i> Разумная длительность ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия.....	72
<i>Калужина М.А.</i> Институт пробации в зарубежных государствах в современном представлении.....	85

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Ekaterina A. Bochkareva</i> Problems and prospects of legal regulation of mediation in the sphere of consumer rights protection financial services.....	7
<i>Elena V. Epifanova</i> Administrative and legal status of medical clusters.....	15
<i>Valeria E. Pashonina</i> On the issue of administrative and procedural legal personality of foreign organizations in the Russian Federation.....	23
<i>Maria A. Perepelitsa</i> The payer's right to optimize tax liability and abuse of tax law: limits and legal consequences.....	31

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Inga A. Eliseeva</i> Legal regulation of the lease of land plots from agricultural land under the legislation of Russia and foreign countries: comparative legal analysis	39
<i>Evgeniy B. Luparev, Yulia A. Popova, Vladimir I. Tretyakov</i> On some problems of administrative and civil proceedings in cases of liquidation and prohibition of the activities of religious organizations.....	47
<i>Ludmila N. Tomilova, Anna V. Kornienko</i> Digital transformation of anti-competitive actions.....	53
<i>Larisa V. Schennikova</i> The institute of unjustified (unfair) enrichment in theory and judicial arbitration practice.....	63

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Olga V. Gladysheva, Vladimir A. Sementsov, Alla V. Tsykina</i> Reasonable duration of familiarization with the materials of the criminal case at the end of the preliminary investigation.....	72
<i>Marina A. Kaluzhina</i> The Institute of Probation in foreign countries in the modern view.....	85

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-7-14>

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИАЦИИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ

Бочкарева Е.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Бочкарева Е.А. Проблемы и перспективы правового регулирования медиации в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):7–14. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-7-14>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Бочкарева Екатерина Александровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»; заведующий кафедрой административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 259-52-20

E-mail: finansyst@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 24.07.2023

Статья принята к печати: 24.08.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: Экономическая нестабильность – период, когда финансовые риски объективно возрастают, а потребность в слаженном функционировании защитных механизмов прав потребителей финансовых услуг становится особо актуальной. На развитие указанных механизмов направлена утвержденная Правительством Российской Федерации Стратегия государственной политики в области защиты прав потребителей на период до 2030 г., предусматривающая в качестве приоритетного направления государственной политики разработку специального нормативного правового акта, посвященного распространению процедуры медиации в целях урегулирования споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей. При этом существующее в Российской Федерации правовое регулирование медиативных процессов не позволяет эффективно реализовать весь потенциал медиации для разрешения споров. Таким образом, имеется необходимость в ее научном исследовании, особенно в свете современных тенденций функционирования национальных финансовых институтов.

Цель исследования – определение проблемных аспектов регулирования медиативных правоотношений, а также формулирование предложений по совершенствованию организационно-правовых основ медиации как перспективного инновационного механизма защиты прав потребителей финансовых услуг.

Основными *методами* исследования, позволившими охарактеризовать особенности правового регулирования медиации как альтернативного судебному и административному способам защиты прав потребителей финансовых услуг, а также сформулировать предложения о совершенствовании правового регулирования медиативных процедур – в целом, и медиации с участием потребителей финансовых услуг – в частности, стали общенаучные методы познания

(анализ и синтез, обобщение и аналогия), философский метод диалектического познания, специальные методы технико-юридического и сравнительно-правового анализа.

В *результате* проведенного исследования обоснована необходимость совершенствования правового регулирования медиации в целом, и в том числе – медиации по спорам о защите прав потребителей финансовых услуг, для чего предлагается: 1) установить обязательную систему саморегулируемых организаций (СРО) для объединения медиаторов, как субъектов профессиональной деятельности. Ведение реестра и контроль деятельности СРО медиаторов возложить на Министерство юстиции РФ; 2) предусмотреть в процессуальных кодексах норму об обязательной информационной беседе участников конфликта с медиатором по категориям споров, по которым действующим законодательством установлено применение обязательного досудебного претензионного порядка; 3) дополнить регламенты органов исполнительной власти разделами о медиации; 4) разработать и утвердить единую программу подготовки медиаторов, с учетом профессиональных стандартов и федеральных государственных образовательных стандартов; 5) предусмотреть обязанность Банка России размещать списки медиаторов на своем сайте; 6) установить ответственность финансовых организаций за нарушение принципа добровольности медиации и навязывание потребителям финансовых услуг «карманных медиаторов». Наряду с этим, повышению востребованности медиации будет способствовать обобщение позитивного опыта ее применения по различным категориям споров, в форме Кодекса лучшей практики.

Ключевые слова: медиация, правовое регулирование медиации, потребители финансовых услуг, защита прав потребителей, Банк России.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF MEDIATION IN THE SPHERE OF CONSUMER RIGHTS PROTECTION FINANCIAL SERVICES

Ekaterina A. Bochkareva

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Bochkareva E.A. Problems and prospects of legal regulation of mediation in the sphere of consumer rights protection financial services. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):7–14. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-7-14>

CONTACT INFORMATION:

Ekaterina A. Bochkareva, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"; Head of the Department of Administrative and Financial Law of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 259-52-20

E-mail: finansyst@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 24.07.2023

The article has been accepted for publication: 24.08.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: Economic instability is a period when financial risks objectively increase, and the need for the well-coordinated functioning of the protective mechanisms for the rights of consumers of financial services becomes especially relevant. The strategy of state policy in the field of consumer protection for the period up to 2030, approved by the Government of the Russian Federation, is aimed at developing these mechanisms. consumer rights. At the same time, the existing legal regulation of mediation processes does not allow to effectively realize the full potential of mediation as a mechanism for resolving disputes in the

Russian Federation. Thus, there is a need for its scientific study, especially in the light of current trends in the functioning of national financial institutions.

The purpose of the study is to identify the problematic aspects of regulating mediation legal relations, as well as formulating proposals for improving the organizational and legal foundations of mediation as a promising innovative mechanism for protecting the rights of consumers of financial services.

The main research methods that made it possible to characterize the features of the legal regulation of mediation as an alternative to the judicial and administrative method of protecting the rights of consumers of financial services, as well as to formulate proposals for improving the legal regulation of mediation procedures in general, and mediation with the participation of consumers of financial services in particular, were general scientific methods. knowledge (analysis and synthesis, generalization and analogy), the philosophical method of dialectical knowledge, special methods of technical-legal and comparative legal analysis.

As a result of the study, the need to improve the legal regulation of mediation in general, including mediation in disputes on the protection of the rights of consumers of financial services, is substantiated, for which it is proposed: 1) to establish a mandatory system of self-regulatory organizations (SROs) to unite mediators as subjects of professional activity. The Ministry of Justice of the Russian Federation shall entrust the maintenance of the register and control over the activities of SROs of mediators; 2) to provide in the procedural codes a rule on the mandatory informational conversation of the parties to the conflict with the mediator on the categories of disputes for which the current legislation establishes the use of a mandatory pre-trial claim procedure; 3) supplement the regulations of the executive authorities with sections on mediation; 4) develop and approve a unified training program for mediators, taking into account professional standards and federal state educational standards; 5) provide for the obligation of the Bank of Russia to post lists of mediators on its website; 6) establish the responsibility of financial organizations for violating the principle of voluntary mediation and imposing "pocket mediators" on consumers of financial services. Along with this, the generalization of the positive experience of its application in various categories of disputes, in the form of a Code of Best Practice, will contribute to an increase in the demand for mediation.

Keywords: mediation, legal regulation of mediation, consumers of financial services, consumer rights protection, Bank of Russia.

Введение

Исследование особенностей правового регулирования медиации в сфере защиты потребителей финансовых услуг и определения возможных направлений его развития представляется нам актуальным в связи с необходимостью совершенствования правовых механизмов защиты потребителей финансовых услуг в условиях трансформации рынка таких услуг. Не снят с повестки дня вопрос об оптимизации судебной нагрузки, что обуславливает потребность развития потенциала медиации как одного из наиболее гибких досудебных подходов к примирению участников рынка финансовых услуг. Также немаловажным фактором выступает объективная ситуация экономической нестабильности, в период которой финансовые риски закономерно возрастают, а субъекты соответствующих отношений особо остро нуждаются в эффективных правовых механизмах защиты своих интересов. Все это свидетельствует о необходимости комплексного рассмотрение медиации как элемента урегулированной правовыми нормами системы примирительных процедур и перспективного инновационного механизма защиты прав потребителей финансовых услуг.

Методы исследования

Основными методами исследования стали общенаучные методы познания (анализ и синтез, обобщение и аналогия), философский метод диалектического познания, специальные методы технико-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования заключаются в следующем.

1. Современные тенденции рынка финансовых услуг характеризуются совершенствованием правовых механизмов защиты участников возникающих правоотношений, а формирование и развитие примирительных процедур выступает одним из политически приоритетных направлений эволюции российского права. Особым способом защиты прав потребителя финансовой услуги в рамках досудебного урегулирования спора является обращение к процедуре медиации, направленное на достижение баланса интересов всех участников данной сферы общественных отношений.

2. Медиация пока не закрепились в нашей стране как принципиально иной, отличный от судебного, способ урегулирования конфликтов, и фактически не стало общепризнанной

альтернативой судебному процессу или третейскому разбирательству.

3. Эффект от использования медиации будет достигаться лишь при условии соблюдения главных принципов ее проведения, таких как добровольность, равноправие, нейтральность и компетентность медиатора. Следование данным принципам на практике будет возможно, если правовое регулирование отношений в сфере медиации:

- гарантирует сторонам независимый выбор медиатора для проведения процедуры медиации;
- исключит систему регламентов со стороны финансовых организаций для проведения процедуры медиации;
- обеспечит условия для выработки приемлемого и взаимовыгодного принятия решений.

4. Повышение уровня доверия к институту медиации напрямую связано с качеством посреднических услуг, необходимыми гарантиями которого выступают определенный в организационном аспекте статус медиаторов и единообразные критерии их ответственности.

5. В качестве направления совершенствования правового регулирования медиации в целом, и медиации по спорам о защите прав потребителей финансовых услуг, предлагается:

1) установить обязательную систему саморегулируемых организаций (далее – СРО) для объединения медиаторов, как субъектов профессиональной деятельности, с целью обеспечения взаимодействия членов СРО, потребителей услуг, органов публичной власти, эффективного контроля качества профессиональной деятельности медиаторов, повышения их профессионального уровня и ответственности как членов СРО.

Медиатор должен приобретать право осуществлять профессиональную деятельность с даты внесения сведений о нем в реестр медиаторов саморегулируемой организации.

При этом полномочия по ведению реестра и контролю деятельности СРО медиаторов могли бы быть возложены на Министерство юстиции РФ, как орган, обладающий достаточным опытом подобной деятельности относительно общественных объединений.

Для апробации законодательной инициативы возможна реализация пилотного проекта по объединению медиаторов в саморегулируемую организацию в определенном субъекте Российской Федерации или в нескольких субъектах;

2) предусмотреть в процессуальных кодексах норму об обязательной информационной беседе участников конфликта с медиатором по категориям споров, по которым действующим законодательством установлено требование о соблюдении обязательного претензионного порядка до обращения в судебные органы. К числу таких споров относятся дела с участием потребителей финансовых услуг, например – страховые споры;

3) рассмотреть вопрос о разработке и утверждении единой государственной программы подготовки медиаторов, учитывающей требования профессиональных стандартов и федеральных государственных образовательных стандартов. Указанное предложение обусловлено необходимостью повышения качества обучения медиаторов, осуществляющих деятельность на профессиональной основе;

4) закрепить на уровне правовых актов Банка России организационные гарантии, направленные на достижение баланса интересов профессиональных участников рынка финансовых услуг и граждан-потребителей, в том числе – обязанность размещать на сайте мегарегулятора информацию о медиаторах (список медиаторов);

5) обобщить лучшую практику по вопросам медиации в форме Кодекса лучшей практики, который в дальнейшем будет иметь рекомендательный характер.

Научная дискуссия

В системе защиты прав потребителей финансовых услуг ученые выделяют несколько вариантов для обжалования (судебного и внесудебного) действий поставщиков финансовых услуг [2, с. 287–288]. Пожалуй, наибольшие количественные показатели и разнообразие относительно субъектов и адресности обращения демонстрирует способы досудебной защиты¹. Однако несмотря на то, что в науке высоко оценивают альтернативные процедуры разрешения споров в сфере финансов, и в России, и зарубежом потенциал медиации на рынке финансовых услуг полностью не раскрыт [8].

Особым способом защиты прав потребителя финансовой услуги выступает обращение к процедуре медиации в рамках досудебного урегулирования спора, если это предусмотрено договором или дополнительным соглашением.

¹ По данным Центрального банка РФ в III квартале 2022 года в Банк России поступило 279,7 тысяч жалоб [сайт]. Банк России; 2023 [процитировано 14 июля 2023]. Доступно: https://www.cbr.ru/protection_rights/.

В ходе, проведенной на рубеже 2018–2019 гг. процессуальной реформы гражданского и арбитражного процессов данный институт был подвергнут определенным изменениям, а законодательство существенно дополнилось¹.

Медиация (от латинского *medius* – нейтральный) – метод досудебного разрешения конфликтов, которые возникают при столкновении противоположных интересов, разногласий, споров в деловой сфере или личностной, где субъектами конфликтов выступают индивиды, группы людей, государство [3]. При этом, как верно отмечает Д.В. Степанов, «в отличие от суда, где основной фокус разрешения конфликта сосредоточен на вынесении решения, основанном на требовании закона, медиация направлена на примирение сторон, чьи интересы лежат в основе конфликта. Другими словами, главная задача медиации – понять мотивы и интересы сторон, чтобы найти общее решение» [5, с. 205].

Основной источник правового регулирования рассматриваемой сферы – Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»².

Процедура медиации определяется в ст. 2 данного закона как «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

В научной литературе не раз обращалось внимание на те преимущества, которыми обладает медиация по сравнению с другими способами защиты прав. По мнению специалистов «...преимуществами медиации являются:

- внеюрисдикционный способ урегулирования разногласий, что означает отсутствие властного разрешения возникшего спора. Стороны учитывают интересы друг друга и идут на сотрудничество;

- применение процедуры медиации возможно исключительно на основе взаимного соглашения сторон. Никто не может быть принужден к участию в процедуре медиации. Право выхода из процедуры медиации на любом этапе;

- оперативность (процедура медиации не регламентирована многочисленными процессуальными правилами, что обеспечивает относительную быстроту рассмотрения спора);

- конфиденциальность (процедура медиации проводится в условиях полной конфиденциальности всей информации, относящейся к указанной процедуре, что означает – медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон);

- возможность выбора кандидатуры медиатора» [1, с. 5].

Помимо эффективности, экономии средств и окончательности, посредничество, в отличие от судебного разбирательства, позволяет сторонам проявлять гибкость и творческий подход к поиску деловых и ориентированных на потребителя финансовых услуг решений. Кроме того, медиация способна охватывать и те вопросы, которые могут не входить в рамки формального судебного разбирательства. Грамотно организованная, «медиация может способствовать улучшению коммуникации между спорящими сторонами и взаимопониманию, что может привести к улучшению отношений в будущем, независимо от того, было ли достигнуто соглашение во время медиации» [6, с. 191]. Следовательно, поддержание или сохранение деловых отношений также является значимым преимуществом медиации по сравнению с иными способами разрешения конфликта.

Несмотря на то, что формирование и развитие примирительных процедур является одним из политически приоритетных направлений эволюции российского правосудия³, медиация пока не закрепились в нашей стране как принципиально иной, отличный от судебного, способ урегулирования конфликтов, и фактически не является общепризнанной альтернативой судебному процессу или третейскому разбирательству. Во многом это связано с особенностями формирования

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

³ Как было отмечено в Постановлении X Всероссийского съезда судей от 01 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации»: Важное значение для повышения эффективности судопроизводства, снижения конфликтности в обществе, укрепления социальных и экономических связей имеет дальнейшее развитие института примирения сторон» [сайт]. ГАРАНТ.РУ; 2023 [процитировано 14 июля 2023]. Доступно: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405810965/>.

российского правового менталитета. Мы согласны с В.Н. Плигиным, который еще в 2013 году, являясь председателем комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и государственному строительству, отмечал: «Медиация предполагает изменение в себе цивилизационного кода. Новый цивилизационный код – это диалог. У нас же в обществе ранее чаще всего использовались недиалоговые схемы решения вопросов»¹.

Анализ зарубежной практики использования медиации для примирения сторон показал, что наиболее перспективными категориями споров для разрешения с участием медиатора являются семейные, медицинские, предпринимательские, а также трудовые споры.

Полагаем, что следует согласиться с авторами, предлагающими закрепить в действующем процессуальном законодательстве элементы обязательного применения медиации по конкретным разновидностям дел из указанных категорий, например, по спорам о расторжении брака, об определении места жительства ребенка, о разделе совместно нажитого имущества, о нарушении прав граждан на получение бесплатной медицинской помощи, о нарушении работодателями требований профессиональной этики; при разногласиях между покупателями и продавцами, и др. [4].

Отметим, что в отечественном правовом поле «разработка нормативного правового акта, предусматривающего дополнительные меры, направленные на более широкое распространение процедуры медиации в целях урегулирования споров, возникающих в сфере защиты прав потребителей» провозглашена как одно из приоритетных направлений государственной политики согласно Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года².

Определенный вклад в создание организационных и правовых основ внедрения медиации внесла разработка Минфином России и Банком России в тесном партнерстве с федеральными органами власти Стратегии развития финансового рынка до 2030 года, утвержденной Правительством России 29 декабря 2022 года³.

В Стратегии уделено внимание и вопросу закрежденности населения, в связи с чем, с целью создания работающего механизма выхода заемщика из сложной ситуации помимо системы банкротства предлагается введение института медиации при реструктуризации долговой нагрузки.

Не вызывает возражений тот факт, что национальный рынок финансовых услуг с каждым годом расширяется, предлагаются новые продукты и инструменты финансирования. Мы согласны со специалистами, по мнению которых медиация способна повысить уровень функционирования финансового рынка и уровень инвестиционной привлекательности его участников [7]. Следовательно, в развитии медиации должны быть заинтересованы не только потребители, но и «поставщики» финансовых услуг, которые также окажутся в значительном выигрыше от ее развития.

Помимо эффективности, экономии средств и окончательности, посредничество, в отличие от судебного разбирательства, позволяет сторонам проявлять гибкость и творческий подход к поиску деловых и ориентированных на потребителя финансовых услуг решений. Кроме того, медиация способна охватывать все вопросы между сторонами, которые могут не входить в рамки формального судебного разбирательства. Поддержание или сохранение деловых отношений также является значимым преимуществом медиации по сравнению с иными способами разрешения конфликта.

Однако, полагаем, что эффект от использования медиации как инструмента для разрешения споров с участием потребителей финансовых услуг будет достигаться лишь при условии соблюдения главных *принципов* ее проведения, таких как добровольность, равноправие, нейтральность и компетентность медиатора.

На наш взгляд, следование данным принципам на практике будет возможно, если правовое регулирование отношений в сфере медиации:

- обеспечит сторонам независимый выбор медиатора для проведения процедуры медиации;
- исключит систему регламентов со стороны финансовых организаций для проведения процедуры медиации;

¹ Владимир Плигин: Государство заинтересовано в развитии института медиации [сайт]. Российская газета; 2023 [протитировано 14 июля 2023]. Доступно: <https://rg.ru/2013/05/16/kodeks-site.html>.

² Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 37. Ст. 5543.

³ Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 476.

– создаст условия для выработки приемлемого и взаимовыгодного принятия решений.

Для это представляется целесообразным закрепить на уровне правовых актов Банка России как мегарегулятора ряд организационных гарантий, направленных на достижение баланса интересов профессиональных участников рынка финансовых услуг и граждан-потребителей.

В частности, следует запретить создание реестра медиаторов, с которыми работает конкретная финансовая организация, так сказать «карманных медиаторов», а *списки медиаторов размещать централизованно на сайте Банка России.*

Следует обеспечить возможность привлечения медиатора, согласованного сторонами, и *исключить навязывание финансовыми организациями своих условий (порядка, правил) проведения процедуры медиации, закрепив меры ответственности за подобные действия.*

Равным образом ответственность должна наступать и в случае нарушения добровольности участия должника в процедуре и принятии решений. Финансовые организации должны проявлять гибкость при выработке решений по урегулированию задолженности, а не действовать только лишь в рамках своих регламентов.

При выборе медиатора и проведении медиации существенным фактором является квалификация медиаторов, потому как в финансовых спорах объективно возникает необходимость в специализированных знаниях о финансовых инструментах и особенностях работы финансовых учреждений. В этой связи, на наш взгляд, важно консолидировать усилия профессиональных ассоциаций и союзов медиаторов, привлекать научное и экспертное сообщество для выработки методических рекомендаций по проведению медиации на рынке финансовых услуг¹.

Завершая, отметим, что будь то спор с лицом, которое могло бы извлечь выгоду из прагматичного досрочного урегулирования, или сложный многосторонний спор между субъектами, которые в противном случае потратили бы значительные суммы на оплату юридических издержек, медиация часто является оптимальным вариантом для защиты прав потребителей финансовых услуг. Дальнейшее совершенствование нормативного регулирования медиации будет способствовать достижению баланса интересов всех участников данной области общественных отношений.

Список использованной литературы:

1. Беликова К.М., Ахмадова М.А. Институционализация медиации: базовые подходы стран БРИКС. *Право и экономика*. 2015;(8(330)):4–8.
2. Гузнов А.Г., Рождественская Т.Э. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации: монография. Москва: Издательство Юрайт; 2019.
3. Елисеев Д.Б. Медиация как способ досудебного урегулирования конфликтов. *Адвокатская практика*. 2020;(2):49–54.
4. Кивленок Т.В. Роль медиации в урегулировании правовых конфликтов. *Вестник гражданского процесса*. 2020;10(4):167–177. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-167-177.
5. Степанов Д.В. К вопросу о преимуществах и недостатках института медиации. *Epomen. Global*. 2023;(35):201–208.
6. Степанов Д.В., Лоскутова К.В. Перспективы развития института медиации в России. *Epomen. Global*. 2023;(35):188–200.
7. Broszkiewicz M. Mediation as a new solution for

References:

1. Belikova K.M., Akhmadova M.A. [Institutionalization of mediation: basic approaches of the BRICS countries]. *Pravo i ekonomika = Law and economics*. 2015;(8(330)):4–8. (In Russ.)]
2. Guznov A.G., Rozhdestvenskaya T.Eh. [Public law regulation of the Financial Market in the Russian Federation]. Moscow: Yurayt Publishing House; 2019. (In Russ.)]
3. Eliseev D.B. [Mediation as a way of pre-trial settlement of conflicts]. *Advokatskaya praktika = Law practice*. 2020;(2):49–54. (In Russ.)]
4. Kivlenok T.V. [The role of mediation in the settlement of legal conflicts]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Bulletin of Civil Procedure*. 2020;10(4):167–177. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-4-167-177. (In Russ.)]
5. Stepanov D.V. [On the question of the advantages and disadvantages of the mediation institute]. *Epomen. Global = Epomen. Global*. 2023;(35):201–208. (In Russ.)]
6. Stepanov D.V., Loskutova K.V. [Prospects for the development of the Institute of mediation in Russia]. *Epomen. Global = Epomen. Global*. 2023;(35):188–200. (In Russ.)]
7. Broszkiewicz M. Mediation as a new solution for

¹ В качестве примера такого сотрудничества выступает деятельность Экспертного совета в Коллегии посредников Союза «Торгово-промышленная палата Краснодарского края» [сайт]. Торгово-промышленная палата Краснодарского края; 2023 [процитировано 03 марта 2023]. Доступно: <https://kuban.tpprf.ru/ru/mediation/sostav/>.

solving conflicts on financial markets. *Finance Sciences*. 2017;4(33):22–34.

8. Forestieri I., Paech Ph. *Mediation of Financial Disputes*. 2018.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бочкарева Екатерина Александровна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»; заведующий кафедрой административного и финансового права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

ORCID: 0000-0002-0579-4423

Author ID: 693465

Researcher ID: M-6212-2018

solving conflicts on financial markets. *Finance Sciences*. 2017;4(33):22–34.

8. Forestieri I., Paech Ph. *Mediation of Financial Disputes*. 2018.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Bochkareva

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"; Head of the Department of Administrative and Financial Law of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice

ORCID: 0000-0002-0579-4423

Author ID: 693465

Researcher ID: M-6212-2018

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-15-22>

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС МЕДИЦИНСКИХ КЛАСТЕРОВ

Епифанова Е.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Епифанова Е.В. Административно-правовой статус медицинских кластеров. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):15–22. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-15-22>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Епифанова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 04.08.2023

Статья принята к печати: 04.09.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: Целью работы выступает анализ проблематики административно-правового регулирования деятельности медицинских кластеров в Российской Федерации.

Исходя из поставленной цели, в задачи исследования входит анализ проблем, связанных с определением административно-правового статуса медицинских кластеров.

Важность обсуждения вопроса о медицинских кластерах обусловлена тем, что законодательство об охране здоровья в отношении медицинских организаций, расположенных в международном медицинском кластере, применяется с учетом особенностей специального

Принципиальный вывод статьи состоит в том, что медицинские кластеры различных типов находятся в поле не вполне однотипного публично-правового регулирования, что вызвано разноплановостью подходов к пониманию и типологизации медицинских кластеров. Соответственно, стоит задача однотипно определить понятие, признаки и структуру всех медицинских кластеров на территории Российской Федерации для выработки специфических подходов к публично-правовому регулированию их деятельности, видя перед собой цель качественного, прорывного развития в сфере медицинской деятельности.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, государственно-управленческая деятельность, медицинский кластер, охрана здоровья.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF MEDICAL CLUSTERS

Elena V. Epifanova

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Epifanova E.V. Administrative and legal status of medical clusters. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):15–22. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-15-22>

CONTACT INFORMATION:

Elena V. Epifanova, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 04.08.2023

The article has been accepted for publication: 04.09.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: The aim of the work is to analyze the problems of administrative and legal regulation of the activities of medical clusters in the Russian Federation.

Based on the goal, the objectives of the study include an analysis of the problems associated with determining the administrative and legal status of medical clusters.

The importance of discussing the issue of medical clusters is due to the fact that health protection legislation in relation to medical organizations located in an international medical cluster is applied taking into account the specifics of special legislation on international medical clusters.

The fundamental conclusion of the article is that medical clusters of various types are in the field of not quite the same type of public law regulation, which is caused by the diversity of approaches to understanding and typology of medical clusters. Accordingly, the task is to uniformly define the concept, features and structure of all medical clusters in the Russian Federation in order to develop specific approaches to the public law regulation of their activities, seeing the goal of high-quality, breakthrough development in the field of medical activity.

Keywords: administrative-legal regulation, state-administrative activity, medical cluster, health protection.

Введение

Важность обсуждения вопроса о медицинских кластерах обусловлена тем, что законодательство об охране здоровья в отношении медицинских организаций, расположенных в международном медицинском кластере, применяется с учетом особенностей специального законодательства о международных медицинских кластерах.

Вообще, если рассматривать понятие «кластер» в этимологическом смысле, то под ним, согласно Словарю иностранных слов Н.Г. Комлева понимается в том числе «неупорядоченное целое»¹.

Согласно данным К.З. Адамовой кластер как термин стал активно употребляться в естественных отраслях науки в 30-е годы XX века, в экономической литературе с 1970-х годов и представляет собой «группу географически локализованных взаимосвязанных компаний, поставщиков, оборудования, комплекующих, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом» [1, с. 130].

В отечественном законодательстве наиболее раннее использование термина «кластер» обычно связывается с законодательством об особых экономических зонах² и законодательстве о промышленной политике.

В частности, пункт 13 статьи 3 Федерального закона от 13.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике»³ говорит о промышленном кластере как о совокупности субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие

¹ Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. Москва: Эксмо; 2006.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 365-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7043.

³ Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 41.

территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации.

Методы исследования

Исследование проблематики административно-правового регулирования деятельности медицинских кластеров, определяет методологию исследования, включающую в себя использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и естественнонаучных явлений в контексте избранной темы, а также метода статистического анализа.

Результаты исследования

Подводя итог анализу современного состояния и перспектив правового регулирования медицинских кластеров как объектов государственного управления, констатируем, что медицинские кластеры различных типов находятся в поле не вполне однотипного публично-правового регулирования, что вызвано разноплановостью подходов к пониманию и типологизации медицинских кластеров.

Соответственно, стоит задача однотипно определить понятие, признаки и структуру всех медицинских кластеров на территории Российской Федерации для выработки специфических подходов к публично-правовому регулированию их деятельности, видя перед собой цель качественного, прорывного развития в сфере медицинской деятельности.

В этой связи мы считаем необходимым внести изменения в часть 1 статьи 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» пункт 24 изложив его следующим образом: 24) медицинский кластер – территориально и инфраструктурно объединенная совокупность медицинских и (или) химико-фармацевтических организаций и (или) индивидуальных предпринимателей, осуществляющих медицинскую и (или) фармацевтическую деятельность, с целью достижения качественно нового для данного региона (регионов) уровня медицинской помощи, включая экспорт медицинских услуг и технологий, медицинской и фармацевтической науки, образования.

Научная дискуссия

Медицинские кластеры – относительно новый для нашей страны вид объектов государственного управления и административно-правового регулирования. Необходимость создания такого рода объектов вызвана попыткой быстро имплементировать достижения иностранной медицинской науки и практики в отечественную действительность. Пока о медицинских кластерах в нашей стране пишут в общих словах, без конкретного анализа деятельности [10, с. 25], что объясняется неразвитостью данного вида объекта государственного управления.

Федеральный закон от 29.06.2015 № 160-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ трактует данное явление как совокупность инфраструктуры территории международного медицинского кластера, участников проекта и механизмов взаимодействия участников проекта. То есть, составными элементами международного медицинского кластера выступают:

- территориальная инфраструктура, включающая в себя совокупность территории международного медицинского кластера и находящихся на ней зданий, строений, сооружений и иных объектов, в том числе объектов коммунальной инфраструктуры;
- медицинский проект как совокупность мероприятий, направленных на достижение целей деятельности международного медицинского кластера;
- участники проекта: российские юридические лица, индивидуальные предприниматели либо созданные и зарегистрированные в соответствии с законодательством иностранного государства – члена Организации экономического сотрудничества и развития иностранные юридические лица, индивидуальные предприниматели;
- иностранные медицинские специалисты;
- управляющая кампания медицинского кластера.

В части административно-правового регулирования нас интересуют особенности взаимодействия участников проекта, иностранных медицинских специалистов и управляющей кампании с органами, осуществляющими контроль и надзор за деятельностью медицинских кластеров. Впрочем, на момент написания работы функционирует лишь один международный

¹ Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 3951; 2019. № 30. Ст. 4142.

медицинский кластер в городе Москве, статус которого легально определен и где по состоянию на окончание 2022 года работала лишь одна клиника Hadassah Medical Moscow (Израиль). По данным Е.Б. Лупарева 2020 года «на территории московского медицинского кластера, который как раз и предполагается развивать на территории инновационного центра «Сколково» было зарегистрировано всего 3 участника: Hadassah medical Ltd (Израиль), один из госпиталей Сеульского национального университета (Южная Корея) и Société par actions simplifiée «Clinea» (акционерное общество упрощенного типа, Французская Республика)» [6, с. 176].

Тем не менее управляющая кампания Международного медицинского кластера осуществляет соответствующие полномочия, связанные с взаимодействием с органами публичной власти. В частности, направляет в порядке, установленном Постановлением Правительства РФ от 30.06.2016 № 609 «О порядке направления управляющей компанией международного медицинского кластера уведомления о начале осуществления участником проекта медицинской деятельности по оказанию медицинской помощи на территории международного медицинского кластера»¹ в Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения соответствующее уведомление. В свою очередь на Росздравнадзор возложена функция по предоставлению государственной услуги по приему, регистрации и учету уведомлений о начале осуществления участником проекта медицинской деятельности по оказанию медицинской помощи на территории международного медицинского кластера, направленных управляющей компанией международного медицинского кластера, а также ведению реестра поступающих уведомлений². В рамках данной функции Росздравнадзор ведет учет поступивших уведомлений о начале осуществления участником проекта медицинской деятельности по оказанию медицинской помощи на территории международного медицинского кластера, направленных управляющей компанией международного медицинского кластера³.

Управляющей кампанией международного медицинского кластера «Сколково» выступает Фонд Международного медицинского кластера, созданный Правительством города Москвы. Интересно заметить, что данный фонд является подведомственной организацией Департамента строительства города Москвы. Устав Фонда Международного медицинского кластера утвержден в 3 редакции 29 апреля 2021 года распоряжением Департамента строительства г. Москвы № р-94/21⁴.

На управляющую кампанию международного медицинского кластера возложены контрольно-надзорные полномочия публичного характера. Можно утверждать, что в данном случае управляющая кампания выполняет функции публичного аутсорсинга в части контроля за соответствием деятельности участников проекта целям деятельности международного медицинского кластера, а также требованиям Федерального закона № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере» в порядке, утвержденном Наблюдательным советом управляющей компании. В соответствии с Постановлением Правительства г. Москвы от 21 сентября 2015 года № 600-ПП «О мерах по обеспечению создания и функционирования международного медицинского кластера в городе Москве»⁵ Фонд является унитарной некоммерческой организацией в организационно-правовой форме фонда, целью деятельности которой является обеспечение функционирования международного медицинского кластера и управление им. Порядок осуществления контрольно-надзорных полномочий определяется Наблюдательным советом Фонда международного медицинского кластера.

¹ Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4734.

² Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по предоставлению государственной услуги по приему, регистрации и учету уведомлений о начале осуществления участником проекта медицинской деятельности по оказанию медицинской помощи на территории международного медицинского кластера, направленных управляющей компанией международного медицинского кластера, а также ведению реестра поступающих уведомлений: Приказ Росздравнадзора от 19.12.2019 № 9520 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ О порядке ведения учета поступивших уведомлений о начале осуществления участником проекта медицинской деятельности по оказанию медицинской помощи на территории международного медицинского кластера, направленных управляющей компанией международного медицинского кластера: Приказ Росздравнадзора от 08.02.2017 № 777 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ [сайт]. Фонд Международного медицинского кластера; 2022 [процитировано 08 декабря 2022]. Доступно: <https://www.mimc.global/upload/iblock/413/Ustav-Fonda-MMK.pdf>.

⁵ [сайт]. Фонд Международного медицинского кластера; 2022 [процитировано 08 декабря 2022]. Доступно: https://www.mimc.global/upload/iblock/057/Postanovlenie_Pravitelstva_Moskvy_ot_21_09_2015_N_600_PP_r.13.10.20.pdf.

Столь сложная управленческая структура во многом является своего рода экспериментом, правда, очень дорогостоящим. Согласимся с мнением О.В. Романовской о том, что «можно прийти к выводу, что при наличии практики реального делегирования отдельных властных полномочий субъектам частного права у российского законодателя отсутствует общая концепция, определяющая общие условия и правила такого перераспределения компетенции. Наиболее остро это проявляется в вопросах государственного контроля за осуществлением властных полномочий. При этом он не должен сводиться лишь к порядку проведения периодических проверок» [8, с. 41].

Важно заметить место Международного медицинского кластера в системе оказания медицинской помощи на территории Инновационного центра «Сколково». Как справедливо замечает В.В. Комарова «федеральный законодатель сам ограничивает права граждан в обозначенной сфере. Так, в соответствии с нормами Федерального закона от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» право на медицинское обслуживание находится в сфере регулирования управляющей компании, а согласно ст. 17 «медицинская деятельность на территории Центра осуществляется медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения» – налицо прямая подмена выполнения государственных функций и уход от ответственности» [5, с. 70]. Судя по всему, Международный медицинский кластер в Сколково является далеко не единственной организацией по оказанию медицинских услуг на данной территории.

Существует специфика реализации функций по санитарно-эпидемиологическому надзору на территории Международного медицинского кластера. Данный надзор осуществляется по иным, нежели общероссийские нормативам, но только в случае заявления о их применении к участникам кластера. Для реализации данного механизма управляющая компания международного медицинского кластера уведомляет Роспотребнадзор о применяемых санитарных нормативах¹.

Между тем, помимо официально урегулированного понятия «международный медицинский кластер», в теории [4, с. 64] и практике используется термин «медицинский кластер» применительно к формируемым в отдельных регионах медицинским комплексам². В приведенном примере формирующегося медицинского кластера города Краснодара акцент сделан именно на развитии экспортного потенциала медицины. В данном случае муниципальными нормативно-правовыми актами не раскрывается понятие «медицинский кластер», а лишь указывается на намерение его создать.

На уровне межвузовского взаимодействия в Российской Федерации сформированы несколько научно-образовательных медицинских кластеров (в дальнейшем – НОМК) [9, с. 21] к которым, в частности, относятся: Научно-образовательный медицинский кластер Северо-Западного федерального округа «Западный»³; Северный научно-образовательный медицинский кластер⁴; Стоматологический медицинский кластер⁵; Западно-Европейский, Восточно-Европейский, Южный, Восточный, Сибирский, Уральский, Средневолжский⁶, Нижневолжский, Северо-Кавказский,

¹ О порядке направления управляющей компанией международного медицинского кластера в Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека информации о санитарно-эпидемиологических правилах и гигиенических нормативах либо требованиях санитарно-эпидемиологических регламентов или документов иностранных государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития, применяемых на территории кластера: Постановление Правительства РФ от 05.02.2016 № 74 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 7. Ст. 984.

² Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Краснодар до 2030 года: Решение городской Думы города Краснодара от 19.11.2020 № 4 [сайт]. Официальный Интернет-портал администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара; 2022 [протитировано 14 декабря 2022]. Доступно: <https://krd.ru/dokumenty/dokumenty-gorodskoy-dumy/document-23112020141321>.

³ [сайт]. ФГБОУ ВО СПбГПМУ Минздрава России; 2022 [протитировано 14 декабря 2022]. Доступно: <https://gpmu.org/university/cluster/>.

⁴ [сайт]. Северный научно-образовательный медицинский кластер; 2022 [протитировано 14 декабря 2022]. Доступно: <http://nsemc.ru/1.php>.

⁵ Макарова Е.М. В России появился первый стоматологический кластер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vademec.ru/news/2016/02/09/v_rossii_poyavilsya_pervyy_stomatologicheskii_klaster/?ysclid=lbqfo09gu1882954687 (дата обращения: 14.12.2022).

⁶ В КГМУ подписали соглашение о создании медицинского кластера [сайт]. РБК; 2022 [протитировано 19 декабря 2022]. Доступно: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/567263029a79474fda35e613>.

Химико-фармацевтический. Данные кластеры также имеют нормативную основу своего существования в виде Приказа Минздрава России от 26.11.2015 № 844 «Об организации работы по формированию научно-образовательных медицинских кластеров» (вместе с «Положением об организации работы по формированию научно-образовательных медицинских кластеров», «Перечнем научно-образовательных медицинских кластеров»)¹.

Координатором деятельности конкретного кластера выступает одна из образовательных медицинских организаций, входящих в кластер. Так, например, ВУЗом-координатором Уральского НОМК выступает Уральский государственный медицинский университет², но это не придает ему какого-либо дополнительного государственно-управленческого статуса. Все взаимоотношения с соответствующими органами публичного управления каждый участник НОМК выстраивает самостоятельно.

Если проанализировать характер деятельности рабочих групп научно-научно-образовательных медицинских кластеров на примере Восточно-Европейского НОМК, то явно прослеживаются такие направления деятельности как: медицинская наука и развитие сети диссертационных советов; вопросы высшего и среднего профессионального образования; вопросы непрерывного медицинского образования; воспитательная работа и молодежная политика; международная деятельность; вопросы регионального развития здравоохранения; вопросы цифровизации и цифровой трансформации; проблематика эпидемиологической ситуации³. Аналогичные направления деятельности характерны и для других НОМК⁴.

Наряду с закреплением понятийного аппарата и условий функционирования Международного медицинского кластера в Сколково такого же закрепления потребовали и иные медицинские кластеры. На подзаконном уровне в упомянутом Приказе Минздрава России № 844 под научно-образовательным медицинским кластером понимается территориальное или профильное функциональное объединение организаций, осуществляющих образовательную деятельность и (или) научную (научно-исследовательскую) деятельность, подведомственных Министерству здравоохранения Российской Федерации, создаваемое в целях взаимодействия между участниками кластера для решения стратегических задач в сфере охраны здоровья граждан. Такое объединение не является юридическим лицом. Если сопоставить данную трактовку кластера с понятием Международного медицинского кластера, то они различаются между собой по проектному элементу. В Международном медицинском кластере это конкретная совокупность мероприятий единой целевой направленности, что определяет данный медицинский кластер как программно-целевой объект управления. В научно-образовательном медицинском кластере употребляется довольно размытое описание целей создания: «реализации современной эффективной корпоративной системы подготовки квалифицированных специалистов здравоохранения, создания эффективной инновационной системы непрерывного профессионального образования (подготовка кадров высшей квалификации и дополнительное профессиональное образование), реализации инновационных проектов на основе интеграции научного, образовательного и инновационного потенциала участников кластера».

Встает ряд вопросов в связи с целями создания научно-образовательных медицинских кластеров. Во-первых, почему речь идет о корпоративной, а не о государственной системе подготовки медицинских работников? Во-вторых, почему ряд кластеров включают в себя медицинские образовательные организации территориально не связанных между собой регионов? В этом смысле больше всего вопросов к формированию стоматологического научно-образовательного кластера, включающего в себя 10 образовательных организаций, территориально не связанных между собой. В этом смысле показательна мысль ряда авторов о том, что «создание кластерных инициатив в тех отраслях промышленности и на тех территориях, где отсутствуют географические кластеры,

¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² [сайт]. Официальный сайт Уральского государственного медицинского университета; 2022 [процитировано 20 декабря 2022]. Доступно: <https://usma.ru/uralskij-nauchno-obrazovatelnyj-medicinskij-klaster/o-klasterne/uchastniki-klastera/>.

³ [сайт]. Официальный сайт Восточно-Европейского медицинского кластера; 2022 [процитировано 20 декабря 2022]. Доступно: <https://med-cluster.ru/board/>.

⁴ Перечень постоянно действующих комиссий научно-образовательного медицинского кластера Южного федерального округа – «Южный» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rostgmu.ru/wp-content/uploads/2019/02/img-226144441.pdf> (дата обращения: 19.12.2022).

сформировавшиеся естественным путем, вызывает сомнения, в то время как выявление географических кластеров и создание на их основе кластерных инициатив – важный инструмент стимулирования экономического развития в странах с переходной экономикой» [2, с. 345].

Необходимо констатировать, что кроме упомянутого приказа Министерства здравоохранения РФ № 844 и локальных актов образовательных организаций – участников НОМК иных источников, регулирующих деятельность НОМК не существует, что ставит под сомнение наличие специфики государственного управления именно этими объектами медико-образовательной и медико-научной деятельности. В любом случае, кроме проведения совместных мероприятий научного или образовательного [3, с. 135] характера, данные кластеры ничем себя не проявили. Даже в этой части в работе НОМК проявляются разные подходы к интенсивности их деятельности. В частности, последние итоги деятельности НОМК «Сибирский» датированы 2019 годом¹. Представители экономической науки не всегда оценивают политику создания кластеров в некоторых регионах, в частности, в Северо-Кавказском федеральном округе, как эффективный путь организации управленческих процессов [7, с. 54].

Мы считаем, что здравая идея создания научно-образовательных медицинских кластеров перечеркивается порой отсутствием одного из основополагающих признаков кластера – географической локализации! Тем не менее НОМК представляют собой объективное юридизированное явление закрывать глаза на которое контрпродуктивно.

Список использованной литературы:

1. Адамова К.З. Кластеры: понятие, условия возникновения и функционирования. *Вестник Саратовского государственного технического университета*. 2008;3(1(34)):129–135.
2. Александрова Е.А., Иванова В.И., Кузнецова М.Ю. Кластеры и кластерные инициативы в биофармацевтической промышленности России: идентификация, структура, география. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2019;18(3):341–374. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2019.302.
3. Амлаев К.Р., Койчуева С.М. Наука и инновации в рамках реализации кластерных подходов в Научно-образовательном медицинском кластере «Северо-Кавказский». *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021;29(1):135–138. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-1-135-138.
4. Будаев А.М. Реализация права на охрану здоровья граждан на местном уровне: теория, практика, контроль. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(10):64–71. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.064-071>.
5. Комарова В.В. Медицинское право. Взгляд конституционалиста. *Актуальные проблемы медицинского права*. Материалы 2 Всероссийской научно-практической конференции. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина; ответственный редактор А.А. Мохов. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина; 2015.
6. Лупарев Е.Б. Публично-правовое регулирование

References:

1. Adamova K.Z. [Clusters: concept, conditions of occurrence and functioning]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Technical University*. 2008;3(1(34)):129–135. (In Russ.)]
2. Aleksandrova E.A., Ivanova V.I., Kuznetsova M.Yu. [Clusters and cluster initiatives in the biopharmaceutical industry of Russia: identification, structure, geography]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Menedzhment = Bulletin of St. Petersburg University. Management*. 2019;18(3):341–374. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2019.302. (In Russ.)]
3. Amlaev K.R., Koichueva S.M. [Science and innovation as part of the implementation of cluster approaches in the Scientific and Educational Medical Cluster "North Caucasus"]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny = Problems of social hygiene, health care and the history of medicine*. 2021;29(1):135–138. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-1-135-138. (In Russ.)]
4. Budaev A.M. [Realization of the right to health protection of citizens at the local level: theory, practice, control]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2022;17(10):64–71. DOI: <https://doi.org/10.17803/19941471.2022.143.10.064-071>. (In Russ.)]
5. Komarova V.V. [Medical law. The view of a constitutionalist]. *Aktual'nye problemy meditsinskogo prava = Actual problems of medical law*. Materials of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow State Law University named after O.E. Kutafin; executive editor A.A. Mokhov. Moscow: Kutafin Moscow State Law University; 2015. (In Russ.)]
6. Luparev E.B. [Public legal regulation of the export of

¹ [сайт]. Официальный сайт научно-образовательного медицинского кластера «Сибирский»; 2022 [протитировано 20 декабря 2022]. Доступно: <https://medcluster.pro/>.

экспорта медицинских услуг в России: постановка проблемы. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2020;(2(41)):171–178. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2804.

7. Панаедова Г.И., Масленникова Н.В., Горлов С.М. Индикативная модель развития Северо-Кавказского макрорегиона. *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2017;(39):54–70. DOI: 10.17223/19988648/39/4.

8. Романовская О.В. Конституционные основы делегирования государственно-властных полномочий субъектам частного права (на примере управляющих компаний). *LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН)*. 2017;(2(123)):32–41. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.032-041.

9. Смирнов А.М. Социально-экономические проблемы материнского (семейного) капитала в России. *Безопасность бизнеса*. 2022;(4):21–24. DOI: 10.18572/2072-3644-2022-4-21-24.

10. Шипова Е.А. Медицинские кластеры как субъекты обработки генетической информации. *Конкурентное право*. 2019;(2):25–27.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елифанова Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-6611-8031

Author ID: 57200340983

medical services in Russia: problem statement]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2020;(2(41)):171–178. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.2/2804. (In Russ.)]

7. Panaedova G.I., Maslennikova N.V., Gorlov S.M. [Indicative model of development of the North Caucasus macroregion]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ehkonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2017;(39):54–70. DOI: 10.17223/19988648/39/4. (In Russ.)]

8. Romanovskaya O.V. [Constitutional bases of delegation of state authority to subjects of private law (on the example of management companies)]. *LEX RUSSICA (RUSSKII ZAKON) = LEX RUSSICA (RUSSIAN LAW)*. 2017;(2(123)):32–41. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.123.2.032-041. (In Russ.)]

9. Smirnov A.M. [Socio-economic problems of maternal (family) capital in Russia]. *Bezopasnost' biznesa = Business security*. 2022;(4):21–24. DOI: 10.18572/2072-3644-2022-4-21-24. (In Russ.)]

10. Shipova E.A. [Medical clusters as subjects of genetic information processing]. *Konkurentnoe pravo = Competition law*. 2019;(2):25–27. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Epifanova

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-6611-8031

Author ID: 57200340983

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пашонина В.Е.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Пашонина В.Е. К вопросу об административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций в Российской Федерации. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):23–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-23-30>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Пашонина Валерия Евгеньевна, аспирант кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 166-75-12

E-mail: kuklina-valeria@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 10.08.2023

Статья принята к печати: 11.09.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: Административно-процессуальная правосубъектность иностранных организаций – это важнейшая правовая категория, определяющая возможность организации иметь, приобретать, осуществлять и исполнять административно-процессуальные права и обязанности, то есть быть субъектом административно-процессуальных правоотношений.

Изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, а также внешнеполитические факторы (2020–2023 гг.) наложили отпечаток на правосубъектность иностранных организаций в Российской Федерации.

Указанная проблематика обуславливает актуальность изучения административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций. *Целью* настоящего исследования является определение административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций в рамках административного процесса в целом, включая проблематику ограничения процессуальных прав иностранных организаций, которыми пользуется законодатель и правоприменитель в Российской Федерации.

В связи с указанной целью необходимо отметить следующие *задачи*: изучение нормативно-правовой и правоприменительной практики, затрагивающей вопросы административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций; выявление путей и способов, с помощью которых законодатель и правоприменитель имеют возможность ограничить административно-процессуальную правосубъектность иностранных организаций.

Вывод настоящего исследования заключается в том, что государство в целом приравнивает административно-процессуальную правосубъектность иностранных и российских организаций. Фактов ограничения административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций, в порядке предусмотренном Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, на момент проведения настоящего исследования не обнаружено. Однако законодатель и правоприменитель используют иные, не прямые пути ограничения, например

признание иностранной организации террористической или осуществляющей экстремистскую деятельность.

Ключевые слова: административный процесс, административное судопроизводство, иностранная организация, административно-процессуальная правосубъектность.

ON THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL LEGAL PERSONALITY OF FOREIGN ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Valeria E. Pashonina

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Pashonina V.E. On the issue of administrative and procedural legal personality of foreign organizations in the Russian Federation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):23–30. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-23-30>

CONTACT INFORMATION:

Valeria E. Pashonina, Postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 166-75-12

E-mail: kuklina-valeria@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 10.08.2023

The article has been accepted for publication: 11.09.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: The administrative-procedural legal personality of foreign organizations is the most important legal category that determines the ability of an organization to have, acquire, exercise and perform administrative-procedural rights and obligations, that is, to be a subject of administrative-procedural legal relations.

The amendments made to the Constitution of the Russian Federation in 2020, as well as foreign policy factors (2020–2023) have left an imprint on the legal personality of foreign organizations in the Russian Federation.

This problem determines the relevance of studying the administrative-procedural legal personality of foreign organizations. The purpose of this study is to determine the administrative and procedural legal personality of foreign organizations within the framework of the administrative process as a whole, including the problems of limiting the procedural rights of foreign organizations enjoyed by legislators and law enforcement officers in the Russian Federation.

In connection with this goal, the following tasks should be noted: the study of regulatory and law enforcement practice affecting the issues of administrative and procedural legal personality of foreign organizations; identification of ways and means by which the legislator and the law enforcement officer have the opportunity to limit the administrative and procedural legal personality of foreign organizations.

The conclusion of this study is that the state as a whole equates the administrative and procedural legal personality of foreign and Russian organizations. There were no facts of restriction of the administrative-procedural legal personality of foreign organizations, in accordance with the procedure provided for by the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, at the time of this study. However, the legislator and law enforcement officer use other, indirect ways of restriction, for example, recognition of a foreign organization as terrorist or carrying out extremist activities.

Keywords: administrative process, administrative proceedings, foreign organization, administrative procedural legal personality.

Введение

Административно-процессуальная правосубъектность иностранных организаций – это динамичная правовая конструкция, объем и содержание которой может изменяться под влиянием отдельных юридических фактов. Изучение и определение административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций является важным вопросом как для законодателя, так и для правоприменителя, так как именно от административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций зависит правовое положение иностранной организации в административном процессе. В связи с изменениями внутреннего российского законодательства, внешнеполитическими факторами (2020–2023 гг.) намечаются предпосылки изменения статуса отдельных иностранных организаций в Российской Федерации.

Методы исследования

В основе настоящего исследования лежат основные фундаментальные общенаучные методы, используемые российской наукой административного права и административного процесса. Необходимо выделить диалектический метод исследования, позволяющий обнаружить и разрешить противоречия, содержащиеся в понятиях, и системный метод, который в рамках концепции исследования позволяет рассмотреть административно-процессуальную правосубъектность иностранных организаций через призму целостности, иерархичности и структурированности построения норм и правоотношений. В контексте избранной теме также используется метод сравнительного правоведения (как частно-научный метод), показывающий различия и единство правовых норм различных стран в сфере регулирования административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций и общей концепции понимания и правового регулирования юридических лиц (организаций).

Результаты исследования

Результатом исследования является вывод о наличии у законодателя и правоприменителя возможности ограничения процессуальных прав иностранных организаций в Российской Федерации.

Несмотря на установленный в части 4 статьи 4 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) порядок ограничения прав иностранных организаций в административном судопроизводстве только посредством Постановлений Правительства Российской Федерации, законодатель и правоприменитель используют иные способы для ограничения. К таким способам можно отнести признание организации террористической или осуществляющей экстремистскую деятельность. Последствием такого ограничения является запрет для иностранной организации на осуществление деятельности на территории Российской Федерации (статья 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и статья 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»), что приводит к ограничению административно-процессуальных прав иностранной организации.

Научная дискуссия

О.В. Муза пишет, что «научная дискуссия, посвященная вопросу об административной процессуальной правосубъектности, прежде всего связана с теоретическим определением ее категориальных составляющих. При этом, рассматривая этот теоретический концепт, особое внимание необходимо уделить правовым возможностям реализации субъектами административного права своих субъективных прав и интересов в различных сферах административно-процессуальной деятельности» [11, с. 57].

Иностранная организация в Российской Федерации как субъект административно-процессуальных отношений обладает административно-процессуальной правосубъектностью. Особенностью административно-процессуальной правосубъектности является то, что она имеет непостоянный характер. В начале процесса и по его окончании правосубъектность лица изменяется.

Под административно-процессуальной правосубъектностью следует понимать способность и возможность лица иметь, приобретать и осуществлять административно-процессуальные права и исполнять административно-процессуальные обязанности, иначе говоря, быть субъектом административно-процессуальных правоотношений.

Критерии, по которым организация определяется как иностранная, различны. Разнообразие подходов к пониманию «национальности» организации отражается на внутригосударственном праве государств. В настоящей работе используется понятие «национальность» организации для определения принадлежности организации к определенному государству [4, с. 91].

В основу определения административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций в Российской Федерации легла теория инкорпорации, в основе которой лежит критерий места учреждения организации [12, с. 99]. Используемая российским законодателем теория инкорпорации, активно подвергается критике в науке. Еще в дореволюционной юридической науке вопросы применения на практике критерия, лежащего в основе теории инкорпорации, являлись поводом для дискуссии. Так, Л.А. Шалланд пишет, что «общество признается иностранным, если оно учреждено за границей и его правление находится за границей» [15, с. 18]. И.М. Брун, утверждает, что «если на территории государства находятся центральный орган компании и весь ее субстрат и там же происходит ее основная деятельность, то государство может не согласиться признать такое юридическое лицо иностранным только из-за того, что его устав был зарегистрирован за границей» [1, с. 10]. Автор называет теорию оседлости как наиболее привлекательную с практической точки зрения.

В основе теории оседлости, которая активно используется законодателями стран Западной Европы, лежит критерий определения национальности организации в связи с местом нахождения административного центра организации (*siege sociale*) [3, с. 119].

Различие национальных режимов и теорий, которые лежат в основе определения национальности организации, преодолевается посредством международного права и межгосударственного сотрудничества.

Интересен опыт Европейского союза (далее – ЕС), где во внутригосударственном праве стран-участниц ЕС берется за основу определения национальности организации как теория инкорпорации, так и теория оседлости. Большую роль в преодолении коллизий, связанных с определением национальности организаций, а также в унификации и гармонизации законодательства играет Суд ЕС [7, с. 132]. Созданная судом прецедентная база, позволяющая преодолевать коллизии в определении национальности организаций, позволяет странам-участницам ЕС сократить правовые споры по поводу определения правосубъектности организаций.

Коллизии, возникающие в связи различиями в законодательстве государств, зачастую устраняются посредством международных договоров.

Рассматривая международные договоры Российской Федерации, определяющие административно-процессуальную правосубъектность иностранных организаций, следует отметить Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Соглашение заключено в рамках СНГ в 1992 году), в которой за основу также берется теория инкорпорации.

Важно обратить внимание и на двусторонние договоры Российской Федерации, разрешающие коллизии в определении административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций на территории Российской Федерации и иностранного государства.

Часть 2 статьи 22 Договора между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 05.03.1996 устанавливает, что «правоспособность юридического лица определяется законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой оно учреждено»¹.

Аналогичные положения содержатся также в следующих договорах: Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14.09.1994 (часть 2 статьи 22)²; Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23.09.1997 (часть 2 статьи 21)³; Договор между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о

¹ Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 05.03.1996 // Бюллетень международных договоров. 2001. № 1. С. 55–74.

² Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14.09.1992 // Бюллетень международных договоров. 1995. № 3. С. 16–36.

³ Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23.09.1997 // Бюллетень международных договоров. 2003. № 11. С. 40–51.

правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 25.08.1998 (часть 2 статьи 19)¹.

Стоит обратить внимание на то, что международные правовые акты и КАС РФ используют понятие «организация» в силу различий правовых систем в мире.

Однако в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) в статьях 2.6 и 2.10 используется понятие «юридическое лицо», как субъекта административного правонарушения. Из чего возникают следующие вопросы: могут ли являться субъектами административных правонарушений иностранные организации, не являющиеся юридическими лицами и какой административно-процессуальной правосубъектностью обладают.

В административно-правовой и административно-процессуальной науке нет единого подхода к пониманию понятий «юридическое лицо» и «организация».

Статья 48 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет юридическое лицо как организацию, имеющую обособленное имущество, отвечающую этим имуществом по своим обязательствам, которая может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Получается, что, применяя по аналогии из гражданского права понятие «юридическое лицо», законодатель четко очерчивает круг субъектов, которые могут быть привлечены к административной ответственности и быть субъектами административно-процессуальных правоотношений в рамках привлечения в ответственности на основании норм КоАП РФ.

Социология определяет «организацию» как «объединение людей, совместно реализующие определенно поставленные цели, на основании установленных принципов и правил, имеющее свою структуру и внутреннюю организацию»².

Для учета потребностей публично-правовых отраслей права, по нашему мнению, необходимо использовать конструкцию, предложенную социологической наукой [2, с. 415].

Использование понятия «организация» является более разумным особенно в части регулирования положения иностранных организаций. Во-первых, это оправдывается тем, что, процедура регистрации организаций предусмотрена не всегда. Так, в Германии для малых предприятий (коммерсантов) не предусмотрена обязательной регистрации в реестре юридических лиц [16, с. 60]. Из этого следует, что законодатель, используя конструкцию «юридическое лицо», ограничивает объем организаций, подпадающих под действие правовых актов.

Во-вторых, А.И. Стахов отмечает, что привлечение юридического лица к административной ответственности затрудняется еще и тем, что «не предполагает при рассмотрении данного дела обязанность уполномоченного органа (должностного лица) проводить оценку активных действий руководителя, иных должностных лиц, а также других представителей юридического лица по исполнению правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность юридического лица». Разъяснения Верховного Суда РФ сводятся к тому, что юридические лица привлекаются в административной ответственности аналогично с должностными лицами, без каких-либо различий [14, с. 110].

При этом в КоАП РФ все же используется понятие «иностранная организация» в статье 20.33, предусматривающей административную ответственность за участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности.

Согласно части 5 статьи 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации иностранные организации могут являться стороной в арбитражном процессе. Однако никакого специальной правосубъектности для иностранных организаций не предусмотрено, из чего можно сделать вывод, что они обладают общей процессуальной правосубъектностью.

Ограничение процессуальных прав иностранных организаций реализуется посредством Постановлений Правительства РФ, правовой основой которых является передача полномочий Правительству РФ законодателем РФ в соответствии с частью 4 статьи 4 КАС РФ.

¹ Договор между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 25.08.1998 // Бюллетень международных договоров. 2013. № 5. С. 111–135.

² Абакумов В.В., Голубев А.А., Кустарев В.П., Подлесных В.И., Прохоров Ю.К., Тюленев Л.В. Менеджмент: учебник. СПб., 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://de.ifmo.ru/bk_netra/page.php?tutindex=3&index=22 (дата обращения: 08.05.2023).

Для понимания общей картины возможности ограничения административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций, стоит рассмотреть национальные режимы иностранных государств по этому вопросу.

В части 3 статьи 22 Административно-процессуального кодекса Республики Казахстан установлено, что иностранные юридические лица обладают правами и несут обязанности наравне гражданами и юридическими лицами Республики Казахстан. При этом делается оговорка на то, что иные правила могут предусмотрены законодательством Республики Казахстан и международными договорами. Законодатели стран Европы устанавливают аналогичные нормы при определении административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций [6, с. 142].

Анализ национальных режимов показывает, что государства напрямую не ограничивают процессуальные права и обязанности иностранных организаций как участников административного процесса. Однако законодатель и правоприменитель используют иные способы для ограничения административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций.

Одной из таких мер является признание организации террористической или осуществляющей экстремистскую деятельность.

Анализ российского, зарубежного и международного права показывает, что как на внутригосударственном, так и на международном уровне, законодатели идут по единому пути борьбы с осуществлением экстремистской деятельности и терроризмом.

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) в 2006 году приняла Глобальную контртеррористическую стратегию, подписанную 08 сентября 2006 г. В принятии данной стратегии 193 страны из 197 существующих выразили готовность вести совместную борьбу с терроризмом и приняли меры по обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы борьбы с терроризмом [5, с. 166].

Интересен опыт Соединенных Штатов Америки, где существует несколько списков иностранных организаций, признаваемых террористическими или осуществляющими экстремистскую деятельность. Такие списки ведет Государственный департамент США и Министерство финансов США [13, с. 111]. Деятельность иностранных организаций, признанных террористическими или осуществляющими экстремистскую деятельность в США запрещается, а также запрещается въезд на территорию страны для иностранных граждан – представителей или членов такой организации, если такие граждане находятся на территории США, то они подлежат депортации.

В Европе существует сразу два списка организаций, признанных террористическими или осуществляющими экстремистскую деятельность. Первый список является внешним, в него внесены организации, признанные террористическими или осуществляющими экстремистскую деятельность, ООН. Второй список – внутренний список ЕС, в который внесены организации, признанные террористическими или осуществляющими экстремистскую деятельность на территории ЕС¹. Законодательство ЕС предусматривает санкции для таких организаций, при этом внутригосударственное законодательство стран-членов ЕС предусматривает запрет деятельности иностранных организаций, внесенных в указанные списки [8, с. 25].

Признание иностранной организации террористической или осуществляющей экстремистскую деятельность является одним из фактов ограничения административно-процессуальной правосубъектности.

Согласно положениям Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» иностранной организации, признанной судом террористической или осуществляющей экстремистскую деятельность, запрещается осуществлять деятельность на территории Российской Федерации.

Из этого следует, что иностранная организация лишается полностью тех или иных процессуальных и материальных прав, свобод, гарантий. Ярким примером можно назвать запрет деятельности Американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. (далее – Meta), в связи с вынесением судебного решения о признании организации осуществляющей экстремистскую деятельность (Решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022²).

¹ Official Journal of the European Union. 27.20.2023. L. 61/58.

² Решение Тверского районного суда города Москвы по делу № 02-2473/2022 от 21.03.2022 [сайт]. Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы; 2023 [протитировано 06 мая 2023]. Доступно:

Стоит обратить внимание на следующее: почему суд, признавая Meta экстремистской организацией, заблокировал продукты (социальные сети) Facebook и Instagram, исключил мессенджер WhatsApp, который продолжает работать на территории РФ (по состоянию на май 2023 года). Суд выделил разницу в цифровых платформах между социальными сетями и мессенджерами, отметив для социальных сетей характерность публичного распространения информации [10, с. 32]. Возникает вопрос: почему продукт организации, признанной экстремистской, не блокируется и остается в прямом доступе для потребителей на территории России? Получается, что суд сам обходит собственное решение. Думается, что в данном случае суд руководствовался принципом целесообразности, поскольку мессенджер WhatsApp обладает самой большой аудиторией в Российской Федерации¹.

Государства обходят процедуру прямого ограничения административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций таким путем, что интересно рассматривать в рамках различий правовых систем различных государств. Организация, признанная террористической в одной стране, может в полном объеме пользоваться собственными правами, свободами, гарантиями и исполнять обязанности в другой стране, которая такую организацию не признает террористической или осуществляющей экстремистскую деятельность.

Элитное иранское военно-политическое формирование «Корпус стражей исламской революции» (далее – КСИР) признано террористической организацией на территории США, Израиля, Саудовской Аравии и Бахрейна. На территории Российской Федерации КСИР не признана таковой, исходя из этого административно-процессуальная правосубъектность организации никак не ограничивается.

Е.Б. Лупарев отмечает, что «если иностранная или международная организация не запрещена в России и не запрещена в стране ее учреждения, она потенциально может обладать административно-процессуальной правосубъектностью [9, с. 40].

Получается, что каждое государство имеет определенные возможности ограничения административно-процессуальной правосубъектности иностранных организаций, не используя прямые ограничивающие нормы в законодательстве, но достигая при этом цель в виде ограничения процессуальных прав иностранной организации.

Список использованной литературы:

1. Брун М.И. Юридические лица в международном частном праве: монография. Петроград: Обществ. польза; 1915.
2. Виниченко А.С., Крутова Я.А. Проблемы определения вины юридических лиц в административном праве. *Бюллетень науки и практики*. 2021;7(5):413–417. DOI: 10.33619/2414-2948/66/43.
3. Вознесенская Н.Н. Юридические лица в международном частном праве России и Европейского союза. *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2017;12(2):109–144.
4. Еремина Ю.И. Критерии определения личного закона и национальности юридического лица. *Juvenis scientia*. 2015;(1):89–93.
5. Канунникова Н.Г. Зарубежный опыт противодействия международному экстремизму и терроризму. *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014;(3(29)):163–168.
6. Касаткина А.С., Рудеман И.Ф. Правовое

References:

1. Brun M.I. [Legal entities in private international law]. Petrograd: Societies. use; 1915. (In Russ.)]
2. Vinichenko A.S., Krutova Ya.A. [Problems of determining the guilt of legal entities in administrative law]. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2021;7(5):413–417. DOI: 10.33619/2414-2948/66/43. (In Russ.)]
3. Voznesenskaya N.N. [Legal entities in private international law of Russia and the European Union]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2017;12(2):109–144. (In Russ.)]
4. Eremina Yu.I. [Criteria for determining the personal law and nationality of a legal entity]. *Juvenis scientia = Juvenis scientia*. 2015;(1):89–93. (In Russ.)]
5. Kanunnikova N.G. [Foreign experience in countering international extremism and terrorism]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*. 2014;(3(29)):163–168. (In Russ.)]
6. Kasatkina A.S., Rudeman I.F. [Legal regulation of the

<https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35?participants=meta>.

¹ [сайт]. ВЦИОМ; 2023 [процитировано 07 мая 2023]. Доступно: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lichnye-vstrechi-ne-vyshli-iz-mody>.

регулирование правосубъектности компаний в Европейском союзе. *Образование и право*. 2017;(8):132–146.

7. Касаткина А.С., Рудерман И.Ф. Прецедентное право Европейского союза и его влияние на регулирование вопросов признания правосубъектности юридических лиц. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017;(3):121–135. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.121.135.

8. Кравцов Д.Ю. Практика противодействия экстремизму в разных странах. *NB: Административное право и практика администрирования*. 2019;(4):22–28. DOI: 10.7256/2306-9945.2019.4.29819.

9. Лупарев Е.Б. Иностраный субъект в административном процессе: монография. Москва: Изд-во Проспект; 2022.

10. Мехдиев Т.Э. Правовые нюансы признания Мета экстремистской организацией. *Legaltech: Научные решения для профессиональной юридической деятельности*. Сборник докладов IX Московского юридического форума. В 4-х частях. Часть 1. Москва, 2022.

11. Муза О.В. Особенности административной процессуальной правосубъектности. *Журнал российского права*. 2013;(11):52–57.

12. Новиков В.В. Национальная принадлежность иностранных юридических лиц: концептуальные подходы и методологические приемы ее определения. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. 2006;(2(30)):99–102.

13. Овчинский В.С., Кочубей М.А. Экстремистские организации в США. *Журнал российского права*. 2009;(6(150)):101–113.

14. Стахов А.И. О некоторых проблемах и перспективах регулирования административно-правового статуса организации как участника административного дела. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018;(3(122)):106–115.

15. Шалланд Л.А. Юридическое положение иностранных акционерных обществ в России. *Право. Еженедельная юридическая газета*. 1902;(1):18–19.

16. Шишмарева Т.П. Субъекты торгового права Германии. *Актуальные проблемы российского права*. 2018;(2(87)):60–65. DOI: 0.17803/1994-1471.2018.87.2.060-065.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашонина Валерия Евгеньевна

аспирант кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

legal personality of companies in the European Union]. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2017;(8):132–146. (In Russ.)]

7. Kasatkina A.S., Ruderman I.F. [Case law of the European Union and its impact on the regulation of issues of recognition of legal personality of legal entities]. *Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ehkonomiki = Law.Journal of the Higher School of Economics*. 2017;(3):121–135. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.2.121.135. (In Russ.)]

8. Kravtsov D.Yu. [The practice of countering extremism in different countries]. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya = NB: Administrative law and administrative practice*. 2019;(4):22–28. DOI: 10.7256/2306-9945.2019.4.29819. (In Russ.)]

9. Luparev E.B. [A foreign subject in the administrative process]. Moscow: Publishing House Prospect; 2022. (In Russ.)]

10. Mekhdiiev T.Eh. [Legal nuances of recognition of Meta as an extremist organization]. *Legaltech: Nauchnye resheniya dlya professional'noj yuridicheskoy deyatel'nosti = Legaltech:Scientific solutions for professional legal activity*. Collection of reports of the IX Moscow Legal Forum. In 4 parts. Part 1. Moscow, 2022. (In Russ.)]

11. Muza O.V. [Features of administrative procedural legal personality]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2013;(11):52–57. (In Russ.)]

12. Novikov V.V. [Nationality of foreign legal entities: conceptual approaches and methodological methods of its determination]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2006;(2(30)):99–102. (In Russ.)]

13. Ovchinskii V.S., Kochubei M.A. [Extremist organizations in the USA]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2009;(6(150)):101–113. (In Russ.)]

14. Stakhov A.I. [On some problems and prospects of regulating the administrative and legal status of an organization as a participant in an administrative case]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2018;(3(122)):106–115. (In Russ.)]

15. Shalland L.A. [Legal status of foreign joint-stock companies in Russia]. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya Gazeta = Right. Weekly legal newspaper*. 1902;(1):18–19. (In Russ.)]

16. Shishmareva T.P. [Subjects of German commercial law]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2018;(2(87)):60–65. DOI: 0.17803/1994-1471.2018.87.2.060-065. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeria E. Pashonina

Postgraduate student of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ПРАВО ПЛАТЕЛЬЩИКА НА ОПТИМИЗАЦИЮ НАЛОГОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ НАЛОГОВЫМ ПРАВОМ: ПРЕДЕЛЫ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Перепелица М.А.

ФГБОУ ВО «Елецкий Государственный университет имени И.А. Бунина»
(Коммунаров ул., д. 28, г. Елец, Россия, 399770)

Ссылка для цитирования: Перепелица М.А. Право плательщика на оптимизацию налоговой обязанности и злоупотребление налоговым правом: пределы и юридические последствия. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):31–38. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-31-38>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Перепелица Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Юриспруденции имени В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий Государственный университет имени И.А. Бунина»

Адрес: Коммунаров ул., д. 28, г. Елец, Россия, 399770

Тел.: +7 (929) 003-91-41

E-mail: perepelitsa.doc@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 31.07.2023

Статья принята к печати: 31.08.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: В статье подымается вопрос о критериях разграничения субъективного права плательщика на налоговую оптимизацию и злоупотребления таким правом. Отсутствие четкости и правовой определенности в данном вопросе приводит к нарушению фискальных интересов государства, вследствие чего бюджеты несут финансовые убытки или нарушаются законные права налогоплательщиков. Попытка разрешить указанную проблему в рамках судебного правотворчества, безусловно, принесла положительный результат, однако, как показала практика – этого оказалось недостаточно. *Целью* статьи является определение граней между понятиями «право плательщика на налоговую оптимизацию» и «злоупотребление налоговым правом» с обоснованием закрепления данных положений в Налоговом Кодексе Российской Федерации. Отдельное внимание обращается на причины, способствующие увеличению возможностей плательщика для злоупотребления своим налоговым правом на оптимизацию.

В *результате* исследования отмечается, что под правом плательщика на налоговую оптимизацию следует понимать уменьшение размера налоговых обязательств посредством правомерных действий лица, включающих использование предоставленных законом прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налогов, сборов (обязательных платежей), их уменьшением или возмещением. А злоупотребление налоговым правом представляет собой такую форму реализации налогоплательщиком своего субъективного налогового права, когда оно противоречит своему истинному, формально установленному в законе назначению, является вредоносным и влечет за собой необоснованные экономические преимущества перед другими.

Вывод. Реализация права на налоговую оптимизацию – это всегда правомерное поведение плательщика. Основными пределами, за которыми право плательщика на оптимизацию налогообложения переходит в его злоупотребление, являются вредоносность и получение налоговых преимуществ перед другими плательщиками. Вредоносность не является неправомерным или

противоправным поведением лица, а свидетельствует о том, что он использует свое право на налоговую оптимизацию с целью достижения другого результата, который не был изначально предусмотрен законодателем при установлении смысла и содержания данного права. Поэтому, злоупотребление налоговым правом не влечет за собой какой-либо юридической ответственности для плательщика, так как он не нарушает нормы налогового законодательства и не выходит за обозначенные законом пределы, за которыми начинается уже налоговое правонарушение (уголовное преступление по ст. ст. 198, 199 УК РФ). Последствия в данной ситуации заключаются только в праввосстанавливающих действиях властвующего субъекта (суда или налогового органа).

Ключевые слова: право на налоговую оптимизацию, злоупотребление налоговым правом, налогоплательщик, налоговое преимущество, налоговый спор.

THE PAYER'S RIGHT TO OPTIMIZE TAX LIABILITY AND ABUSE OF TAX LAW: LIMITS AND LEGAL CONSEQUENCES

Maria A. Perepelitsa

FGBOU VO "Yelets State University named after I.A. Bunin"
(Kommunarov str., 28, Yelets, Russia, 399770)

Link for citation: Perepelitsa M.A. The payer's right to optimize tax liability and abuse of tax law: limits and legal consequences. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):31–38. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-31-38>

CONTACT INFORMATION:

Maria A. Perepelitsa, Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov of the FGBOU VO "Yelets State University named after I.A. Bunin"

Address: Kommunarov str., 28, Yelets, Russia, 399770

Tel.: +7 (929) 003-91-41

E-mail: perepelitsa.doc@gmail.com

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 31.07.2023

The article has been accepted for publication: 31.08.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: The article raises the question of the criteria for distinguishing the payer's subjective right to tax optimization and the abuse of such a right. The lack of clarity and legal certainty in this matter leads to a violation of the fiscal interests of the state, as a result of which budgets incur financial losses, or the legitimate rights of taxpayers are violated. An attempt to resolve this problem within the framework of judicial law-making, of course, brought a positive result, however, as practice has shown, this was not enough. The purpose of the article is to define the boundaries between the concepts of "the payer's right to tax optimization" and "abuse of tax law" with the justification of fixing these provisions in the Tax Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the reasons that contribute to increasing the possibilities of the payer to abuse his tax right to optimization.

As a result of the study, it is noted that the payer's right to tax optimization should be understood as a reduction in the amount of tax liabilities through lawful actions of a person, including the use of the rights granted by law related to exemption from taxes, fees (mandatory payments), their reduction or reimbursement. And the abuse of tax law is a form of the taxpayer's realization of his subjective tax right when it contradicts its true purpose, formally established in the law, is harmful and entails unjustified economic advantages over others.

Conclusion. The exercise of the right to tax optimization is always the lawful behavior of the payer. The main limits beyond which the payer's right to optimize taxation passes into its abuse are harmfulness and obtaining tax advantages over other payers. Harmfulness is not illegal or unlawful behavior of a person but indicates that he uses his right to tax optimization in order to achieve another result that was not originally

provided by the legislator when establishing the meaning and content of this right. Therefore, abuse of tax law does not entail any legal liability for the payer, since he does not violate the norms of tax legislation and does not go beyond the limits specified by law, beyond which a tax offense already begins (a criminal offense under Articles 198, 199 of the Criminal Code of the Russian Federation). The consequences in this situation consist only in the rightful actions of the ruling entity (court or tax authority).

Keywords: the right to tax optimization, abuse of tax law, taxpayer, tax advantage, tax dispute.

Введение

Основной целью при осуществлении налогоплательщиком предпринимательской деятельности является получение максимальной прибыли, поэтому еще до начала создания юридического лица, регистрации физического лица в статусе предпринимателя или уже в процессе своей деятельности – субъект применяет различные методы и схемы, позволяющие законно минимизировать затраты производства и, тем самым, увеличить доходы. Получение доходов или прибыли влечет за собой необходимость систематического выполнения основной налоговой обязанности, закрепленной в ст. 57 Конституции Российской Федерации, т.е. уплату налогов, сборов и других обязательных платежей, которые занимают существенное место в системе расходов субъекта предпринимательской деятельности. Это побуждает плательщика принимать решения, направленные на уменьшение налоговых платежей и минимизацию расходов от налоговых потерь. Иными словами, реализовывать свое право на налоговую оптимизацию.

В связи с тем, что в Налоговом Кодексе Российской Федерации понятие права плательщика на налоговую оптимизацию не нашло своего закрепления, в практике возникают ситуации, когда налогоплательщики слишком вольно или широко понимают его смысл, что выводит их в иное правовое измерение, где речь идет уже о злоупотреблении налоговым правом с целью уменьшения налоговой нагрузки на свою деятельность или последующего возмещения уже понесенных налоговых расходов. При этом налогоплательщики могут как добросовестно заблуждаться, будучи уверенными, что их действия попадают под механизм налоговой оптимизации, так и поступать недобросовестно, зная, что даже при отрицательном результате рассмотрения дела в суде или в налоговом органе – юридическая ответственность к ним применяться не будет. Для плательщика в данной ситуации действует принцип «разрешено все, что не запрещено законом».

Однако, и понятие «злоупотребление налоговым правом» также не отражено в налоговом законодательстве, что еще более усугубляет правовую неопределенность, сложившуюся в налоговых правоотношениях по данному вопросу. Плательщики, налоговые органы и судебные инстанции трактуют содержание права на налоговую оптимизацию и злоупотребление налоговым правом по своему усмотрению, на основании чего иногда ими принимаются противоречивые решения по аналогичному налоговому спору¹. То есть, в настоящее время в налоговом законодательстве нет норм права, позволяющих четко отграничивать право плательщика на налоговую оптимизацию от злоупотребления таким правом. Их отсутствие привело к тому, что разрешение данного законодательного пробела было предоставлено судам², и следует сказать, что все, что можно было

¹ Постановление Арбитражного Суда Уральского округа от 04.02.2021 № Ф09-9691/19 по делу № А50-17644/2019; Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 16.12.2020 № Ф05-21042/2020 по делу № А40-160906/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (В первом случае суд поддержал налоговый орган по вопросу применения механизма налоговой конструкции при применении плательщиков способов по налоговой оптимизации, а, во втором – принял противоположное решение по аналогичному вопросу).

² По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (П. 3 данного Постановления устанавливает, что недопустимо установление ответственности за такие действия налогоплательщика, которые, хотя и имеют своим следствием неуплату налога либо уменьшение его суммы, но заключаются в использовании предоставленных налогоплательщику законом прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налога или с выбором наиболее выгодных для него форм предпринимательской деятельности и соответственно – оптимального вида платежа. То есть, Конституционный Суд данной правовой формулировкой узаконил право плательщика на налоговую оптимизацию); Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Данным Постановлением Высший Арбитражный Суд РФ фактически попытался разграничить право плательщика на налоговую оптимизацию от злоупотребления налоговым правом исходя из критериев, позволяющих отличать обоснованную налоговую выгоду от необоснованной).

сделать в этой ситуации ими было сделано. Однако, правовые акты Конституционного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ выступили только общими ориентирами и, так сказать, только поверхностно очертили контуры, для принятия решений арбитражными судами, возложив на них ответственность по вопросам изучения каждого отдельного индивидуального налогового спора и принятия окончательного решения. Дальнейшая «судьба» рассмотрения налоговых дел данной категории показала, что, в свою очередь, практика судов также является противоречивой и спорной, даже в тех случаях, когда речь идет о аналогичных делах. Ситуация сложилась таким образом, потому что, данная проблема не может найти свое окончательное разрешение в рамках судебного правотворчества и практики. Это сугубо налоговый вопрос, который должен быть установлен налоговым законом (Налоговым Кодексом Российской Федерации), безусловно, с перспективами дальнейшей корректировки при необходимости, так как любые общественные отношения всегда значительно динамичнее и многоаспектнее, чем модель правоотношений, закрепленных в юридическом законе.

Последствия такой правовой неопределенности приводят к нарушению фискальных интересов государства, когда бюджеты, вследствие ошибочных судебных решений, несут финансовые убытки (например, решения о незаконном бюджетном возмещении по НДС и др.)¹, или нарушению налоговых прав и законных интересов плательщиков². В налогово-правовой науке справедливо отмечается, что: «Неопределенность границ оптимизации налогов подрывает доверие государству и желание честно платить налоги, увеличивает расходы на содержание контролирующих органов и судов, повышает коррупционную составляющую, снижает инвестиционную привлекательность бизнеса» [2, с. 119]. Кроме этого, налоговые споры, вследствие такой «правовой расплывчатости» обозначенной проблемы, ложатся дополнительной нагрузкой как на судебную систему, так и на работу налоговых органов, отвлекая их от исполнения других важных обязанностей. Законодательное закрепление в Налоговом Кодексе Российской Федерации понятий «право на налоговую оптимизацию» и «злоупотребление налоговым правом», четкое и однозначное определение границ между ними – не просто снизит уровень рабочей нагрузки на судебную систему и систему налоговых органов, а и значительно уменьшит количество фактов нарушения фискальных интересов государства и налоговых прав плательщиков. Здесь следует обратить внимание также на то, что, для разрешения обозначенной проблемы, достаточным на первом этапе, будет дать законодательное определение только праву плательщика на налоговую оптимизацию и очертить его границы, что, тем самым, уже автоматически отсекает действия плательщика, характеризующиеся как злоупотребления налоговым правом.

Методы исследования

Методы исследования логично обусловлены целью статьи. В работе применялись следующие общенаучные методы (индукция, дедукция, анализ, синтез); формально-юридический метод; системно-структурный.

Результаты исследования

Для решения проблемы разграничения права налогоплательщика на налоговую оптимизацию от его злоупотребления необходимо осуществить следующие законодательные действия:

1. Закрепить в Налоговом кодексе РФ понятия «права плательщика на налоговую оптимизацию» и «злоупотребление налоговым правом» с указанием о запрете плательщику осуществлять второе.

2. Нормы, устанавливающие налоговые права плательщиков как в общем порядке, так и применительно к отдельным видам налогов, специальных налоговых режимов и сборов, необходимо дополнить положениями о конкретных видах злоупотребления, существующих в рамках применения отдельного налогового права.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 28.05.2020 № 305-ЭС19-16064 по делу № А40-23565/2018; Постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 25.01.2022 по делу № А12-2386/2021; Постановление Арбитражного Суда Дальневосточного округа от 09.02.2022 по делу № А51-19252/2020 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Определение Судебной Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.05.2022 № 301-ЭС21-24319 по делу № А38-3/2021; Постановление Арбитражного Суда Западно-Сибирского округа от 27.10.2021 № А45-30753/2020; Постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 21.02.2022 по делу № А55-11590/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Включить в Общую часть Налогового кодекса РФ норму права, ограничивающую возможности плательщика манипулировать принципом приоритета добросовестности в налоговых правоотношениях. А именно: «Недопустимо пользоваться правом на оптимизацию налогообложения, если схемы такой оптимизации, основаны на коллизиях и пробелах нормативного акта. Если положение законодательства является спорным и имеет двойственное толкование, то налогоплательщик сначала обязан обратиться за налоговым разъяснением или налоговой консультацией в налоговый орган». И уже только после официального ответа контролирующего органа, если плательщик им не удовлетворен – обращаться в судебный орган. Такое требование минимизирует вероятность возникновения судебных споров на будущее.

Научная дискуссия

Исследование вопроса о понятии и особенностях налоговой оптимизации в науке налогового права позволяет отметить, что, несмотря на общее понимание ее сути, мнения ученых здесь разделились по одному существенному моменту. По мнению Е.Г. Васильевой, содержание оптимизации заключается в том, что она: «позволяет легально снизить налоговую нагрузку на бизнес, фактически выступая правомерным способом уменьшения налоговых обязательств со стороны организации» [1, с. 31]. Ю.В. Леднева обращает внимание на то, что: «оптимизация – это правомерная деятельность налогоплательщика, направленная на получение налоговой выгоды в виде уменьшения размера налоговых обязательств» [3, с. 148]. А.В. Брызгалин определяет налоговую оптимизацию: «как уменьшение размера налоговых обязательств посредством целенаправленных правомерных действий налогоплательщика, включающих в себя полное использование всех предоставляемых законодательством льгот, налоговых освобождений и других законных приемов и способов»¹. В данных определениях ученые справедливо указывают на такой важный признак налоговой оптимизации как правомерность. Это существенный признак налоговой оптимизации, потому что именно он позволяет провести границу между правомерной деятельностью налогоплательщика и его неправомерным поведением, которое квалифицируется как налоговое правонарушение (уголовное преступление ст. ст. 198, 199 Уголовного кодекса РФ).

Но есть и другие позиции. Так, О.Р. Тегетаева достаточно широко понимает содержание налоговой оптимизации, разделяя ее на законную и незаконную [5, с. 890]. Ученая отмечает, что: «При проведении оптимизации налогообложения граница между законными действиями и налоговыми правонарушениями является весьма тонкой. Различить эти действия весьма сложно, ведь некоторые схемы являются вполне легитимными, другие – нет. В случае наличия в действиях налогоплательщика признаков, указывающих на составы налоговых правонарушений (глава 16 Налогового кодекса РФ) или преступления (ст. ст. 198 и 199 Уголовного кодекса РФ) используемая схема оптимизации является незаконной» [5, с. 890]. Как уже говорилось ранее, одной из серьезных проблем при применении налоговой оптимизации является отсутствие ее точного терминологического определения в налоговом законе, что как раз и создает ситуации правовой неопределенности на практике. Предлагаемый уважаемой ученой подход по выделению понятия «незаконной оптимизации», не способствует внесению ясности в данный вопрос, а делает его еще более запутанным, так как необходимо будет еще и определиться с ее видами и их отличием друг от друга. Налоговое правонарушение или уголовное преступление (ст. ст. 198, 199 Уголовного кодекса РФ) – это отдельные модели неправомерного поведения плательщика, имеющие свои юридические последствия, которые не могут попадать под определение налоговой оптимизации. Именно поэтому автор настаивает на закреплении в Налоговом кодексе не просто понятий «схемы, методы или способы налоговой оптимизации», а понятия «право плательщика на оптимизацию налогообложения». Право плательщика – это признаваемое государством притязание субъекта на какое-либо благо или на форму поведения; закрепленная законом возможность действовать определенным образом. Поэтому, когда речь идет именно о праве плательщика на налоговую оптимизацию, закон изначально не может установить или закрепить варианты незаконного (неправомерного) притязания или поведения лица в налоговых правоотношениях. А, следовательно, понятие «право плательщика на незаконную налоговую оптимизацию» не может существовать априори. Таким образом, использование понятия «право плательщика на налоговую оптимизацию» сразу же четко обозначит, что речь идет о его правомерных действиях, осуществляемых в рамках закона.

¹ Брызгалин А.В. Методы налоговой оптимизации. М.: Аналитика-Пресс; 2001. С. 218.

Под правом плательщика на налоговую оптимизацию следует понимать уменьшение размера налоговых обязательств посредством правомерных действий лица, включающих использование предоставленных законом прав, связанных с освобождением на законном основании от уплаты налогов, сборов (обязательных платежей), их уменьшением или возмещением. Важным в данном определении является правомерность действий лица и использование предоставленных законом прав по налоговым освобождениям (возмещениям). То есть, содержание права на налоговую оптимизацию включает в себя комплекс налоговых прав, направленных на законное уменьшение налогового давления. Налоговый кодекс РФ, федеральные законы РФ, законодательные акты субъектов Российской Федерации и подзаконные нормативно-правовые акты по налоговым вопросам устанавливают перечень данных прав плательщика. К ним можно отнести право на налоговую льготу, налоговый вычет, бюджетное возмещение по налогу на добавленную стоимость (далее – НДС), выбор упрощенной системы налогообложения, налоговая отсрочка или рассрочка, специальные учетные методы, структурная перестройка организационно-правовой формы деятельности, выбор места деятельности (свободные экономические зоны, налоговые кластеры, особые экономические зоны) и др. Процедура и основания осуществления каждого из вышеперечисленных налоговых прав установлены налогово-правовой нормой, то есть, модель поведения плательщика в налоговом правоотношении формально-юридически закреплена. Цель и пределы реализации лицом соответствующего налогового права детально прописаны законом и не имеют двойственного толкования.

Однако, налогоплательщик может формально осуществить свое право на налоговую оптимизацию, не нарушая при этом ни его процедуру, ни его пределы – но, фактически, преследовать при этом, другую цель. Иными словами, использовать свое закреплённое законом субъективное налоговое право («прикрываться им») с целью достижения другого результата, который не был изначально предусмотрен законодателем при установлении смысла и содержания самого такого права. В результате юридически установленная модель налогового правоотношения не совпадает с фактически реализованным налоговым правоотношением¹. В такой ситуации речь идет об отклонении правомерного поведения плательщика от установленной законом нормы при реализации права на налоговую оптимизацию, не переходящего, однако, в неправомерное. Данное поведение лица характеризуется как злоупотребление налоговым правом. По мнению А.Н. Козырина, злоупотреблять субъективными правами в налоговой сфере – это значит осуществлять действия, которые хотя и не запрещены налоговым законодательством, но нацелены исключительно на получение налогоплательщиком особых налоговых преимуществ по сравнению с другими налогоплательщиками². А.А. Малиновский объясняет феномен злоупотребления налоговым правом следующим образом: «Поскольку право плательщика используется «во зло», именно поэтому данное явление и именуется как злоупотребление правом. Вредоносное осуществление права есть первый признак злоупотребления. Под злом следует понимать причиняемый общественным отношениям вред, который может выражаться в неуплате налогов, в нарушении принципа равенства субъектов предпринимательской деятельности, когда один из субъектов получает необоснованные экономические преимущества перед другими» [4, с. 157]. Ученые справедливо обращают внимание на такие признаки злоупотребления налоговым правом как его вредоносность и получение налоговых преимуществ перед другими плательщиками. Поэтому, представляется правильным понимать под злоупотреблением налоговым правом такую форму реализации налогоплательщиком своего

¹ Например, Определение Верховного Суда РФ от 14.02.2020 № 304-ЭС19-27932 по делу № А46-22290/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (Речь идет о злоупотреблении плательщиком налоговым правом по применению вычетов по НДС. По результатам проведенной камеральной налоговой проверки, налоговый орган отказал ООО «Любим ОВО» в применении вычетов по НДС, уплаченному на таможне при ввозе оборудования для птицеводства. Исследовав доказательства по делу, суды пришли к выводу, что сделки по приобретению ООО «Любим ОВО» данного оборудования носят фиктивный характер, потому что реальным приобретателем оборудования являлась ООО «Птицефабрика Любинская». Но у нее не было права на налоговые вычеты по НДС, так как она работала на упрощенной системе налогообложения. Участие ООО «Любим ОВО» в сделке преследовало своей целью приобретение необоснованной налоговой выгоды путем создания формальных оснований для применения налогового вычета и дальнейшего возмещения НДС из бюджета. Данные действия ООО «Любим ОВО» были квалифицированы судами как злоупотребление налоговым правом.

² Козырин А.Н. Налоговое право: учебник для бакалавриата. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2021. С. 93.

субъективного налогового права, когда оно противоречит своему истинному, формально установленному в законе назначению, является вредоносным и влечет за собой необоснованные экономические преимущества перед другими. Это и есть те пределы и критерии, по которым следует разграничивать понятия «право плательщика на налоговую оптимизацию» и «злоупотребление налоговым правом».

Для качественного правового урегулирования данного вопроса необходимо обратиться к причинам, которые порождают или расширяют возможности для злоупотребления плательщиком своим налоговым правом на оптимизацию. Таких причин, по нашему мнению, можно выделить две. О первой верно сказал А.А. Малиновский. Он видит ее в «наличии свободы усмотрения налогоплательщика по выбору способа осуществления своего права» [4, с. 157]. В связи с этим ученый далее делает вывод, что: «основным инструментом борьбы со злоупотреблениями является совершенствование налогового законодательства в части более детальной регламентации порядка и способа осуществления прав налогоплательщика» [4, с. 157].

Вторая причина – это отсутствие какой-либо юридической ответственности плательщика. Ведь он не нарушает нормы налогового законодательства, не выходит за обозначенные законом пределы, за которыми начинается налоговое правонарушение (уголовное преступление по ст. ст. 198, 199 УК РФ). Самые негативные для него последствия могут выражаться только в праввосстанавливающих действиях властвующего субъекта (суда или налогового органа). Максимум негативных последствий для плательщика – это потеря времени и судебные расходы. Именно эти причины способствуют тому, что злоупотребление налоговым правом является довольно частыми действиями плательщиков в реальных налоговых правоотношениях. Богатая судебная практика в этой сфере и разъяснения налоговых органов¹ не привели к обратному результату.

А вот первую причину можно если не полностью нивелировать, то, хотя бы значительно сократить. Речь идет, как уже говорилось ранее, о совершенствовании налогового законодательства в части более детальной регламентации порядка и способа осуществления прав налогоплательщика. Но такую регламентацию мы видим не в том, чтобы еще более подробнее урегулировать механизм реализации отдельного налогового права, например права плательщика на бюджетное возмещение по НДС или права на налоговую отсрочку. По нашему мнению, налоговые права, связанные с налоговой оптимизацией достаточно качественно и однозначно закреплены в налоговом законе. В данной ситуации важно обратить внимание на другое. Во-первых, закрепить в Налоговом кодексе РФ понятия «права плательщика на налоговую оптимизацию» и «злоупотребление налоговым правом» с указанием о запрете плательщику осуществлять второе (по аналогии с Уголовным кодексом РФ). Уже только эти правовые нормы привлекут внимание плательщика перед тем, как у него возникнет желание попробовать истолковать или применить право на налоговую оптимизацию в ином, не свойственном ему смысле, то есть, иначе, чем оно предусмотрено законом. Эти положения должны найти свое закрепление в общих положениях Налогового кодекса.

Во-вторых, нормы, устанавливающие налоговые права плательщиков как в общем порядке (право на налоговый вычет, на налоговую льготу и др.), так и применительно к отдельным видам налогов, специальных налоговых режимов, сборов (право на бюджетное возмещение по НДС, на налоговый вычет по налогу на доходы с физических лиц, право на применение упрощенной системы налогообложения и др.) необходимо дополнить положениями (примерами) о конкретных видах злоупотребления, существующих в рамках применения отдельного налогового права. Например, после ст. 176 НК РФ «Порядок возмещения налога» (речь идет о возмещении НДС), необходимо в НК РФ включить статью «Виды злоупотребления правом на возмещение НДС», где подробно закрепить те модели поведения плательщика, которые, по своему содержанию характеризуются как злоупотребления данным правом. По своему содержанию это будут запрещающие нормы налогового права, поэтому принцип «разрешено все, что не запрещено законом» здесь уже неприменим. Основой здесь должна послужить судебная практика и налоговые разъяснения. Перечень такой статьи (и других аналогичных) должен быть открытый и иметь возможность систематического расширения. Это должны быть нормы прямого действия, однозначного толкования, исключающие какое-либо дальнейшее свободное усмотрение субъекта, ее толкующего или применяющего. Данные правовые

¹ О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: Письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 31.10.2017 № ЕД-4-9/22123@ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

меры смогут сократить случаи злоупотребления налоговым правом со стороны плательщиков и уменьшить нагрузку на судебную систему.

В-третьих, в налоговом праве действует принцип презумпции добросовестности налогоплательщика, означающий, что «любой налогоплательщик считается действующим добросовестно и подлежит защите с использованием всех способов, предусмотренных налоговым законодательством, до тех пор, пока налоговым органом не будет доказана его недобросовестность. Бремя доказывания недобросовестности налогоплательщика возложено на налоговые органы»¹. Этот принцип подкрепляется и ст. 3 Налогового кодекса РФ о том, что все неустраняемые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика. Безусловно, такие налоговые доминанты являются бесспорными. Но, здесь есть и обратная сторона. Налогоплательщики достаточно часто манипулируют данным принципом при использовании своего права на оптимизацию налогообложения, при применении различных спорных схем и методов. Поэтому, считаем необходимым включить в Общую часть Налогового кодекса РФ следующую норму права, ограничивающую возможности плательщика для такой манипуляции: «Недопустимо пользоваться правом на оптимизацию налогообложения, если схемы такой оптимизации, основаны на коллизиях и пробелах нормативного акта. Если положение законодательства является спорным и имеет двойственное толкование, то налогоплательщик сначала обязан обратиться за налоговым разъяснением или налоговой консультацией в налоговый орган». И уже только после официального ответа контролирующего органа, если плательщик им не удовлетворен – обращаться в судебный орган. Такое требование минимизирует вероятность возникновения судебных споров на будущее.

Список использованной литературы:

1. Васильева Е.Г. Налоговая оптимизация и нормативные пределы ее реализации в современной налоговой системе: национальная модель регулирования. *Налоги*. 2020;(3):29–34.
2. Вачугов И.В., Мартынов О.Н. Неопределенность границ налоговой оптимизации – проблема российской налоговой системы. *Налоги и налогообложение*. 2021;(3):118–129.
3. Леднева Ю.В. Учет фискальных интересов государства при оптимизации налогового режима для привлечения инвестиций. *Журнал российского права*. 2020;(7):144–157. DOI: 10.12737/jrl2020.087.
4. Малиновский А.А. Злоупотребление правами налогоплательщика: сравнительно-правовые аспекты. *Вестник МГИМО Университета*. 2013;(2 (29)):156–162.
5. Тегетаева О.Р. Оптимизация налогообложения VS уклонение от уплаты налогов. *Налоги и налогообложение*. 2014;(10):889–893.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Перепелица Мария Александровна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Юриспруденции имени В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий Государственный университет имени И.А. Бунина»
ORCID: 0000-0003-4648-1789

References:

1. Vasil'eva E.G. [Tax optimization and regulatory limits of its implementation in the modern tax system: a national regulatory model]. *Nalogi = Taxes*. 2020;(3):29–34. (In Russ.)]
2. Vachugov I.V., Martynov O.N. [The uncertainty of the boundaries of tax optimization is a problem of the Russian tax system]. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and taxation*. 2021;(3):118–129. (In Russ.)]
3. Ledneva Yu.V. [Taking into account the fiscal interests of the state when optimizing the tax regime to attract investment]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2020;(7):144–157. DOI: 10.12737/jrl2020.087. (In Russ.)]
4. Malinovskii A.A. [Abuse of taxpayer rights: comparative legal aspects]. *Vestnik MGIMO Universiteta = Bulletin of MGIMO University*. 2013;(2 (29)):156–162. (In Russ.)]
5. Tegetaeva O.R. [Tax optimization VS tax evasion]. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and taxation*. 2014;(10):889–893. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Perepelitsa

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov of the FGBOU VO "Yelets State University named after I.A. Bunin"
ORCID: 0000-0003-4648-1789

¹ Козырин А.Н. Указ. соч. С. 94.

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-39-46>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ИЗ СОСТАВА ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Елисеева И.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Елисеева И.А. Правовое регулирование аренды земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения по законодательству России и зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):39–46. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-39-46>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Елисеева Инга Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.07.2023

Статья принята к печати: 21.08.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: Целью настоящей статьи является разработка рекомендаций по совершенствованию правового регулирования аренды земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения в Российской Федерации. Для достижения указанной цели в качестве *задач* представляется необходимым обозначить проблемы правового регулирования земельных арендных отношений в Российской Федерации, провести сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства, регулирующего аренду земельных участков, в том числе из состава земель сельскохозяйственного назначения, выявить недостатки и позитивный опыт в указанной сфере правового регулирования в Российской Федерации и зарубежных государствах.

Цель и задачи работы определили *методологию* настоящего исследования, в основу которой положен ряд методов, в частности: сравнительно-правовой, конкретно-статистический, формально-логический, диалектический метод познания общественных явлений и процессов.

В *результате* проведенного исследования автором сформулирован ряд выводов, а также некоторые рекомендации относительно совершенствования российского законодательства в данной сфере. В частности, как в российском, так и в зарубежном законодательстве устанавливаются обязанности арендаторов по охране земель сельскохозяйственного назначения, рациональному использованию земель. Но в странах-членах ЕС государство, на наш взгляд, играет более активную роль в регулировании земельных отношений, предусматривая достаточно строгие требования к аренде земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения: арендатор должен иметь сельскохозяйственное образование, опыт работы в сельском хозяйстве, проживать в данной местности, обладать необходимыми финансовыми ресурсами для ведения сельскохозяйственного производства. Немало значат также меры экономического стимулирования фермеров-эффективных

землепользователей, закрепленные в зарубежном законодательстве. Предлагается внести в российское законодательство ряд изменений с учетом зарубежного опыта регулирования земельных арендных отношений, которые будут способствовать эффективному использованию и охране сельскохозяйственных земель, переданных в аренду.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, земельный участок, договор аренды земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения, существенные условия договора аренды земельного участка, целевое назначение земельного участка, мероприятия по использованию и охране земель.

LEGAL REGULATION OF THE LEASE OF LAND PLOTS FROM AGRICULTURAL LAND UNDER THE LEGISLATION OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Inga A. Eliseeva

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Eliseeva I.A. Legal regulation of the lease of land plots from agricultural land under the legislation of Russia and foreign countries: comparative legal analysis. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):39–46. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-39-46>

CONTACT INFORMATION:

Inga A. Eliseeva, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 320-44-16

E-mail: inucia@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 19.07.2023

The article has been accepted for publication: 21.08.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: The purpose of this article is to develop recommendations for improving the legal regulation of the lease of land plots from the composition of agricultural land in the Russian Federation. To achieve this goal, it seems necessary as tasks to identify the problems of legal regulation of land lease relations in the Russian Federation, to conduct a comparative analysis of Russian and foreign legislation governing the lease of land plots, including from the composition of agricultural land, to identify shortcomings and positive experience in this area legal regulation in the Russian Federation and foreign states.

The purpose and objectives of the work determined the methodology of this study, which is based on a number of methods, in particular: comparative legal, concrete statistical, formal logical, dialectical method of cognition of social phenomena and processes.

As a result of the study, the author formulated a number of conclusions, as well as some recommendations regarding the improvement of Russian legislation in this area. In particular, both Russian and foreign legislation establishes the obligations of tenants for the protection of agricultural land, the rational use of land. But in the EU member states, in our opinion, the state plays a more active role in regulating land relations, providing for fairly strict requirements for the lease of land plots from agricultural land: the tenant must have an agricultural education, experience in agriculture, live in these areas, to have the necessary financial resources for agricultural production. The measures of economic incentives for farmers-efficient land users, enshrined in foreign legislation, also mean a lot. It is proposed to introduce a number of changes into Russian legislation, taking into account foreign experience in regulating land lease relations, which will contribute to the effective use and protection of agricultural land leased.

Keywords: agricultural land, land plot, lease agreement for a land plot from the composition of agricultural land, essential terms of a land plot lease agreement, purpose of a land plot, measures for the use and protection of land.

Введение

Аренда земельных участков, в том числе из состава земель сельскохозяйственного назначения, является одним из наиболее распространенных видов землепользования как в России, так и в зарубежных странах. Так, на территории Российской Федерации в 2021 г. доля земель, находящихся в публичной собственности и используемых крестьянскими (фермерскими) хозяйствами на праве аренды, составила 40,2 %, гражданами, ведущими личное подсобное хозяйство – 11,5 %, иными гражданами, использующими земельные участки для производства продуктов питания для населения – 40,2 %, что немало. Между тем, в 2021 г. количество нарушений земельного законодательства, обнаруженных в ходе проверок должностными лицами Росреестра, составило значительное количество – 93 140, из них 7 176 нарушений – на землях сельскохозяйственного назначения, в том числе со стороны арендаторов земельных участков в составе земель данной категории¹. Среди причин, способствующих совершению земельных правонарушений и ухудшению качества сельскохозяйственных земель, можно выделить несовершенство действующего отечественного законодательства, регулирующего отношения по аренде земельных участков.

Если обратиться к правовому опыту западных стран в данной сфере, то становится очевидным, что он весьма богат, так как аренда земельных участков там очень распространена. Например, в США используется по договору аренды 40 % сельскохозяйственных земель, в государствах-членах ЕС – 48 % [8, с. 238]. Таким образом, представляется, что в целях совершенствования российского законодательства окажется полезен предпринятый в настоящей статье сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства, регулирующего арендные земельные отношения.

Методы исследования

Поставленные в настоящей статье задачи предполагают использование следующих методов научного познания: сравнительно-правового, конкретно-статистического, формально-логического, диалектического.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования формулируются ряд предложений о внесении в российское законодательство, регулирующее общественные отношения по аренде сельскохозяйственных земель, следующих новелл:

1. К числу существенных условий договора аренды земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения, кроме его предмета и арендной платы, предлагаем отнести также сохранение целевого назначения и целевого использования такого земельного участка.

2. Установить в п. 3 ст. 9 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ минимальный срок договора аренды земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения независимо от формы собственности на него не менее пяти лет в целях стимулирования арендаторов к сохранению плодородия почв.

3. Предусмотреть в российском законодательстве возможность уменьшения размера арендной платы сельскохозяйственным арендаторам, повышающим плодородие почв.

4. Внести изменения в п. 5, 6 ст. 22 Земельного кодекса РФ, запретив арендатору земельного участка распоряжаться своими арендными правами и обязанностями по договору аренды, тем самым указанные правовые нормы в соответствии с п. 2 ст. 615 Гражданского кодекса РФ.

5. Закрепить в российском законодательстве меры материального поощрения сельскохозяйственных арендаторов за выполнение комплекса мер по охране почв и улучшение их состояния.

¹ Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2021 году [сайт]. Росреестр; 2023 [процитировано 08 мая 2023]. Доступно: [https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16upr/Государственный%20\(национальный\)%20доклад%20о%20состоянии%20и%20использовании%20земель%20в%202021%20году.pdf](https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16upr/Государственный%20(национальный)%20доклад%20о%20состоянии%20и%20использовании%20земель%20в%202021%20году.pdf).

Научная дискуссия

Договор аренды земельных участков в Российской Федерации отличается комплексным правовым регулированием, включающим, кроме нормативных актов гражданского и земельного законодательства, нормативные акты экологического законодательства, законодательства о градостроительной деятельности. Это объясняется особым статусом земельных участков, которые признаются не только объектами недвижимости, но и основой производства, ценным природными компонентами. Основными законами, регулирующими указанные общественные отношения, являются Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ)¹, Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ)², Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ³.

Исходя из общего легального определения договора аренды, содержащегося в ч. 1 ст. 606 ГК РФ, возникает следующий вывод: под договором аренды земельного участка понимается договор, в соответствии с которым одна из сторон (арендодатель) обязуется предоставить другой стороне (арендатору) земельный участок за плату во временное владение и пользование.

Существенными условиями договора признаются условия, которые необходимы и достаточны для заключения договора. Проблема существенных условий договора аренды не получила в литературе и судебной практике единообразного решения. Поэтому к числу существенных условий договора аренды земельных участков отнесем предмет и цену договора (размер арендной платы).

Представляется, что предметом договора аренды земельного участка являются действия арендодателя по предоставлению арендатору определенного земельного участка во временное владение и пользование. Согласно п. 2 ст. 22 ЗК РФ земельные участки могут быть объектами аренды, кроме изъятых из оборота (п. 4 ст. 27 ЗК РФ).

В настоящее время ученых-юристов привлекает особое внимание следующая проблема, связанная с арендой сельскохозяйственных земель. Так, в российском законодательстве установлена обязанность использовать земельные участки по целевому назначению (ст. 42 ЗК РФ), согласно которой при передаче участка в аренду оно не изменяется и арендатор, как и собственник, должен соблюдать установленный законом особый режим использования земель.

Однако ученые заявляют: сохранения одного лишь целевого назначения здесь недостаточно. Предлагается установить в качестве общего правила обязанность сохранения целевого использования участка. В законодательстве эта обязанность предусмотрена, в основном, для сельскохозяйственных угодий (п. 3 ст. 1 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»). В отношении земельных участков сельскохозяйственного назначения иных видов целевого использования, например, предоставленных для ведения садоводства, огородничества, личного подсобного хозяйства и других подобная обязанность землепользователя отсутствует⁴. Поэтому предложение к числу существенных условий договора аренды земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения, кроме предмета и арендной платы, относить также сохранение целевого назначения и целевого использования такого земельного участка представляется обоснованным.

Далее перейдем к вопросу о размере арендной платы за пользование земельным участком. Арендная плата представляет собой вознаграждение, взимаемое арендодателем за сданное во временное пользование имущество [9, с. 12]. К элементам арендной платы относятся: состав платежей; размер платежей; способы (методы) расчетов. Согласно п. 12 ст. 22 ЗК РФ, размер арендной платы является существенным условием договора аренды земельного участка.

И.Г. Гайнутдинов, Ф.Н. Мухаметгалиев, В.Я. Петрова, Л.Ф. Ситдикова отмечают следующее: в большинстве государств размер арендной платы за пользование земельным участком составляет до 20 % стоимости предполагаемого урожая или 10 % стоимости ежегодно реализуемой фермером продукции, 6 % дохода, получаемого на арендованной земле. Указанные авторы, ссылаясь на

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кособродов В.М. Гражданско-правовое регулирование договора аренды земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 85–86.

зарубежный опыт, выступают с предложением рассчитывать в Российской Федерации размер арендной платы в процентах от получаемого дохода или урожая с единицы земельной площади, что является экономически обоснованным. [3, с. 84]. Полагаем, что подобная рекомендация заслуживает внимания.

Срок договора аренды земельного участка не признается существенным условием, так как данный договор может быть заключен как на определенный, так и на неопределенный срок. Если срок в договоре не указан, то он считается заключенным на неопределенный срок. В этом случае каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, уведомив об этом другую сторону за три месяца (ст. 610 ГК РФ). Но в юридической науке давно уже идет дискуссия о необходимости признания срока аренды существенным условием указанного договора. В частности, эту точку зрения поддерживает Л.М. Ахметшина, объясняя подобную необходимость особыми свойствами и качествами земли и верно отмечая, что длительность использования земельного участка арендатором стимулирует его к проведению комплекса мероприятий по использованию и охране земель¹. Другие авторы разделяют эту позицию [4, с. 116], и нам она представляется заслуживающей внимания.

Пункт 3 ст. 9 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ предусматривает минимальный и максимальный сроки действия договора, объектом которого является земельный участок, из состава земель сельскохозяйственного назначения, находящийся в государственной или муниципальной собственности: от трех до сорока девяти лет, за исключением случаев, установленных федеральным законом. Относительно земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в частной собственности, предельные (минимальные и максимальные) сроки договора аренды не установлены. Значит, не запрещается заключение краткосрочных договоров аренды указанных земельных участков даже на срок менее трех лет. Думается, что заключение таких краткосрочных договоров аренды земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения не стимулирует арендаторов выполнять мероприятия по охране земель и повышению плодородия почв.

В научной литературе также выражались опасения о том, что краткосрочность арендных отношений ведет к существенному снижению плодородия земли² и высказывались предложения об установлении минимального срока договора аренды земельных участков указанного целевого назначения от пяти до девяти лет³. Так, в зарубежных государствах средняя продолжительность договоров аренды земельных участков составляет более девяти лет. В Нидерландах договоры аренды заключаются на срок от 6 до 12 лет, в Люксембурге – на 6–9 лет. В Португалии, при условии, что арендатор привлекает наемных работников, минимальный срок аренды составляет 10 лет [7, с. 226].

В соответствии с законодательством Франции (Кодексом законов о сельском хозяйстве и морском рыболовстве от 06.05.2010 № 2010-462) предусмотрены длительные сроки аренды сельскохозяйственных земельных участков (до 9, 18 и до 25 лет). Размер арендной платы, выплачиваемой французскими фермерами, зависит и от такого фактора, как качество земли.

Представляется полезным и правовой опыт регулирования земельных арендных отношений в Китае. Так, китайское законодательство, в отличие от российского, относит условие о качестве земельного участка к существенным условиям договора аренды. Кроме того, для китайских договоров аренды земельных участков также характерна долгосрочность. Конкретный срок действия договора зависит от вида разрешенного использования предоставляемого в аренду земельного участка: пашня – 30 лет, пастбище – от 30 до 50 лет, лесные угодья – от 30 до 70 лет (ст. 20 Закона об управлении землей) [11, с. 94].

Таким образом, полагаем, что целесообразно будет установить в п. 3 ст. 9 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ минимального срока договора аренды земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения независимо от формы его собственности не менее пяти лет в целях стимулирования арендаторов к сохранению плодородия почв, а также предусмотреть в нашем

¹ Ахметшина А.Л. Аренда земли по российскому законодательству: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 7.

² Жевлакович М.С. Институт аренды земельных участков в Российском законодательстве и законодательстве государств-членов Европейского Союза: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 10.

³ Там же. С. 16.

законодательстве возможность уменьшения размера арендной платы сельскохозяйственным арендаторам, повышающим плодородие почв.

ЗК РФ предоставил арендатору земельного участка более обширные права по распоряжению своими правами и обязанностями по договору аренды в соответствии с п. 2 ст. 615 ГК РФ, вследствие чего между нормами ГК РФ и ЗК РФ длительное время существует противоречие. Так, в соответствии с п. 5, 6 ст. 22 ЗК РФ арендатор имеет право передать земельный участок в субаренду или залог, внести арендные права в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного товарищества (общества) в пределах срока договора без согласия арендодателя при условии его обязательного уведомления. Указанные правовые нормы вступают в коллизию с п. 2 ст. 615 ГК РФ, требующей в подобных случаях обязательное получение согласия арендодателя.

Специалисты полагают, что в данном случае должны иметь приоритет нормы гражданского законодательства. Так, по мнению В.М. Кособродова, арендодателю, как правило, безразлично, как арендатор распоряжается его участком, и здесь налицо нарушение принципа равенства собственников-арендодателей и арендаторов земельных участков перед законом при защите их прав [5, с. 94].

В.В. Витрянский отмечает: «... согласие арендодателя в данных случаях требуется по той причине, что реализация арендатором названных прав может привести к утрате арендодателем права собственности на имущество, сданное в аренду» [2, с. 115]. Е.А. Суханов утверждает: «... передача части или даже всех своих правомочий собственником другому лицу в действительности представляет собой способ осуществления правомочий собственника, а не способ отчуждения принадлежащих ему прав или имущества» [6, с. 316].

С.В. Иванова уверена, что нельзя уравнивать условия аренды земельных участков сельскохозяйственного назначения с учетом их важнейшего экономического значения и аренды иных земельных участков, как это законодатель совершил в ст. 22 ЗК РФ, требуя от арендатора только технического уведомления арендодателя при распоряжении своими арендными¹. Таким образом, рассмотренная коллизия требует своего устранения в пользу гражданского законодательства.

В юридической литературе отмечается, что странах-членах ЕС в регулировании земельных отношений активную роль играет государство. Так, в Германии, Великобритании, Греции, Люксембурге у субъектов земельных отношений имеется больше свободы при аренде земельных участков. Однако в ряде стран (Франции, Бельгии, Нидерландах, Италии, Испании, Португалии) государство устанавливает по отношению к арендаторам-фермерам высокие требования: наличие сельскохозяйственного образования, опыта работы в сельском хозяйстве, необходимость проживания в данной местности, обладание необходимыми финансовыми ресурсами для ведения сельскохозяйственного производства [1], чего лишено российское законодательство.

В развитых странах Западной Европы значительное внимание также уделяется правовому регулированию охране почв сельскохозяйственных земель, передаваемых по договору аренды. В частности, в законодательстве некоторых западноевропейских стран получила воплощение так называемая стратегия «зеленого» и «красного» билета, предусматривающая поощрение арендаторов-фермеров, эффективно защищающих почву от эрозии, и судебный штраф для нарушителей требований закона по охране почвы. Установлены меры поощрения за мульчирование и сокращение посевов эрозионно-опасных культур; бесплатное предоставление фермерам-арендаторам инструкций и проектов по организации экологически безопасной территории и строительству противоэрозионных террас на арендуемом земельном участке. Во многих западноевропейских странах арендаторы-фермеры получают материальное поощрение ежегодно в течение нескольких лет за внедрение технологий по охране почв [10, с. 73]. Весь этот позитивный правовой будет полезен и для внедрения в российскую действительность.

В дополнение отметим, что ст. 621 ГК РФ предусматривает преимущественное перед другими лицами право арендатора, надлежащим образом выполнявшего свои обязательства по договору, на заключение договора аренды на новый срок по истечении срока договора при прочих равных условиях, если иное не предусмотрено законом или договором. Действие данной гражданско-правовой нормы распространяется и на арендаторов земельных участков. Пункт 5 ст. 9 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», по сути, дублирует ее содержание по отношению к арендаторам земель сельскохозяйственного назначения. Это

¹ Иванова С.В. Правовое регулирование аренды земель сельскохозяйственного назначения: дисс. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2006. С. 106.

преимущественное право на заключение договора аренды на новый срок для добросовестных арендаторов земельных участков тоже можно отнести к стимулам рационального использования и охраны земель. Заметим, что на основании ст. 39.6 ЗК РФ договор аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, как правило, заключается на торгах (аукционах), и это превращало преимущественное право арендатора подобных земельных участков на заключение договора аренды на новый срок в фикцию. Положительным моментом является внесение изменений в ст. 39.6 ЗК РФ, п. 31 которой установил, что арендатор земельного участка, предназначенного для ведения сельскохозяйственного производства, в отношении которого у уполномоченного органа отсутствует информация о выявленных в рамках государственного земельного надзора и не устраненных нарушениях законодательства Российской Федерации при использовании такого земельного участка, имеет право на заключение договора аренды указанного земельного участка на новый срок без проведения торгов, при условии, что заявление о заключении нового договора аренды земельного участка подано этим арендатором до дня истечения срока действия ранее заключенного договора аренды.

Итак, на основании проведенного исследования отечественной юридической доктрины, анализа правовых норм, регулирующих аренду земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения в России и за рубежом, рекомендуем внести в российское законодательство в данной области следующие изменения: в число существенных условий договора аренды земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения, кроме предмета и арендной платы, включить также сохранение целевого назначения и целевого использования такого земельного участка; установить в п. 3 ст. 9 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ минимального срока договора аренды земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения независимо от формы собственности на него не менее пяти лет в целях стимулирования арендаторов к сохранению плодородия почв; предусмотреть возможность уменьшения размера арендной платы сельскохозяйственным арендаторам, повышающим плодородие почв; внести изменения в п. 5, 6 ст. 22 ЗК РФ, запретив арендатору земельного участка распоряжаться своими арендными правами и обязанностями по договору аренды, тем самым приведя их в соответствие с п. 2 ст. 615 ГК РФ; закрепить меры материального поощрения арендаторов земельных участков из состава земель сельскохозяйственного назначения, осуществляющих мероприятия по охране почв и улучшению их состояния.

Список использованной литературы:

1. Богданов А.В. Арендное землепользование в зарубежных странах. *Вестник сельского хозяйства и социальной политики*. 2015;(2):40–43.
2. Витрянский В.В. Договор аренды и его виды: прокат, фрахтование на время, аренда зданий, сооружений и предприятий, лизинг: монография. Москва: Статут; 1999.
3. Гайнутдинов И.Г., Мухаметгалиев Ф.Н., Петрова В.Я., Ситдикова Л.Ф. К вопросу установления величины арендной платы за земли сельскохозяйственного назначения. *Цифровая трансформация промышленности и сферы услуг: тенденции, стратегии, управление*. Материалы Международной конференции (под ред. А.Н. Грязнова). Казань, 2020.
4. Инжиева Б.Б. Актуальные проблемы аренды земельных участков как объектов недвижимости в Российской Федерации. *Правовая парадигма*. 2022;21(1):115–121. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.1.16.
5. Кособродов В.М. Ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора аренды земельного участка. *Адвокат*. 2006;(1):65–70.
6. Маттеи Уго, Суханов Е.А. Основные положения

References:

1. Bogdanov A.V. [Rental land use in foreign countries]. *Vestnik sel'skogo khozyaistva i sotsial'noi politiki = Bulletin of Agriculture and Social Policy*. (In Russ.)]
2. Vitryanskii V.V. [Lease agreement and its types: rental, temporary chartering, rental of buildings, structures and enterprises, leasing]. Moscow: Statute; 1999. (In Russ.)]
3. Gainutdinov I.G., Mukhametgaliev F.N., Petrova V.Ya., Sitdikova L.F. [On the issue of establishing the amount of rent for agricultural land]. *Tsifrovaya transformatsiya promyshlennosti i sfery uslug: tendentsii, strategii, upravlenie = Digital transformation of industry and services: trends, strategies, management*. Materials of the International Conference (edited by A.N. Gryaznov). Kazan, 2020. (In Russ.)]
4. Inzhieva B.B. [Actual problems of land lease as real estate objects in the Russian Federation]. *Pravovaya paradigma = Legal paradigm*. 2022;21(1):115–121. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.1.16. (In Russ.)]
5. Kosobrodov B.M. [Liability of the parties for non-fulfillment or improper fulfillment of the land lease agreement]. *Advokat = Lawyer*. 2006;(1):65–70. (In Russ.)]
6. Mattei Ugo, Sukhanov E.A. [The main provisions of

права собственности: монография. Москва: Юрист; 1999.

7. Мосьпан В.В. Договор аренды земельных участков по законодательству Российской Федерации и европейских стран. *Образование и право*. 2023;(1):224–227. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-1-224-227.

8. Назаренко В.И., Шмелев Г.И. Земельные отношения и рынок земли: монография. Москва: Памятники исторической мысли; 2005.

9. Перцева Е.М. Финансово-правовое регулирование возврата излишне уплаченной арендной платы при аренде государственного (муниципального) имущества. *Правовые вопросы строительства*. 2008;(1):12–14.

10. Позднякова Е.А. Аренда неиспользуемых или используемых с нарушением законодательства Российской Федерации земельных участков сельскохозяйственного назначения как альтернатива изъятию их у собственников. *Право и образование*. 2021;(8):71–77.

11. Романова О.А., Амашукели С.А. Правовое регулирование земельных отношений в Китае. *Новая правовая мысль*. 2014;(4):90–97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елисеева Инга Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: 0000-0002-6092-4489

property rights]. Moscow: Lawyer; 1999. (In Russ.)]

7. Mos'pan V.V. [Land lease agreement according to the legislation of the Russian Federation and European countries]. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2023;(1):224–227. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-1-224-227. (In Russ.)]

8. Nazarenko V.I., Shmelev G.I. [*Land relations and the land market*]. Moscow: Monuments of Historical Thought; 2005. (In Russ.)]

9. Pertseva E.M. [Financial and legal regulation of the return of overpaid rent when renting state (municipal) property]. *Pravovye voprosy stroitel'stva = Legal issues of construction*. 2008;(1):12–14. (In Russ.)]

10. Pozdnyakova E.A. [Lease of unused or used agricultural land plots in violation of the legislation of the Russian Federation as an alternative to their withdrawal from the owners]. *Pravo i obrazovanie = Law and education*. 2021;(8):71–77. (In Russ.)]

11. Romanova O.A., Amashukeli S.A. [Legal regulation of land relations in China]. *Novaya pravovaya mysl' = New legal thought*. 2014;(4):90–97. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inga A. Eliseeva

Cand. Of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: 0000-0002-6092-4489

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-47-52>

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ЛИКВИДАЦИИ И ЗАПРЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Лупарев Е.Б.*, Попова Ю.А., Третьяков В.И.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Лупарев Е.Б., Попова Ю.А., Третьяков В.И. О некоторых проблемах административного и гражданского судопроизводства по делам о ликвидации и запрете деятельности религиозных организаций. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):47–52. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-47-52>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лупарев Евгений Борисович*, доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 11.08.2023

Статья принята к печати: 11.09.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: Целью работы выступает освещение вопроса о соотношении применения гражданских процессуальных норм и норм Кодекса административного судопроизводства РФ при рассмотрении дел о прекращении деятельности религиозных организаций. Нельзя сказать, что это абсолютно новое направление исследований, но практика применения исследуемых норм заставляет дать им должную теоретическую и практическую оценку. Сделана попытка на частном примере осветить более общую проблему соотношения гражданского и административного процессов.

Задачи работы включают в себя иллюстрацию и анализ теоретических, исследований, а также практики применения процессуальных норм в связи с решением вопроса о прекращении деятельности религиозных организаций.

Различные основания прекращения деятельности религиозных объединений могут иметь различную отраслевую природу, однако, судопроизводство по данной категории дел не дифференцировано между нормами ГПК РФ и КАС РФ как в случаях с иными некоммерческими организациями.

Доказывается тезис о том, что разделение процессуальных норм носит вторичный, производный характер от оснований прекращения деятельности религиозных организаций. При этом обращение в суд в порядке ГПК РФ не выступает обязательным условием ликвидации религиозной организации, но может выступать следствием разногласий в органе управления религиозной организацией. Предполагается, что прекращение деятельности религиозной организации можно рассматривать как форму юридической ответственности, носящей скорее публичный, нежели частноправовой характер. Поднимается проблема соотношения оснований ликвидации и запрета деятельности религиозных организаций с составами административных правонарушений и преступлений.

Ключевые слова: судопроизводство, административное судопроизводство, гражданский процесс, религиозные организации.

ON SOME PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND CIVIL PROCEEDINGS IN CASES OF LIQUIDATION AND PROHIBITION OF THE ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS

Evgeniy B. Luparev*, Yulia A. Popova, Vladimir I. Tretyakov
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Luparev E.B., Popova Yu.A., Tretyakov V.I. On some problems of administrative and civil proceedings in cases of liquidation and prohibition of the activities of religious organizations. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):47–52. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-47-52>

CONTACT INFORMATION:

Evgeniy B. Luparev*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 262-35-09

E-mail: jeklouparev@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 11.08.2023

The article has been accepted for publication: 11.09.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: The aim of the work is to highlight the issue of the correlation between the application of civil procedural rules and the norms of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation when considering cases on the termination of the activities of religious organizations. It cannot be said that this is an absolutely new direction of research, but the practice of applying the norms under study makes it necessary to give them a proper theoretical and practical assessment. An attempt is made to highlight a more general problem of the relationship between civil and administrative processes using a particular example.

The objectives of the work include the illustration and analysis of theoretical, research, as well as the practice of applying procedural norms in connection with the decision on the termination of the activities of religious organizations.

Various grounds for terminating the activities of religious associations may have a different sectoral nature, however, legal proceedings in this category of cases are not differentiated between the norms of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, as in cases with other non-profit organizations.

The thesis is proved that the division of procedural norms is secondary, derived from the grounds for the termination of the activities of religious organizations. At the same time, going to court in accordance with the Code of Civil Procedure of the Russian Federation is not a prerequisite for the liquidation of a religious organization, but may be the result of disagreements in the governing body of a religious organization.

Keywords: litigation, administrative litigation, civil process, religious organizations.

Введение

Проблематика процессуального контроля в связи прекращением деятельности некоммерческих организаций в целом, и религиозных организаций, в частности, предполагает ряд проблем, связанных с соотношением гражданского и административного судопроизводства с одной стороны, и норм материального права, регулирующих статус религиозных организаций – с другой.

Соответственно, целью исследования выступает определение особенностей судопроизводства по делам данной категории и внесение предложений по имеющим теоретическую и практическую значимость проблемным вопросам. Задачи исследования: определить природу дел о прекращении деятельности религиозных организаций, охарактеризовать предмет административного иска, а также сформулировать предложения по спорным вопросам теории и практики разрешения данной категории дел.

Методы исследования

Исследование базируется на фундаментальном теоретическом тезисе о соотношении норм материального и процессуального права как о взаимоопределяющих явлениях. Данный посыл предопределяет использование эвристических и аксиологических методов исследования, наряду с методом системного анализа правовых, управленческих и религиоведческих явлений в контексте избранной темы.

Результаты исследования

Результатом исследования стало выявление коллизий как в самом процессуальном законодательстве, регулирующем порядок обязательного судебного контроля за соблюдением прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к ним, так и в нормах процессуального характера, содержащихся в законодательстве о свободе совести и религиозных объединениях. В частности, предложены изменения части 3 статьи 14 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях»¹ в части изменения формы обращения в суд с представления на административное исковое заявление. Кроме того, выявлено противоречие в использовании терминологии материального закона о свободе совести и КАС РФ в части, касающейся наименования религиозных объединений без прав юридического лица.

Одним из выводов статьи выступает мысль о том, что потенциально существует конкуренция норм КАС РФ и ГПК РФ при рассмотрении дел о ликвидации религиозного объединения. Выбор подлежащей применению нормы зависит от оснований ликвидации, а именно – связаны ли они с нарушением закона или нет.

Кроме того, представляется необходимым признать, что ликвидация и приостановление деятельности религиозных объединений есть не просто ликвидация юридического лица или запрет деятельности религиозной группы, а неcodифицированная форма административной ответственности [4], основания которой сформулированы не всегда конкретно и порой повторяют соответствующие диспозиции статей КоАП РФ. В этом смысле законодатель и правоприменительной практике предлагается изменить ту тенденцию, которая существует относительно данной категории дел. Думается, что ликвидация и запрет деятельности религиозных объединений может иметь место, если религиозные объединения или их члены привлекались к административной ответственности по соответствующим статьям КоАП РФ, например, 20.3, 20.29.

Научная дискуссия

Спор о том, является ли церковь делом рук людских, как об этом говорит герой одного известного фильма² или творением Бога не входит в предмет данного исследования. Но, если говорить о религиозных организациях, то в этом смысле церковь приобретает весьма формализованные черты, относящиеся к некоммерческим организациям. Соотношение государства, общества и церкви на всех этапах исторического развития являлось значимой проблемой. Причем, соотношение статуса всех компонентов этой триады – переменная и в количественном, и в качественном выражении величина. На текущем этапе развития российского общества религиозные организации вне зависимости от отношения к традиционным или нетрадиционным конфессиям находятся под контролем государства. Формы этого контроля варьируются от сугубо административного, до обязательного судебного контроля (как это закреплено в части 3 статьи 1 КАС РФ) за соблюдением прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к ним.

Применительно к религиозным организациям следует различать основания ликвидации и основания запрета деятельности. Ликвидация может носить добровольный и принудительный характер, в то время как запрет деятельности может быть только принудительным и только в

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://socratify.net/quotes/tsarstvo-nebesnoe/176921> (дата обращения: 05.07.2023).

судебном порядке. В контексте нашего исследования нас интересуют процессуальные особенности исключительно судебного порядка ликвидации и запрета деятельности религиозной организации. Заметим, что субъекты, уполномоченные подписывать заявления в суд, определяются не КАС РФ, который содержит в части 1 статьи 262 отсылочную к федеральному законодательству норму, а Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях». Но часть 3 статьи 14 данного закона называет в качестве формы обращения в суд по вопросу ликвидации или запрета деятельности *представление* органов прокуратуры, органов государственной регистрации или органов местного самоуправления. Соответственно, требуется устранить указанную процессуальную коллизию, сформулировав в качестве формы обращения в суд в части 3 статьи 14 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» не представление, а административное исковое заявление.

Текст КАС РФ в части наименований религиозных объединений противоречит содержанию статей 6, 7 и 8 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». Глава 27 КАС РФ содержит термин «религиозные организации, не обладающие правами юридического лица», хотя материальный закон не знает такого термина и применяет понятие религиозной группы для обозначения религиозных объединений без прав юридического лица. На указанное обстоятельство, правда с точки зрения норм ГК РФ, обращает внимание А.Б. Агапов [1, с. 23].

Высказывается мнение о том, что круг субъектов административного судопроизводства по нормам КАС РФ шире, нежели по нормам АПК РФ и ГПК РФ [2]. Речь в том числе идет о праве государственных органов и органов местного самоуправления выступать в качестве административного истца по делам о ликвидации и запрете деятельности религиозных объединений. Между тем, по ГПК РФ дела о ликвидации религиозного объединения рассматриваются лишь в том случае, когда основание ликвидации организации обусловлено объективной невозможностью продолжения ее деятельности по основаниям, не связанным с нарушением закона, и осуществляется по заявлению учредителей, уполномоченных органов организации или иных лиц, не наделенных государственными властными или иными публичными полномочиями. Однако, в судебном порядке такая ликвидация возможна, если это предусмотрено федеральным законом. Статья 14 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» такой возможности, казалось бы, не предоставляет. Упускается из виду ситуация, при которой желание одного или нескольких учредителей ликвидировать религиозную организацию по основаниям экономического характера, не связанных с нарушениями закона, противоречит желанию иных учредителей. Представляется, что в этом случае вопрос о ликвидации религиозной организации или религиозной группы может быть рассмотрен по нормам ГПК РФ.

Важным вопросом процессуальной практики выступает вопрос о том, какой орган вправе обращаться в суд с административным иском о ликвидации или запрете деятельности религиозного объединения. По общему правилу, и Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» для религиозных организаций называют Министерство юстиции РФ и его территориальные органы¹, а также органы прокуратуры. В то же время в отношении религиозной группы таким процессуальным правом обладают лишь органы прокуратуры. Исключением выступает ситуация если основанием запрета деятельности выступает осуществление экстремистской деятельности: часть 3 статьи 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» наделяет регистрирующий орган наряду с органами прокуратуры правом обращения в суд с заявлением о запрете деятельности религиозной группы.

Отдельного внимания заслуживают меры предварительной защиты административных исковых требований по данной категории дел применительно к которым одним из условий выступает соотношение соразмерности заявляемых требований о применении мер предварительной защиты и обстоятельств рассматриваемого судом дела [3, с. 122]. В этой части Верховным Судом РФ в Постановлении от 27.12.2016 № 64 обращается внимание на недопустимость применения в качестве меры предварительной защиты приостановления деятельности религиозного объединения, если административное исковое заявление в качестве предмета иска называет именно приостановление деятельности, а не ликвидацию или запрет деятельности.

¹ См., например: Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 15.03.2022 по делу № 66а-735/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Анализ оснований ликвидации или запрета деятельности религиозных объединений приводит к содержанию тех правонарушений, которые описаны в части 2 статьи 14 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». В этом смысле принципиальным является вопрос о том, должны ли описанные в данной статье нарушения представлять собой объективную сторону административного правонарушения или они носят самостоятельный характер. По-иному говоря, выступает ли ликвидация или запрет деятельности самостоятельной, неcodифицированной формой административной ответственности в отношении религиозных объединений? Судя по складывающейся судебной практике, суды как до принятия КАС РФ, когда такие дела рассматривались по нормам ГПК РФ¹, так и после его принятия рассматривают указанные основания как самостоятельные вне зависимости от того, привлекалось ли религиозное объединение к административной ответственности за экстремистскую деятельность² и за иные правонарушения, указанные в статье 14 Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях». Более того, ликвидация религиозных объединений проходит параллельно с рассмотрением уголовных дел в отношении членов религиозных объединений и факты наличия в их действиях элементов объективной стороны преступления признаются в административном деле до вынесения приговора по уголовному делу³. Полагая такую практику не вполне коррелирующей с системным подходом к юридической ответственности, мы считаем возможным говорить о том, что основания ликвидации и запрета деятельности религиозных организаций должны быть увязаны не просто с перечислением противоправных деяний, а с конкретными составами административных правонарушений или преступлений. Иное создает неопределенную дискрецию в выборе того, что служит основанием ликвидации или запрета деятельности религиозных объединений.

Список использованной литературы:

1. Агапов А.Б. Имущественные споры в административном судопроизводстве. *Административное право и процесс*. 2019;(9):20–25.
2. Мартынов А.В. Участники административного судопроизводства: понятие, виды и сравнительная характеристика с другими участниками судебных процессов. *Административное право и процесс*. 2015;(11):53–62.
3. Старилов М.Ю. Меры предварительной защиты по административному иску: теория, судебная практика, проблемы, эффективность: монография. Москва: Норма; 2022. DOI: 10.12737/1870236.
4. Тарасевич И.А. Конституционно-правовой статус Русской православной церкви в Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. 2006;(10):11–18.

References:

1. Agapov A.B. [Property disputes in administrative proceedings]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2019;(9):20–25. (In Russ.)]
2. Martynov A.V. [Participants in administrative proceedings: the concept, types and comparative characteristics with other participants in court proceedings]. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2015;(11):53–62. (In Russ.)]
3. Starilov M.Yu. [Measures of preliminary protection in an administrative claim: theory, judicial practice, problems, effectiveness]. Moscow: Norma; 2022. DOI: 10.12737/1870236. (In Russ.)]
4. Tarasevich I.A. [Constitutional and legal status of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лупарев Евгений Борисович*

доктор юридических наук, профессор, академик Евразийской академии административных наук, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова по научной работе, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy B. Luparev*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Deputy Dean of the A.A. Khmyrov Faculty of Law for Research, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

¹ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2004 № 60-Г04-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 10.

² См., например: Решение Верховного Суда РФ от 20.04.2017 № АКПИ17-238 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 15.02.2023 по делу № 66а-272/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ORCID: 0000-0002-4336-9495
Author ID: 57200337167
ResearcherID: AAY-9983-2021

Попова Юлия Александровна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-9756-3189
Author ID: 671457

Третьяков Владимир Иванович

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

AuthorID: 453765

ORCID: 0000-0002-4336-9495
Author ID: 57200337167
ResearcherID: AAY-9983-2021

Yulia A. Popova

Dr. of Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Procedure and International Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-9756-3189
Author ID: 671457

Vladimir I. Tretyakov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

AuthorID: 453765

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-53-62>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Томилова Л.Н.*¹, Корниенко А.В.²

¹ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

² Государственная жилищная инспекция Краснодарского края
(Красная ул., д. 178, г. Краснодар, Россия, 350020)

Ссылка для цитирования: Томилова Л.Н., Корниенко А.В. Цифровая трансформация антиконкурентных действий. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):53–62. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-53-62>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Томилова Людмила Николаевна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: vicktoria1105@bk.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 15.07.2023

Статья принята к печати: 15.08.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: Основопологающей целью настоящего исследования является изучение и выявление новых видов антиконкурентных действий на цифровых платформах, выделение предельно нового субъектного состава хозяйствующих субъектов цифровых платформ.

Для достижения указанной цели в качестве задач видится необходимым рассмотреть отечественное и зарубежное законодательство о защите конкуренции; положения доктрины; проанализировать судебную практику по выявлению антиконкурентных действий на цифровых платформах в Российской Федерации и ряде зарубежных стран: Германии, Китая, Японии; определить понятие, значение субъектов цифровой платформы, состав и виды их действий, методы воздействия субъектов цифровой платформы на конкуренцию.

Для решения поставленных задач в статье использован ряд методов исследования: логический (описание, доказывание, классификация), системно-структурный анализ, сравнительный, статистический, который помогает отделить необходимое от случайного и выявить закономерность процессов, социологический метод – основан на мнениях и оценках экспертов, формально-юридический.

В результате исследования было выявлено, что в Российской Федерации законодательство о защите конкуренции применительно к цифровой деятельности начало движение вперед, чем ознаменовано принятие Пятого антимонопольного пакета ФАС России. Данный нормативный акт закрепил запрет «сетевого эффекта» агрегаторов цифровых платформ, критерий доминирующего положения хозяйствующего субъекта на цифровом пространстве, а также новое условие для сделки экономической концентрации.

Вывод. Указанные меры антимонопольного органа свидетельствуют о гибкости законодательства Российской Федерации под длительно сложившийся процесс цифровизации конкурентных правоотношений. Нововведения позволяют регулировать сложнейшую сферу взаимоотношений – цифровой рынок, который ознаменован двухуровневыми конкурентными правоотношениями: первый уровень отношений, складывающийся между хозяйствующими субъектами, цифровыми субъектами, второй – между составами хозяйствующих и цифровых

субъектов. Существенно новые виды антиконкурентных действий позволяют участникам цифровых платформ вмешиваться в законы конкуренции цифрового рынка.

Ключевые слова: цифровой рынок, цифровые правоотношения, цифровые платформы, экосистемы, гейкиперы, конкуренция, антиконкурентные действия, геоблокинг.

DIGITAL TRANSFORMATION OF ANTI-COMPETITIVE ACTIONS

Ludmila N. Tomilova*¹, Anna V. Kornienko²

¹FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

²State Housing Inspectorate of Krasnodar Krai
(Red str., 178, Krasnodar, Russia, 350020)

Link for citation: Tomilova L.N., Kornienko A.V. Digital transformation of anti-competitive actions. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):53–62. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-53-62>

CONTACT INFORMATION:

Ludmila N. Tomilova*, Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-65

E-mail: vicktoria1105@bk.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 15.07.2023

The article has been accepted for publication: 15.08.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: The fundamental purpose of this study is to study and identify new types of anti-competitive actions on digital platforms, to identify an extremely new subject composition of economic entities of digital platforms.

In order to achieve this goal, it seems necessary to consider domestic and foreign legislation on the protection of competition, the provisions of the doctrine, to analyze judicial practice on the identification of anti-competitive actions on digital platforms in the Russian Federation and a number of foreign countries: Germany, China, Japan, to define the concept, the meaning of the subjects of the digital platform, the composition and types of their actions, methods the impact of the subjects of the digital platform on competition.

To solve the tasks set in the article, a number of research methods are used: logical (description, proof, classification), system-structural analysis, comparative, statistical, which helps to separate the necessary from the random and identify the regularity of processes, sociological method – based on the opinions and assessments of experts, formal-legal.

As a result of the study, it was revealed that in the Russian Federation, the legislation on the protection of competition in relation to digital activities began to move forward, which marked the adoption of the Fifth antimonopoly Package of the FAS of Russia. This regulatory act fixed the prohibition of the "network effect" of aggregators of digital platforms, the criterion of the dominant position of an economic entity in the digital space, as well as a new condition for the transaction of economic concentration.

Conclusion. These measures of the antimonopoly authority indicate the flexibility of the legislation of the Russian Federation for the long-established process of digitalization of competitive legal relations. Innovations make it possible to regulate the most complex sphere of relations – the digital market, which is marked by two-level competitive legal relations: the first level of relations that develops between economic entities, digital entities, the second - between the compositions of economic and digital entities. Significantly new types of anti-competitive actions allow participants of digital platforms to interfere with the laws of competition of the digital market.

Keywords: digital market, digital legal relations, digital platforms, ecosystems, gatekeepers, competition, anticompetitive actions, geoblocking.

Введение

В условиях современной цифровизации многие отрасли права видоизменяются под сложившуюся нормативную базу¹, направленную на регулирование цифровых платформ, объектов и прав участников цифрового пространства. Сформированное информационное пространство с учетом потребностей граждан и общества позволяет участникам цифрового рынка применять новые ускоренные методы продаж товаров / работ / услуг, что несомненно требует отдельного нормативного регулирования. Положительная динамика внедрения цифровизации в сферы жизнедеятельности человека поспособствовала повышению уровню информирования населения, появлению новых образовательных порталов, развитию конкуренции, расширению состава, повышению качества или доступности товаров / работ / услуг, созданию благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых инноваций.

Цифровая экономика ознаменовала появление трех уровней: первый – рынки и отрасли экономики, второй – платформы и технологии, третий – среда, которая создает условия для развития платформ и технологий, и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики².

По мнению экспертов комитета по конкуренции профессоров Майкла Бэй, Эрика Бруссо, старшего экономиста Фабьена Курто Милле: «Конкурентное право в целом является достаточно гибким, чтобы его можно было применять к цифровым рынкам»³. С указанной точкой зрения невозможно не согласиться. На сегодняшний день сфера защиты конкуренции претерпевает сильнейшие видоизменения начиная с появления новых видов правоотношений и заканчивая нормативной базой по их урегулированию.

Методы исследования

Исследование базировалось на применении специально-юридических методов таких как сравнительно-правой – применительно в части противопоставления правовых норм, регулирующих защиту конкуренции в Российской Федерации и ряде зарубежных странах: Германии, Китае, а также применен формально-юридический метод, логический метод и статистический метод исследования.

Результаты исследования

Анализ правоотношений цифрового рынка позволяет оценить конкуренцию цифровых хозяйствующих субъектов на цифровом пространстве. Соотношение развития конкуренции и разнообразия видов антиконкурентных действий хозяйствующих субъектов позволяет сделать следующие выводы:

1. Незаменимым решением видится введение ФАС России разъяснений, направленных на детализацию терминологии субъектов цифровых платформ, в частности терминов «экосистема», «гейткипер», «агрегатор».

2. Важнейшими критериями для определения антиконкурентных действий являются количественные (доминирующее положение) и качественные признаки (способность влиять на обращение товара на цифровом рынке), отраженные в редакции Пятого антимонопольного пакета ФАС России.

3. Разработка необходимого программного обеспечения, направленного на проверку действий участников рынков по введению геоблокировки и установлению заниженных (завышенных) цен на товары / работы / услуги позволит выявить факт сотрудничества цифровых платформ между собой, в

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017; О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901;

² Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (Документ утратил силу).

³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/daf/competition/the-digital-economy-2012.pdf> (дата обращения: 20.10.2022).

том числе заключенные между платформами соглашения (договоры) о паритете цен и иных действиях.

4. Цифровые правоотношения категориально новая форма гражданских правоотношений, под которыми понимается круг общественных отношений, реализуемых в сфере цифровой информационной системы и направленных на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей участников цифрового рынка.

Научная дискуссия

Интернет-магазины, электронная торговля, оборот онлайн-заказов повлекли за собой введение нового направления развития товарных рынков – цифрового товарного рынка. Его особенностями, по мнению начальника управления регулирования связи и информационных технологий ФАС России Заевой Е.А., являются:

1. Товар на цифровом товарном рынке имеет нематериальный облик, имеет практически нулевую стоимость воспроизводства и копирования, а также транспортировки в любую точку мира;
2. Товар на цифровом товарном рынке является объектом интеллектуальной собственности;
3. Многосторонность цифровых рынков выражается во взаимодействии несколько групп продавцов и покупателей;
4. Цифровой товарный рынок образуется в случаях возмездности товара и при его бесплатном обороте.

Заева Е.А. придерживается позиции о том, что «появление цифровых рынков не изменило принципы антимонопольного регулирования, ведь новых нарушений никто из цифровых гигантов не придумал. Это либо ограничение свободы реализации товара, либо установление несправедливой цены или несправедливых условий продажи товаров, неправомерный отказ от заключения договора»¹.

В то же время в цивилистической доктрине Петров Д.А. напротив рассуждает «о необходимости обособления в законодательном массиве такого понятия, как цифровые товарные рынки, где слово «цифровые» выступает характеристикой преобладающего типа хозяйствования, а не самостоятельным объектом» [8].

Интересна позиция законодателя Японии по данному вопросу. Цифровой рынок и цифровые платформы в Японии регулируются нормативными актами, связанными с электронной торговлей, а именно «Руководством по толкованию электронной торговли и торговли информационной собственностью» Министерства экономики, торговли и промышленности Японии. Данный нормативно-правовой акт применяется к различным юридическим вопросам, касающимся электронной торговли и торговли информационной собственностью [6].

Развитие цифровых технологий и цифрового рынка повлекли формирование нового круга общественных отношений, регулирование которого затруднительно. На сегодняшний день сфера защиты конкуренции претерпевает сильнейшие видоизменения начиная с появления новых видов правоотношений и заканчивая нормативной базой по их урегулированию. Отношения, сформировавшиеся на цифровом рынке, стали именоваться цифровыми правоотношениями. Легального определения законодатель Российской Федерации не выделяет. В связи с чем видится следующая трактовка термина: под цифровыми правоотношениями следует понимать круг общественных отношений, реализуемых в сфере цифровой информационной системы и направленные на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей участников цифрового рынка.

По мнению Городова О.А. «цифровые правоотношения будут характеризоваться теми же элементами, что и любое другое гражданско-правовое правоотношение» [3]. Основными элементами цифровых правоотношений выступает субъект и объект правоотношения. Реализация цифровых прав происходит определенным цифровым субъектным составом. В него входят: цифровые платформы, посредники (агрегаторы), экосистемы, «суперплатформы» и гейкиперы. Городов О.А. считает, что «субъективные права и обязанности цифровых правоотношений определяются особенностями информационных технологий для целей замещения гражданского оборота материальных или нематериальных благ (активов)» [3]. Вместе с тем, Попондопуло В.Ф. считает, что «робот не может быть субъектом права, так как он выступает объектом права, который может отличаться существенными особенностями, подлежащими учету при его эксплуатации. Соответственно

¹ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2023 [протитировано 03 июня 2023]. Доступно: <https://fas.gov.ru/content/interviews/2055 //>.

субъектом права может являться человек как владелец робототехники, ведь он может нести риск последствий эксплуатации робота как источника повышенной опасности [10].

Согласно Основным направлениям развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов, разработанным Центральным Банком Российской Федерации, под цифровой платформой понимается информационная система, работающая через сеть Интернет, которая обеспечивает взаимодействие участников платформы друг с другом, позволяя им создавать и обмениваться ценностями¹.

Платформы на цифровых рынках, по мнению Губина Е.П., Стырина Е.А. представляют собой некие «платформы возможностей», иными словами, это все интернет-компании, которые обеспечивают взаимодействие между поставщиками и потребителями с целью минимизации издержек при поиске партнеров, товаров / работ / услуг, организации платежей, заключению контрактов и их исполнению [4; 13].

По мнению Жмулиной Д.А., «цифровые платформы – это фактически новый тип бизнеса, который приходит на смену транснациональным корпорациям, что подтверждается темпами капитализации крупнейших компаний мира» [6].

Одним из цифровых посредников на цифровых платформах являются владельцы агрегаторов.

По мнению Рожковой М.А., «владелец агрегатора – это правообладатель соответствующей технологической платформы» [12, с. 31].

Бычков А.И. считает, что «оператор платформ он же агрегатор не является продавцом или покупателем товара, не осуществляет функции агента для каждой стороны сделки.... для квалификации владельца электронной платформы в данном качестве необходимо наличие одновременно трех обязательных критериев: предоставление доступа к информации о товарах и услугах, возможность заключения договора купли-продажи / возмездного оказания услуг и внесение предоплаты» [2]. В данном контексте под термин «посредника-агрегатора» подпадает администратор цифровой платформы, который оказывает соответствующие онлайн-услуги.

Как указывает Иванов А.А.: «деятельность агрегаторов является посредничеством, предполагающим помощь в установлении связи сторон основного договора через Интернет посредством использования специального мобильного приложения, не требующего для установления договорных отношений дополнительных правовых конструкций. При этом с точки зрения права сетевые договорные отношения с участием агрегаторов могут быть построены по моделям представительства, комиссии, передачи товаров, выполнения работ, оказания услуг, смешанной модели или модели *sui generis*» [7].

Подузова Е.Б указывает, что с помощью цифрового агрегатора устанавливается связь между участниками цифрового пространства и обговариваются определенные условия договора [9]. Особенностью данного субъекта является то, что владелец агрегатора исключает возможность привлечения себя к какой-либо ответственности, о чем свидетельствуют многочисленные пользовательские соглашения: «пользовательские условия агрегатора «Сбермаркет» предусматривают, что агрегатор отвечает только за рекламные действия, маркетинговые действия и иные мероприятия, при это все иные действия, связанные с размещением, обновлением, информации о товарах возложены на Рестораны. Кроме того, агрегатор «Сбермаркет» предусмотрел возможность без уведомления Ресторана и без возмещения последнему убытков ограничить и / или изменить функционал его личного кабинета, а также прекратить доступ Ресторана к личному кабинету»². Пользовательское соглашение агрегатора «Вайлдберриз» содержит одну обязанность по «обработке и обеспечению безопасности персональных данных», а в отношении покупателя круг обязанностей по заказу, получению, оплате, использовании товаров³.

Законодатель Китайской Народной Республики закрепил схожее понятие с термином «агрегатор». В силу статьи 9 Закона Китайской Народной Республики «Об электронной коммерции» оператор платформы является организацией, предоставляющая в области электронной торговли двум или нескольким сторонам возможность торговать услугами, вести деятельность интернет-

¹ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (разработаны Банком России) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sbermarket.ru/terms-rte> // (дата обращения: 03.07.2023).

³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://global.wildberries.ru/services/terms> // (дата обращения: 03.07.2023).

магазинов, осуществлять поиск продавцов и покупателей, раскрывать информацию, чтобы они могли самостоятельно вести торговую деятельность [1].

Министерством экономики и развития Российской Федерации в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» (далее – Концепция), выделяется совокупность цифровых платформ образующих цифровую экосистему. С точки зрения данной Концепции цифровые экосистемы являются следующей фазой развития цифровых платформ, в том числе могут включать в себя несколько цифровых платформ, представляя собой клиентоцентричную бизнес-модель¹.

Зарубежная доктрина позволяет выделить еще некоторые разновидности цифровых платформ. Так, европейское законодательство выделяет «суперплатформы» и гейкиперы. В европейском проекте регламента «О цифровых рынках» (Digital Markets Act; далее – «DMA») понятие гейткипера фактически означает квалифицированную платформу, действующую в одной из сфер (к примеру, электронной коммерции, поисковой системы, социальной сети, рекламных сервисов) и при этом платформу достаточно крупную, чтобы оказывать влияние на рынок. Законодательство Германии выделяет «суперплатформу», под которой понимается предприятие, с выходящим за пределы одного рынка влиянием с установлением качественных критериев.

Качественный критерий отличается от классического антимонопольного регулирования и выражается в том, что «вместо анализа причинения вреда конкуренции устанавливаются общие обязательства для суперплатформ, что размывает границы между антимонопольным правом и режимом *suí generis* (особого рода). Однако, немецкий § 19a GWB в отличие от проекта DMA допускает возложение ответственности на суперплатформу лишь после того, как уполномоченный орган запретил конкретное действие (то есть не действует общий *ex ante* запрет), и при этом суперплатформа может привести аргументы в пользу оправданности своих действий. При рассмотрении обоснованности действий суперплатформы может учитываться и вред конкуренции (хотя и не всегда)².

В то время как в Российской Федерации Заева Е.А. выделяет «базовый качественный критерий – способность влиять на обращение товара на рынке и видит необходимость в дополнении классического принципа о доминирующем положении (когда доля превышает 50 % или, когда речь идет о коллективном доминировании) следующим качественным критерием: «если обращение товара количественно невозможно посчитать, антимонопольный орган должен оценить фактические обстоятельства потребления на рынке, последствия действий хозяйствующего субъекта, которые подразумеваются как злоупотребление доминирующим положением»³.

Немаловажным также видится отражение в пятом антимонопольном пакете ФАС России, который вступит в законную силу 01.09.2023, запретов для агрегаторов онлайн-торговли, использующих «сетевой эффект». ФАС России выделил критерием доминирующего положения хозяйствующего субъекта рынка – выручку, которая за последний календарный год должна превышать 2 млрд рублей, а также превышать 35 % доли сделок на определенном товарном рынке. Кроме этого, пятым антимонопольным пакетом ФАС России также устанавливается новое условие для антимонопольного контроля за сделками экономической концентрации на товарных рынках. Теперь с ФАС России будут согласовываться сделки, цена которых превышает 7 млрд рублей. Антимонопольное ведомство при рассмотрении ходатайств о даче согласия на совершение сделки теперь будет вправе назначить экспертизу и привлечь экспертов для ее проведения⁴.

В понимании Центрального Банка России (далее – ЦБ) «экосистема (цифровая экосистема) – совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компании и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках

¹ Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/koncepciya_21052021.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

² Резюме исследования об актуальных проблемах регулирования экосистем [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csr.ru/upload/iblock/cb1/ghds1y1mejvy2zseo2dow249v9932uc.pdf> (дата обращения: 07.07.2023).

³ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2023 [процитировано 07 июля 2023]. Доступно: <https://fas.gov.ru/content/interviews/2055/>.

⁴ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2023 [процитировано 07 июля 2023]. Доступно: <https://fas.gov.ru/publications/24074/>.

единого бесшовного интегрированного процесса». ЦБ привел следующие «примеры критериев размера экосистем:

- ограничение для соцсетей с количеством пользователей в сутки более 500 тыс. человек;
- платформа оказывает услуги 10 % населения (примерно 45 млн человек);
- платформа занимает более 35 % на рынке платформенных услуг, выручка от деятельности платформы за календарный год превышает 400 млн рублей¹.

Одной из экосистем выступает Публичное акционерное общество «Мобильные ТелеСистемы» (далее – ПАО «МТС»), являющееся компанией в России и странах СНГ по предоставлению услуг мобильной и фиксированной связи, провайдер цифровых сервисов, поставщик ИТ-решений в области коммуникационных платформ и др. Согласно стратегии ПАО «МТС» развитие компании будет ориентировано на создание на базе основного телекоммуникационного бизнеса продуктовой экосистемы с бесшовным переходом между сервисами. Ядром экосистемы будут сквозная идентификация клиентов, использование больших данных и общих каналов продаж, управление лояльностью и коммуникациями с клиентами².

Объектом цифровых правоотношений выступают новые электронные формы взаимодействия хозяйствующих субъектов цифрового пространства, выраженные во взаимодействии юридических и физических лиц между собой на цифровых рынках.

Так, необходимо выделить следующие формы (виды) правоотношений: цифровые правоотношения, связанные с коммерческим посредничеством цифровых платформ и экосистем, отношения, связанные с установлением условия о паритете цен, доминирующее положение на многосторонних рынках и геоблокинг, монополия. Данные виды цифровых правоотношений носят антиконкурентный характер. Согласно Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области защиты конкуренции, утвержденным Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2018 г. № 2051-р, под антиконкурентными действиями понимается действия (бездействие), которые запрещены в соответствии с антимонопольным законодательством каждого из государств³.

Для более детального определения антиконкурентного характера цифровых правоотношений рассмотрим каждый из указанных ранее видов.

Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (далее – Россия) на первое место по действиям, ограничивающим конкуренцию на цифровых рынках, ставит – геоблокинг. По мнению ФАС России, геоблокинг подразумевает запрет на доступ и /или распространение лицензионного контента / товара за пределы территории, указанной в лицензионном соглашении. В случае антиконкурентного геоблокинга нарушение конкуренции происходит из-за чрезмерной защиты исключительных прав⁴.

По мнению Постниковой Е.В., необоснованная гео-блокировка означает дискриминационную практику, препятствующую потребителям получать доступ и приобретать товары или услуги через веб-сайты. Она может выражаться как в блокировании доступа потенциального покупателя к веб-сайту, отказе в регистрации, так и в трудностях с регистрацией или автоматическом перенаправлении на веб-сайты, ориентированные на другие государства [11].

В современных условиях глобализации и цифровизации зарубежом сформировалась практика по разновидностям геоблокинга. Одной из них является геоблокинг по аудио- и видео-контенту.

Примером является случай двух конкурирующих субъектов-гигантов на цифровом рынке «Guess» и «Nike», которые выстроили модель бизнеса, позволяющую установить довольно жесткие ограничения для контрагентов. «Nike» передавала свои лицензионные права на атрибутику по двум типам: неэксклюзивные прямые и непрямые лицензионные соглашения. Это позволяло размещать товары на веб-сайтах, которые доступны за пределами указанной в соглашении территории, однако только при условии, что покупатели за пределами этой территории не смогли бы приобрести товар. В

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/759201/> (дата обращения: 15.06.2023).

² [сайт]. Банк России; 2023 [процитировано 15 июня 2023]. Доступно: www.cbr.ru/.

³ О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области защиты конкуренции: Распоряжение Правительства РФ от 27.09.2018 № 2051-р // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2022 [процитировано 29 октября 2022]. Доступно: <https://fas.gov.ru/> ЕАЭС.

свою очередь «Guess» ставила акцент на построении мощного канала онлайн-дистрибуции – все ритейлеры должны удовлетворять определенным критериям, а в дистрибьюторских соглашениях содержатся четкие правила для рекламы и продвижения товара¹.

Еще одним видом антиконкурентных действий является паритет цен (соглашение о цене), которое заключается в навязывании невыгодных условий договора. К примеру, Booking.com навязывал условия договоров, в соответствии с которыми они были обязаны предоставлять компании и соблюдать со своей стороны паритет цен, наличия номеров и условий во всех каналах продаж и распространения своих услуг (под такими каналами понимаются мета-поисковики, туристические агентства, другие агрегаторы информации, а также сайты самих отелей и других средств размещения)².

Отдельным видом стоит рассмотреть злоупотребление цифровым субъектом доминирующим положением на многосторонних рынках сквозь призму условий, средств и правовых последствий определения доминирующего положения. Данные антиконкурентные действия представляют собой случаи, когда одна компания занимает доминирующее положение на рынке и локализовано распространяет свою продукцию на территории, к примеру, одной страны. ФАС России возбудила по заявлению АО «Лаборатория Касперского» антимонопольное дела в отношении Apple. ФАС России установлен факт злоупотребления компаний Apple доминирующим положением на рынке распространения мобильных приложений на операционной системе iOS, проводив последовательную политику по ограничению инструментов и возможностей для разработки приложений родительского контроля, в результате чего большая часть функционала приложений сторонних разработчиков была утрачена³. ФАС России пришла к выводу, что такие навязывания предоставляют конкурентное преимущество одной компании и наносят ущерб другим компаниям, добросовестно конкурирующим.

Цифровые правоотношения, связанные с коммерческим посредничеством цифровых платформ и экосистем, представляют собой отдельный вид антиконкурентных действий на цифровых рынках. Данный вид правоотношений может возникать на основании как договора возмездного оказания услуг, так и агентского договора.

Дерюгина Т.В., являясь сторонником первого подхода, считает, что «договор возмездного оказания услуг с коммерческим посредничеством определил роль агрегатора как лица, обязанного оказывать информационные услуги в виде размещения информации о заказчике на своей информационной площадке. В то же время роль заказчика заключается в оплате этих услуг (статья 779 Гражданского кодекса Российской Федерации)» [5].

В случае агентского договора агрегатор выступает в роли посредника. К примеру, директор АНО Центр инноваций социальной сферы «Атлас некоммерческих организаций» и директор по региональной политике АНО «Цифровая экономика» создали макет цифровой платформы-агрегатора, которая позволила бы обеспечить интерактивный, открытый и бесплатный пользовательский доступ к данным о деятельности некоммерческих организаций⁴.

Современный рынок видеоизменяется ежедневно, в связи с чем видится интересной точка зрения Цыганова А.Г. о том, что антимонопольные органы могут столкнуться с рядом сложностей при рассмотрении монополий и доказыванием факта нарушения. Под монополией понимается монопольное положение покупателя товара при большом количестве конкурирующих между собой производителей⁵. В целом, в отсутствие регулирования данный вид взаимодействия участников рынка может перекалфицироваться в антиконкурентные действия.

Указанные антиконкурентные действия приводят к монополизации цифровых рынков, отрицательному воздействию на потребителей товаров/работ/услуг, что проявляется в нарушении законодательства о защите прав потребителей, также являются угрозой для отношений, связанных с

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40428/40428_1205_3.pdf // (дата обращения: 01.05.2022).

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/8c9/Obzor-po-TSifre-na-sayt.pdf> // (дата обращения: 15.10.2022).

³ Доклад о состоянии конкуренции Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации за 2020 год [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2022 [процитировано 29 октября 2022]. Доступно: <https://fas.gov.ru/documents/687864?ysclid=lm3vj7837j777734874>.

⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdo2day.ru/cases/340/> // (дата обращения: 12.07.2023).

⁵ [сайт]. Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации; 2023 [процитировано 12 июля 2023]. Доступно: <https://fas.gov.ru/news/32672/>.

тенденциями к построению сложных иерархических информационно-телекоммуникационных систем, способствуют развитию неравенственных правоотношений на цифровых рынках.

На основании изложенного видится необходимость в расширении законодательной базы в области регулирования цифрового пространства и цифровых прав участников платформ. Незаменимым решением является введение ФАС России разъяснений, направленных на детализацию терминологии участников цифровых платформ, в том числе с количественными и качественными характеристиками для дальнейшего разделения их на платформы, экосистемы и гейткиперы. При этом количественный критерий будет отвечать за общее количество участников (среди которых продавцы и потребители), максимальное количество которых могут использовать ту или иную платформу для предотвращения злоупотребления со стороны экосистем или же «суперплатформ». Также необходимо программное обеспечение, направленное на проверку действий участников рынков по введению геоблокировки и установлению заниженных (завышенных) цен на товары / работы / услуги. Указанный программный алгоритм позволит выявить факт сотрудничества цифровых платформ между собой, том числе заключенные между платформами соглашения (договоры) о паритете цен и иных действиях.

Список использованной литературы:

1. Алексеев А.П. Регулирование деятельности электронных платформ по Закону КНР «Об электронной коммерции». *Юрист*. 2020;(7):62–68. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-62-68.
2. Бычков А.И. Правовое регулирование экономики совместного потребления: монография. М.: Инфотропик Медиа; 2019.
3. Городов О.А. Цифровое правоотношение: видовая принадлежность и содержание. *Право и цифровая экономика*. 2019;(3(05)):5–10. DOI: 10.17803/2618-8198.2019.05.3.005-010.
4. Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования. *Право и экономика*. 2020;(8(390)):5–13.
5. Дерюгина Т.В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора. *Гражданское право*. 2018;(6):3–6. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-6-3-6.
6. Жмулина Д.А. Правовое регулирование электронной торговли в Японии. *Конкурентное право*. 2022;(3):16–19. DOI: 10.18572/2225-8302-2022-3-16-19.
7. Иванов А.А. Бизнес-агрегаторы и право. *Закон*. 2017;(5):145–156.
8. Петров Д.А. Конкуренция и конкурентная политика в условиях цифровизации экономики. *Право и цифровая экономика*. 2022;(1(15)):5–13. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.15.1.005-013.
9. Подузова Е.Б. Субъекты цифровых правоотношений: тенденции права и бизнеса. *Актуальные проблемы российского права*. 2021;16(2(123)):55–60. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.123.2.055-060.
10. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений. *Юрист*. 2019;(6):29–36. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-6-29-36.
11. Постникова Е.В. Правовое регулирование запрета гео-блокировки в целях создания единого цифрового

References:

1. Alekseenko A.P. [Regulation of the activities of electronic platforms under the Law of the People's Republic of China "On Electronic Commerce"]. *Yurist = Lawyer*. 2020;(7):62–68. DOI: 10.18572/1812-3929-2020-7-62-68. (In Russ.)]
2. Bychkov A.I. [Legal regulation of the economy of joint consumption]. Moscow: Infotropik Media; 2019. (In Russ.)]
3. Gorodov O.A. [Digital legal relationship: species and content]. *Pravo i tsifrovaya ehkonomika = Law and the digital economy*. 2019;(3(05)):5–10. DOI: 10.17803/2618-8198.2019.05.3.005-010. (In Russ.)]
4. Gubin E.P., Kharitonova Yu.S. [Digital platforms in Europe, China and Russia: main approaches and trends in legal regulation]. *Pravo i ehkonomika = Law and economics*. 2020;(8(390)):5–13. (In Russ.)]
5. Deryugina T.V. [The legal nature of the contract mediating the emergence of legal relations with the participation of the aggregator]. *Grazhdanskoe parvo = Civil law*. 2018;(6):3–6. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-6-3-6. (In Russ.)]
6. Zhmulina D.A. [Legal regulation of electronic commerce in Japan]. *Konkurentnoe parvo = Competition law*. 2022;(3):16–19. DOI: 10.18572/2225-8302-2022-3-16-19. (In Russ.)]
7. Ivanov A.A. [Business aggregators and law]. *Zakon = Law*. 2017;(5):145–156. (In Russ.)]
8. Petrov D.A. [Competition and competition policy in the context of digitalization of the economy]. *Pravo i tsifrovaya ehkonomika = Law and Digital Economy*. 2022;(1(15)):5–13. DOI: 10.17803/2618-8198.2022.15.1.005-013. (In Russ.)]
9. Poduzova E.B. [Subjects of digital legal relations: trends in law and business]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2021;16(2(123)):55–60. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.123.2.055-060. (In Russ.)]
10. Popondopulo V.F. [Legal forms of digital relations]. *Yurist = Lawyer*. 2019;(6):29–36. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-6-29-36. (In Russ.)]
11. Postnikova E.V. [Legal regulation of the geo-blocking ban in order to create a single digital market of

рынка Европейского союза. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020;(3):207–234.

12. Рожкова М.А. Об ответственности агрегаторов и их платформах онлайн-разбирательства споров. *Хозяйство и право*. 2018;(9):14–28.

13. Стырин Е.М. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие (монография) / Е.М. Стырин, Н.Е. Дмитриева. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики; 2021.

the European Union]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki* = *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(3):207–234. (In Russ.)]

12. Rozhkova M.A. [On the responsibility of aggregators and their online dispute resolution platforms]. *Khozyaistvo i pravo* = *Economy and law*. 2018;(9):14–28. (In Russ.)]

13. Styrin E.M. [State digital platforms: formation and development] / E.M. Styrin, N.E. Dmitrieva. M.: Publishing House of Higher School of Economics; 2021. (In Russ.)]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Томилова Людмила Николаевна*

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1949-8753>

Корниенко Анна Вячеславовна

консультант отдела правового обеспечения государственной жилищной инспекции Краснодарского края
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9861-055X>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ludmila N. Tomilova*

Cand. of Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of the FGBOU VO "Kuban State University"
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1949-8753>

Anna V. Kornienko

Consultant of the legal support department of the State Housing Inspectorate of Krasnodar Krai

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9861-055X>

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-63-71>

ИНСТИТУТ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО (НЕСПРАВЕДЛИВОГО) ОБОГАЩЕНИЯ В ТЕОРИИ И СУДЕБНО-АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКЕ

Щенникова Л.В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Щенникова Л.В. Институт неосновательного (несправедливого) обогащения в теории и судебно-арбитражной практике. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):63–71. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-63-71>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Щенникова Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (918) 333-79-36

E-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 05.08.2023

Статья принята к печати: 05.09.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: *Цель:* проследить закономерности развития института неосновательного обогащения под углом зрения складывающейся судебно-арбитражной практики и влияния на нее принципа добросовестности.

Задачи: определить степень разработанности института неосновательного обогащения и перспективное направление развития его норм; увидеть проблему современной судебной практики по делам о неосновательном обогащении в связи с применением к нему правил исковой давности; выделить сущностную идею, которая является основанием для существования и применения норм о неосновательном обогащении; дать научную оценку трудам отечественных цивилистов, разрабатывающих проблему неосновательного обогащения; обратившись к зарубежной гражданско-правовой науке, увидеть то значение и роль, которое в ней отводится нравственным основаниям института неосновательного обогащения, предложить гражданско-правовой механизм защиты потерпевшего в связи с получением выгоды другим лицом без встречного удовлетворения, но при наличии формального юридического основания.

Результаты: разработана концепция развития норм института неосновательного обогащения и практики их судебного применения с позиций принципа добросовестности.

Выводы: доказано, что институт неосновательного обогащения в гражданском праве является одним из сложных, спорных и наименее разработанных в гражданско-правовой теории; проведенный анализ судебно-арбитражной практики показал, что суды главным образом сконцентрированы на формально-юридическом применении норм института неосновательного обогащения и в ряде случаев сами судебные решения выступают основанием для получения необоснованной выгоды ответчиком; показано, что современная российская цивилистика не столь активна в разработке проблемы роли нравственных оснований в регулировании отношений, вытекающих из неосновательного обогащения; аргументировано, что основной идеей института неосновательного обогащения является идея справедливости, что должно учитываться как законодателем, так и судами в процессах правоприменения; с учетом возможности обогащения субъектов гражданско-правовых отношений при наличии формального юридического основания, автором поддержана идея введения

дополнительного иска, в основу которого будет положена защита нравственного принципа справедливости в имущественных отношениях.

Ключевые слова: гражданское право, судебная практика, неосновательное обогащение, справедливость, добросовестность.

THE INSTITUTE OF UNJUSTIFIED (UNFAIR) ENRICHMENT IN THEORY AND JUDICIAL ARBITRATION PRACTICE

Larisa V. Schennikova
FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Schennikova L.V. The institute of unjustified (unfair) enrichment in theory and judicial arbitration practice. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):63–71. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-63-71>

CONTACT INFORMATION:

Larisa V. Schennikova, Dr. of Sci. (Law), Professor, Head Department of Civil Law FGBOU VO "Kuban State University", Honoured Lawyer of Kuban, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (918) 333-79-36

E-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 05.08.2023

The article has been accepted for publication: 05.09.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: Purpose: to trace the patterns of development of the institute of unjust enrichment from the point of view of the emerging judicial and arbitration practice and the influence of the principle of good faith on it.

Objectives: to determine the degree of development of the institution of unjust enrichment and a promising direction for the development of its norms; to see the problem of modern judicial practice in cases of unjust enrichment in connection with the application of the rules of limitation to it; highlight the essential idea that is the basis for the existence and application of the rules on unjust enrichment; give a scientific assessment of the works of domestic civil lawyers who are developing the problem of unjust enrichment; turning to foreign civil law science, to see the significance and role that it assigns to the moral foundations of the institute of unjust enrichment, to propose a civil law mechanism for protecting the victim in connection with the receipt of benefits by another person without reciprocal satisfaction, but in the presence of a formal legal basis.

Results: the concept of developing the norms of the institution of unjust enrichment and the practice of their judicial application from the standpoint of the principle of good faith was developed.

Conclusions: it is proved that the institution of unjust enrichment in civil law is one of the most complex, controversial and least developed in civil law theory; the analysis of judicial and arbitration practice showed that the courts are mainly focused on the formal legal application of the norms of the institute of unjust enrichment, and in some cases the court decisions themselves act as the basis for obtaining unjustified benefits by the defendant; it is shown that modern Russian civil law is not so active in developing the problem of the role of moral grounds in regulating relations arising from unjust enrichment; it is argued that the main idea of the institution of unjust enrichment is the idea of justice, which should be taken into account by both the legislator and the courts in law enforcement processes; taking into account the possibility of enrichment of the subjects of civil law relations in the presence of a formal legal basis, the

author supports the idea of introducing an additional claim, which will be based on the protection of the moral principle of justice in property relations.

Keywords: civil law, judicial practice, unjust enrichment, justice, good faith.

«Пора наконец отнестись к Болотной Девчонке по справедливости»¹

Введение

В гражданском праве нет, пожалуй, института, на котором, образно говоря, можно было бы поставить гриф «разработано». С учетом динамичного развития имущественных отношений, разнообразия судебной правоприменительной практики всегда научная мысль имеет возможность отыскать глубинные проблемы, требующие участия в их решении и науки, и российского законодателя. При этом побудительным мотивом к очередной научной разработке чаще всего оказывается именно судебная практика. Вот и в данном конкретном случае мысль о важности научной проработки института неосновательного обогащения возникла в связи с вопросом, ставшим предметом рассмотрения научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Кавказского округа 19 мая 2023 года.

Суть обсуждаемой проблемы свелась к моменту начала исчисления срока исковой давности по требованию о взыскании неосновательного обогащения в виде излишне внесенной арендной платы по договору аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности. Для ответа на поставленный вопрос по существу членам НКС пришлось углубиться как в конкретику судебных актов, принятых по подобным спорам за последние годы, так и в цивилистическую доктрину о неосновательном обогащении. В частности, в обоснование одного из вариантов ответа была приведена теория трансформации, разработанная немецкой правовой мыслью и применяемая в судебной практике ФРГ. Кроме того, нельзя было не обратить внимание на то, что поставленный вопрос имеет богатую отечественную историю, ибо являлся предметом рассмотрения еще Высшим Арбитражным судом РФ, который прекратил свое существование в 2014 году. Символичной показалась и фабула дела, изложенная в постановлении ВАС от 01 декабря 2011 г. № 10406/11².

Так, в орбите внимания судов оказался спор между товариществом (СНТ «Ростсельмашевец») и обществом (ООО «Землеустроитель»). Товарищество требовало взыскать с общества 150000 рублей неосновательного обогащения в виде денежных средств, не возвращенных после расторжения договоров подряда. Всего договоров было заключено десять. Стоимость работ по каждому договору была согласована в размере 15000 рублей. Общество, будучи подрядчиком, обязалось по заданию товарищества выполнить комплекс работ по инвентаризации и межеванию земельных участков, расположенных в Ростовской области. В счет оплаты будущих работ товарищество перечислило обществу часть суммы пятью платежными поручениями в 2006 г., а оставшиеся 30000 рублей в ноябре 2007 г. Однако обществом работы выполнены не были. В связи с тем, что заключенные договоры не были исполнены, товарищество в январе 2008 года уведомило общество об одностороннем отказе от их исполнения и потребовало возвратить денежные средства в размере 150000 рублей. Процесс судебного разбирательства по данному делу затянулся на несколько лет. В 2010 г. Арбитражный суд Ростовской области, признав договоры подряда незаключенными, сделал вывод о том, что срок исковой давности о взыскании неосновательного обогащения следует исчислять со дня получения обществом денежных средств. На этом основании товариществу было отказано в удовлетворении требований о взыскании 120000 рублей, уплаченных обществу в 2006 г. Суд апелляционной инстанции, признал договоры подряда заключенными, однако отказ о взыскании 120000 рублей неосновательного обогащения также счел правомерным. С выводами нижестоящих инстанций согласился и кассационный суд. ВАС РФ, отменив принятые по данному делу судебные акты, отметил, что результатом их исполнения было бы приобретение ответчиком необоснованной выгоды. Действительно, будучи виновным в неисполнении принятого на себя гражданско-правового обязательства, он не только не понес никаких неблагоприятных последствий в виде гражданско-правовой ответственности, но и оказался в имущественном выигрыше в связи с формально-юридическим применением норм о пропуске срока исковой давности. ВАС РФ тогда порекомендовал судам исчислять срок исковой давности по требованиям о взыскании неосновательного обогащения с момента расторжения договоров. Что касается научной оценки данного дела, то, на мой взгляд, оно

¹ Делия Оуэнс. Там, где раки поют. М., Фантом Пресс; 2022. С. 384.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 01.12.2011 № 10406/11 по делу № А53-15356/2010 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

может представлять собой образец несправедливости. Истец, будучи недобросовестным контрагентом по договору, при этом обогатившись за счет ответчика, использовал гражданско-правовые нормы и судебные инстанции для формально-юридического признания полученного законно приобретенным. И если в 2011 г. судебные инстанции могли еще игнорировать нравственные основания гражданско-правового регулирования, то сегодня, с учетом включения в систему основных начал гражданского законодательства принципа добросовестности, с таким подходом, как представляется, соглашаться уже никак нельзя. Вот почему, показалось важным поразмышлять о влиянии принципа добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ) на применение правил о неосновательном обогащении. Обращение к истории института неосновательного обогащения позволило глубже понять его сущность и предназначение в гражданском праве. Изучение зарубежной гражданско-правовой литературы подтвердило важность учета нравственных оснований, в частности требования справедливости, в практике применения данных норм. В целом, как оказалось, институт неосновательного обогащения является сложным, спорным и наименее разработанным в цивилистике. При этом с самых давних времен ученые подчеркивали, что сущностной характеристикой обогащения должно быть не только и не столько отсутствие законного основания, сколько нарушение требования справедливости. Вот на эту нравственную сторону института неосновательного обогащения и хотелось бы акцентировать внимание в данной научной публикации.

Методы исследования

Основу настоящего исследования составляют диалектический метод, а также общенаучные и специальные методы: логический, системный, исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический.

Результаты исследования

Работа над проблемой позволила сформулировать следующие научные выводы:

1. Институт неосновательного обогащения в гражданском праве является одним из сложных, спорных и наименее разработанных в гражданско-правовой теории.
2. Проведенный анализ судебно-арбитражной практики показал, что суды главным образом сконцентрированы на формально-юридическом применении норм института неосновательного обогащения. Это приводит в ряде случаев к тому, что сами судебные решения выступают основанием для получения необоснованной выгоды ответчиком.
3. Введение нравственного критерия добросовестности в систему основных начал гражданского законодательства требует пересмотра правовых позиций судов при рассмотрении дел о взыскании неосновательного обогащения, в том числе при решении вопросов применения к ним сроков исковой давности.
4. Дореволюционная цивилистика при выборе идеи, обосновывающей необходимость существования норм о неосновательном обогащении, склонялась к идее справедливости.
5. Ростки критерия справедливости пробивали себе дорогу и в учении о неосновательном обогащении, созданном советской цивилистикой.
6. Современная российская цивилистика хотя и не оставляет без внимания институт неосновательного обогащения, не столь активна в разработке проблемы его нравственных основ.
7. Системный анализ зарубежного законодательства о неосновательном обогащении и судебной практики применения его норм позволяет заключить, что в его основу закладывается именно идея сознательности и принципы нравственности в действиях граждан.
8. Анализ публикаций зарубежных цивилистов позволил сделать вывод о том, что как теория неосновательного обогащения, так и практика применения его норм в странах мира все активнее использует в своей аргументации нравственные принципы добросовестности и справедливости.
9. Представляется плодотворной идея двух исков, связанных с получением выгоды одного лица за счет другого: иска о взыскании неосновательного обогащения и иска о взыскании выгоды без встречного удовлетворения при наличии формального основания.
10. Расширение пределов действия норм института неосновательного обогащения, новые возможности для участников гражданского оборота за счет появления версионных исков позволит уточнить и название института, обозначив его как неосновательное или несправедливое обогащение.

Научная дискуссия

Начнем научный анализ с трудов дореволюционных цивилистов, которые оставили нам в наследство доктринальную оценку исследуемого института, хотя российское гражданское законодательство того периода и не включало его в свое содержание. Ученые анализировали главным образом зарубежные аналоги, а также отечественную практику Сената, связанную с рассмотрением

требований о возврате недолжно полученного или сохраненного. При этом в орбите нашего внимания будет главным образом выбор идеи, которая с точки зрения науки должна быть положена в основание обязанности возвратить все полученное без законного основания. Так, Г.Ф. Шершеневич, добросовестно изложив точки зрения М. Планиоля и Л. Эннекцеруса, не соглашался с их аргументами, подчеркивая, что ни естественное право (М. Планиоль), ни справедливость (Л. Эннекцерус) не могут являться источниками, вызывающими необходимость в нормах о неосновательном обогащении. С его точки зрения обоснование обязанности возвратить полученное без законного основания следует видеть в общем смысле законов, которые устанавливают определенные формы перехода ценностей от одного лица к другому. Однако приведенная ученым практика Сената, отнюдь, не подтверждала сделанный им научный вывод. Следуя принципу научной добросовестности, Г.Ф. Шершеневич констатирует, что, если первоначально Сенат и исходил из смысла закона, ссылаясь на ст. 574 Т. 1. X Свода Законов Российской Империи, то впоследствии стал ссылаться исключительно на общие начала справедливости¹.

Иную научную позицию по обоснованию необходимости существования норм о неосновательном обогащении высказывал К.П. Победоносцев. Истоки отношений по неосновательному обогащению ученый видел в общем стремлении права к уравниванию отношений по имуществу. Может случиться, рассуждал К.П. Победоносцев, что одно лицо своими действиями с ущербом для себя принесет пользу имуществу другого лица без его ведома и поручения. Как возможно оценить подобное приращение? Можно ли рассматривать его случайным явлением без надлежащей юридической оценки? Безусловно, нет! Нельзя допустить, чтобы такое приращение происходило даром, становилось на счет того, кому последовала прибыль, подчеркивал К.П. Победоносцев, поскольку это противоречило бы идее справедливости. Данная идея, по убеждению ученого, берет начало еще в римском праве, где необходимость соответствующего уравнивания имуществ обосновывалась исключительно требованием справедливости [8, с. 613]. Впоследствии начало справедливости стало получать в странах мира значение общего законного правила. В тех же странах, где норм о неосновательном обогащении не появлялось, все равно в них чувствовалась необходимость в связи с конфликтом формальной строгости и внутренней справедливости.

О началах справедливости, важных для института неосновательного обогащения писал и В.И. Синайский. Ученый подчеркивал, что случаи, когда одно лицо обогащается за счет другого, встречаются в гражданском обороте далеко не редко и объективно требуют соответствующей корректировки со стороны гражданского закона. При этом причина, вызывающая необходимость корректировок состоит именно в морально-нравственном критерии справедливости, как требовании, обращенном ко всем участникам гражданско-правовых отношений. Далее ученый приводил многочисленные примеры нравственных оснований других гражданско-правовых норм, объясняя, в частности, несправедливость возвращения обогащения по безнравственным сделкам или возврата переданного в случае выполнения лицом нравственной обязанности. Завершает свой обзор проблемы В.И. Синайский выводом, заключающимся в том, что институт неосновательного обогащения несмотря на его важность для гражданского оборота, является наименее разработанным, как в римском праве, так, к сожалению, и в отечественном².

В советский период развития цивилистической науки проблемами института неосновательного обогащения занимались такие ученые как М.М. Агарков [1], Д.М. Генкин [2], В.А. Рясенцев [8], Е.А. Флейшиц. В их работах нравственный критерий справедливости звучит не столь очевидно, однако его ростки пробивают себе дорогу. Так, марксистско-ленинская идеология считала несправедливым любое обогащение, связанное с отношениями, основанными на частной собственности. Несправедливым считалось присвоение чужого неоплаченного труда. Вот почему в науке того времени был аргументирован, а впоследствии получил одобрение в законодательстве вывод о необходимости замены термина «обогащение» на неосновательное приобретение или получение (сбережение) имущества. Кроме того, обязательства из неосновательного обогащения советские ученые рассматривали гражданско-правовым средством защиты социалистической и личной собственности, что также воспринималось как отдаленное воздействие нравственного требования справедливости [9, с. 220].

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 10-е изд. Москва, 1912. С. 671.

² Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1912. С. 310.

Если говорить о современном этапе развития отечественной цивилистической науки, то характеристика института неосновательного обогащения как наименее разработанного, остается для него все еще актуальной. Кроме того, буквально единичны исследования, в которых подчеркивается роль нравственных оснований в регулировании имущественных отношений данного рода. Вот почему обращают на себя внимание публикации Д.А. Перегудовой, в которых идея недобросовестности, как характеристики приобретения или сбережения имущества, проходит через них красной нитью. Активно применяя метод сравнительно анализа, в частности, анализируя гражданское законодательство Германии, данный автор делает вывод, что целью кондикции является отнюдь не возмещение убытков, а восстановление справедливости в условиях безнравственности и недобросовестности. Изучение французского опыта судебного применения норм о неосновательном обогащении позволяет данному автору утверждать, что суды этой страны требуют произвести возврат полученного всегда, когда приобретатель путем безосновательного получения имущества поступил безнравственно. Системный же анализ зарубежного законодательства многих стран мира позволил автору сделать общий вывод, заключающийся в том, что в основу института неосновательного обогащения должны быть положены не материальные блага, а сознательность и принципы нравственности в действиях граждан [6, с. 75]. Таким образом законодатели ориентируют общество на поддержание нравственных начал, важности добросовестного поведения. Идея нравственных оснований легла и в основу авторского определения неосновательного обогащения, которое предлагает Д.А. Перегудова на страницах своих публикаций. Так, неосновательным она считает такое обогащение, при котором у лица (приобретателя) возникает право собственности на безосновательно и недобросовестно приобретенное или сбереженное имущество за счет другого лица (потерпевшего) до того момента, пока приобретатель не будет уведомлен о неправомерности своих действий. Научный интерес представляет и классификация видов неосновательного обогащения, предложенная Д.А. Перегудовой на основании изучения многочисленных исследований своих предшественников. Так, автор выделяет обогащение непосредственное и посредственное; чистое и модифицированное; в узком и широком смысле; вследствие добросовестных и недобросовестных действий приобретателя; обогащение вследствие пассивного и активного поведения приобретателя. Кроме того, следует подчеркнуть, что в концепции ученого у приобретателя должно возникать именно право собственности на безосновательно и недобросовестно приобретенное имущество. Наличие указания на возникающее вещное право автор рассматривает качественной характеристикой неосновательного обогащения [7, с. 128–130]. Иную позицию по этому вопросу занимает В.С. Гербутов. Он считает допустимым предложить альтернативную сложившейся в законодательстве и судебной практике концепцию неосновательного обогащения при этом максимально расширяя ее возможные пределы. В понятие неосновательного обогащения этот автор включает любые экономические блага и ценности (включая работы, услуги, пользование, информацию, деловую репутацию, клиентулу, иные договорные предоставления), а также правовые позиции (любые изменения в правовой сфере, которые имеют или потенциально могут иметь какую-либо ценность) [3, с. 58]. Важно отметить, что сделанный В.С. Гербутовым обзор многочисленных источников гражданско-правовой литературы, посвященной неосновательному обогащению, не содержит даже упоминания о его нравственных основаниях. Так стремление к оригинальности и формальная наукообразность не позволили увидеть данному автору суть изученного института.

На страницах российской юридической печати можно встретить примеры судебных дел, в которых обогащение, хотя и имеющее формальное основание, тем не менее, по критерию справедливости требовало адекватного возмещения. Так, М. Ерохова приводит пример ситуации, которая сложилась в г. Сочи в преддверии проводимых в России Олимпийских игр. Тогда потребовалось построить множество объектов капитального строительства. Организатором застройки была определена корпорация «Олимпстрой», а генеральным подрядчиком ООО «Корпорация Инжтрансстрой». Когда времени до начала игр оставалось совсем мало, «Олимпстрой» попросил подрядчиков построить ряд объектов в кратчайшие сроки и не по договорам подряда, а на основании специально составленного протокола. Работы были подрядчиком выполнены, однако не оплачены, поскольку выполнялись по поручению непосредственно «Олимпстроя» и вне рамок договоров подряда. Впоследствии созданные объекты капитального строительства как построенные на муниципальных землях по специальному Распоряжению Правительства РФ были переданы в собственность муниципального образования «Город Сочи». Подрядчики пытались взыскать с г. Сочи суммы неосновательного обогащения, которые им причитались за выполненную, но не оплаченную работу, поскольку построенные объекты фактически были использованы для пополнения

имущественной базы муниципалитета. Однако суды всех инстанций в исках отказали, не усмотрев на стороне ответчика неосновательного обогащения. Они констатировали, что поскольку спорное имущество было получено ответчиком по распоряжению Правительства РФ, то отсутствует необходимый признак для производства соответствующего взыскания. Между тем, замечает М. Ерохова, представление о справедливости само по себе требует, чтобы иск потерпевшего, в данном случае застройщика, к обогатившемуся, коим оказался г. Сочи, был удовлетворен [4, с. 154–155]. Таким образом, можно констатировать, что отечественная цивилистика все настойчивее ставит вопрос о необходимости совершенствовании норм института неосновательного обогащения, в том числе с учетом нравственного критерия справедливости.

Если обратиться к сравнительному правоведению, то, с нашей точки зрения, заслуживает внимания исследование Кристофера Олому Осаке, посвященное обязательствам вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве. По свидетельству данного автора, обязательства из неосновательного обогащения в англо-американском праве с 1966 года по призыву двух известных английских профессоров, а именно, Лорда Гоффа и Гарета Джонса, стали называться обязательствами реституционными. Однако у института, подчеркнул исследователь, есть и более глубокие корни, берущие начало с 1760 г. Именно тогда легендарный английский судья Лорд Мансфилд по делу Мозес против Макферланда заявил, что право неосновательного обогащения берет свое начало из естественного права и права справедливости. И сегодня, спустя века, прошедшие с момента вынесения этого известного решения, констатирует К. Осаке, суды руководствуются моральным основанием реституционного обязательства, коим выступает справедливость. Именно справедливость или совесть с точки зрения англо-американской теории неосновательного обогащения, не позволяет оставить приобретенное имущество или иную экономическую ценность у неосновательного приобретателя без возмещения ее рыночной стоимости [5, с. 82]. Данную идею поддерживает и У. Свейн в своей работе, посвященной неосновательному обогащению и его роли в истории права Англии и Австралии. Он приводит веские доводы в пользу того, что отцом-основателем неосновательного обогащения в США является Джеймс Барри Эймс. Именно перу этого исследователя принадлежит общий вывод о том, что одно лицо часто связано теми же узами справедливости и равноправия, чтобы заплатить за неправомерное обогащение, полученное за счет другого [13, с. 1049].

Современная судебная практика, как свидетельствует исследование Ричарда Дж. Лонга и Эндрю Авалона, достойно продолжает традиции, заложенные еще в 18 веке. Авторы приводят в пример иск, который был предъявлен подрядчиком к городу в связи с произведенным им ремонтом улицы. Подрядчик не знал, что город, формально принявший предложение о производстве работ, не смог должным образом объявить о торгах и, соответственно, не выполнил все необходимые для данного случая требования закона. В результате подрядчик получил только один частичный платеж за выполненную работу, а все остальные его требования были городом отклонены со ссылкой на несоблюдение надлежащей процедуры проведения городских торгов. Подрядчик предъявил иск о полной оплате выполненных работ в суд. Рассмотрев данное дело, суд установил, что подрядчик не знал о невыполненных городом требованиях закона штата о проведении торгов, считая, что заключенный контракт является действительным. Подрядчик не был виноват и не участвовал в неправомерных действиях города. Суд также подтвердил, что подрядчик имел право на получение полной суммы произведенных работ в соответствии с теорией неосновательного обогащения, суть которой состоит в запрете получать прибыль или несправедливо обогащаться за счет другого. Таким образом, подчеркивают Р. Лонг и Э. Авалон, суд восстановил имущественную сферу подрядчика до справедливого и равноправного состояния, устранив дисбаланс и обеспечив возврат к справедливости [11, с. 9].

Не могут не привлекать сегодня внимание российской науки исследования цивилистов, представляющих государства арабского мира. Так, предметом нашего изучения стало исследование ученых из Иордании (юридический факультет Амманского университета) Сахиба Аль-Фатлави и Дерара аль-Дабуби, посвященное положениям о неосновательном обогащении в иорданском гражданском праве. Авторы предпринимают попытку определить место ГК Иордании в системе иных кодифицированных гражданских законов, принятых в странах арабского мира. Уникальность данного нормативного акта исследователи видят в том числе во влиянии, которое было оказано на содержание его норм философским учением Абд ар-Раззака ас-Санхури, основанным исключительно на справедливости [12, с. 13–14]. Интересно, что о справедливости, как требовании, основанном на равенстве и пропорциональности между отдачей и получением, говорится и в пояснительной записке

к ГК Иордании. Отсюда вытекает, по признанию авторов, и частный вывод, заключающийся в роли требования справедливости как законного средства восстановления прав в случаях незаконного обогащения.

Наконец, нельзя не обратить внимание на теорию двух исков, выдвинутую профессором Манчестерского университета Ф. Жилио. По его мнению, обогащение может быть незаконным и требовать своего возмещения в том числе при наличии законного основания. В этом случае основанием для удовлетворения иска потерпевшего может являться исключительно требование справедливости. С учетом действия принципа добросовестности в обязательственном праве автор формулирует более широкое понятие неосновательного обогащения, которое характеризуется получением выгоды без встречного удовлетворения, хотя бы и при наличии формального законного основания. Ученый говорит о том, что концепция права неосновательного обогащения в странах мира находится в стадии активного развития и в перспективе даст возможность участникам гражданских правоотношений предъявлять не только кондикционные, но и версионные иски, основывающиеся на требовании справедливости [10, с. 480].

Эпиграфом к статье были избраны слова из нового романа Делии Оуэнс, ставшим бестселлером, далеко не случайно. Его героиня, оказавшись с малых лет одна, брошенная семьей в болотах Северной Каролины, стала известным исследователем – биологом и обрела семейное счастье только благодаря нравственным принципам, которые сумела в себе воспитать вопреки и назло всем испытаниям и невзгодам. Так требование справедливости помогает, по сути, всегда и всем, в том числе является, как показано в публикации, необходимым критерием как для совершенствования норм института неосновательного обогащения, так и для их адекватного судебного применения.

Список использованной литературы:

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1946.
2. Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону. *Ученые записки*. 1947;(V):40–57.
3. Гербутов В.С. Эволюция обогащения. К учению об обогащении по российскому праву. *Вестник гражданского права*. 2012;12(2):36–60.
4. Ерохова М.А. Зачем на русский язык переведена статья профессора Манчестерского университета Ф. Жилио о «несправедливом» и «неосновательном» обогащении? *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2016;(12):154–189.
5. Осаке К. Обязательства вследствие неосновательного обогащения в англо-американском праве: основополагающие принципы и правовая политика. *Журнал российского права*. 2005;(7):77–95.
6. Перегудова Д.А. Институт неосновательного обогащения в России и зарубежных странах (теоретико-правовой анализ). *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2018;(3(46)):72–77. DOI: 10.25724/VAMVD.CRST.
7. Перегудова Д.А. Отношения, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и их классификация. *Legal Concept*. 2019;(4):126–130.
8. Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве. *Ученые записки*. 1949;(144):85–106.
9. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. Москва, 1951.
10. Giglio F.A. Systematic Approach to "Unjust" and "Unjustified" Enrichment. *Oxford Journal of Legal*

References:

1. Agarkov M.M. [Obligation under Soviet civil law]. M., 1946. (In Russ.)]
2. Genkin D.M. [Invalidity of transactions made for a purpose contrary to the law]. *Uchenye zapiski = Scientific notes*. 1947;(V):40–57. (In Russ.)]
3. Gerbutov V.S. [The evolution of enrichment. To the doctrine of enrichment under Russian law]. *Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*. 2012;12(2):36–60. (In Russ.)]
4. Erokhova M.A. [Why is the article of Professor F. F. of Manchester University translated into Russian? Zhilo about "unfair" and "unjustified" enrichment?] *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2016;(12):154–189. (In Russ.)]
5. Osakve K. [Obligations resulting from unjustified enrichment in Anglo-American law: fundamental principles and legal policy]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2005;(7):77–95. (In Russ.)]
6. Peregudova D.A. [Institute of Unjustified Enrichment in Russia and Foreign Countries (theoretical and legal analysis)]. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(3(46)):72–77. DOI: 10.25724/VAMVD.CRST. (In Russ.)]
7. Peregudova D.A. [Relations arising from unjustified enrichment and their classification]. *Legal Concept = Legal Concept*. 2019;(4):126–130. (In Russ.)]
8. Ryasentsev V.A. [Obligations from the so-called unjustified enrichment in Soviet civil law]. *Uchenye zapiski = Scientific notes*. 1949;(144):85–106. (In Russ.)]
9. Fleishits E.A. [Obligations from causing harm and unjustified enrichment]. Moscow, 1951. (In Russ.)]
10. Giglio F.A. Systematic Approach to "Unjust" and "Unjustified" Enrichment. *Oxford Journal of Legal*

Studies. 2003;23(3):455–482.

11. Richard J. Long, Andrew Avalon. The Doctrine of Unjust Enrichment. *Long International*. 2023:1–10.

12. Sahib al-Fatlawi, Derar al-Daboubi. Legal Features of the Provisions of Unjust Enrichment in Jordanian Civil Law and Comparative Law. *Arab Law Quarterly*. 2021;(35):1–14.

13. Swain Warren. Unjust Enrichment and the Role of Legal History in England and Australia. *University of New South Wales Law Journal*. 2013;36(3):1030–1052.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щенникова Лариса Владимировна

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1972-2287>

ResearcherID: H-3447-2016

Studies. 2003;23(3):455–482.

11. Richard J. Long, Andrew Avalon. The Doctrine of Unjust Enrichment. *Long International*. 2023:1–10.

12. Sahib al-Fatlawi, Derar al-Daboubi. Legal Features of the Provisions of Unjust Enrichment in Jordanian Civil Law and Comparative Law. *Arab Law Quarterly*. 2021;(35):1–14.

13. Swain Warren. Unjust Enrichment and the Role of Legal History in England and Australia. *University of New South Wales Law Journal*. 2013;36(3):1030–1052.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa V. Schennikova

Dr. of Sci. (Law), Professor, Head Department of Civil Law FGBOU VO "Kuban State University", Honoured Lawyer of Kuban, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1972-2287>

ResearcherID: H-3447-2016

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-72-84>

РАЗУМНАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ОКОНЧАНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Гладышева О.В.*, Семенцов В.А., Цыпина А.В.
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Гладышева О.В., Семенцов В.А., Цыпина А.В. Разумная длительность ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):72–84. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-72-84>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Гладышева Ольга Владимировна*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы по договору от 13 марта 2023 года № 23/34, заключенному между ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и Адвокатской палатой Краснодарского края

Статья поступила в редакцию: 08.06.2023

Статья принята к печати: 10.07.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: В уголовном судопроизводстве обеспечение доступа к материалам уголовного дела позволяет получать информацию, необходимую участникам для выстраивания своего процессуального поведения. Доступ к информации облечен в специальную процессуальную форму, имеющую два основных варианта: в процессе досудебного производства и после его окончания. Наиболее существенное значение имеет ознакомление с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия. Но именно этот этап вызывает больше всего вопросов в науке уголовного процесса, сопровождается наибольшими проблемами и трудностями в правоприменении.

Самые острые дискуссии ведутся вокруг сроков ознакомления. Законодатель не ограничил участников в сроке ознакомления и только в случаях явного затягивания такой срок может быть установлен судом по ходатайству следователя.

Отсутствие конкретной длительности срока, наличие оценочного понятия «явное затягивание», значимость самого ознакомления и его результатов для выполнения назначения уголовного судопроизводства, потребовало углубленных научных разработок, результаты которых существенно отличаются в силу разнообразия используемых подходов и избираемых методов.

Цель настоящего исследования – предложения по определению оптимальной длительности процессуального срока ознакомления с материалами уголовного дела при окончании предварительного следствия, полученных на основании анализа предписаний УПК РФ и практики их применения, с использованием методов математической юрислингвистики.

Задачи исследования: теоретический анализ срока ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия; обобщение проблем теоретического и практического

характера в сфере определения длительности процессуального срока; выдвижение гипотезы о возможности применения методов математической юрислингвистики для решения проблемы определения длительности срока; фактическое применение метода юридического эксперимента для расчета длительности срока ознакомления; оценка результатов полученных математических результатов с позиции назначения уголовного судопроизводства.

Методы исследования: диалектический, математический, лингвистический, аналитический, моделирование, гипотетический.

Результаты: результатом проведенного исследования стали авторские разработки определения оптимальной длительности срока ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия.

Ключевые слова: уголовное дело, предварительное следствие, окончание, ознакомление, сроки, оптимизация.

REASONABLE DURATION OF FAMILIARIZATION WITH THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE AT THE END OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Olga V. Gladysheva*, Vladimir A. Sementsov, Alla V. Tsypina

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Gladysheva O.V., Sementsov V.A., Tsypina A.V. Reasonable duration of familiarization with the materials of the criminal case at the end of the preliminary investigation. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):72–84. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-72-84>

CONTACT INFORMATION:

Olga V. Gladysheva*, Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure FGBOU VO "Kuban State University"

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (861) 268-59-64

E-mail: volkolup@yandex.ru

Conflict of interest. The authors declare that they have no conflicts of interest.

Financing. The study was carried out within the framework of research work under the contract dated March 13, 2023, No. 23/34, concluded between the FGBOU VO "Kuban State University" and the Krasnodar Territory Chamber of Advocates

The article was submitted to the editorial office: 08.06.2023

The article has been accepted for publication: 10.07.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: In criminal proceedings, providing access to the materials of a criminal case allows you to obtain the information necessary for participants to build their procedural behavior. Access to information is clothed in a special procedural form, which has two main options: during pre-trial proceedings and after its completion. Familiarization with the materials of the criminal case at the end of the preliminary investigation is of the most significant importance. But it is this stage that raises the most questions in the science of criminal procedure, accompanied by the greatest problems and difficulties in law enforcement.

The most acute discussions are conducted around the timing of familiarization. The legislator did not limit the participants in the period of familiarization and only in cases of obvious delay, such a period can be set by the court at the request of the investigator.

The absence of a specific duration of the term, the presence of an evaluative concept of "obvious delay", the significance of the familiarization itself and its re-sults for the purpose of criminal proceedings required in-depth scientific research, the results of which differ significantly due to the variety of approaches used and the methods chosen.

The purpose of this study is proposals for determining the optimal duration of the procedural period for familiarization with the materials of a criminal case at the end of the preliminary investigation, obtained on the basis of an analysis of the prescriptions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the practice of their application, using methods of mathematical legal linguistics.

Research objectives: theoretical analysis of the period of familiarization with the materials of the criminal case at the end of pre-trial proceedings; generalization of theoretical and practical problems in the field of determining the duration of the procedural term; hypothesizing the possibility of using methods of mathematical legal linguistics to solve the problem of determining the duration of the term; actual application of the method of legal experiment to calculate the duration of the familiarization period; evaluation of the results obtained mathematical results from the point of view of the appointment of criminal proceedings.

Research methods: dialectical, mathematical, linguistic, analytical, modeling, hypothetical.

Results: the result of the study was the author's development of determining the optimal duration of the period of familiarization with the materials of the criminal case at the end of the pre-trial proceedings.

Keywords: criminal case, preliminary investigation, investigation, familiarization, deadlines, optimization.

Введение

Одной из актуальных проблем современного отечественного уголовного судопроизводства выступает правильное определение длительности сроков, сопровождающих уголовное судопроизводство на всем его протяжении [6]. Длительность сроков традиционно определяется исходя из различных критериев: четко указанная длительность процессуальной деятельности в часах, сутках, месяцах (ч. 1 ст. 128 УПК РФ); период осуществления в рамках таких формулировок закона как «от и до», «до...», «в течение...», «не позднее...» и др.; неопределенная длительность сроков, сопровождаемая оценочными формулировками: «немедленно», «незамедлительно», «в кратчайший» и др. В науке имеются многочисленные иные классификации¹ сроков.

Сроки имеют большое значение и в гражданском [8, с. 10; 14], в публично-правовых отраслях [9] и, в целом, применяются для регулирования правоотношений, когда большое значение имеет не только содержание действий и решений, но и быстрота их совершения. Существенно активизировался процесс исследования процессуальных сроков с введением такой категории как их «разумность» [10; 12].

Активно исследуются вопросы, связанные с отдельными сроками в уголовном судопроизводстве. И в этом отношении в числе лидеров по числу проведенных научных исследований служат сроки ознакомления с материалами уголовного дела по окончании досудебного производства [5; 7].

В правоприменительной практике широкое распространение получило понятие «явное затягивание ознакомления», которое рассматривается как основание для принятия процессуальных решений об установлении конкретной длительности ознакомления, хотя по общему правилу уголовно-процессуальный закон не ограничивает заинтересованных лиц, их представителей и защитников в сроках ознакомления. При этом выдвигаются различные предложения о порядке деятельности в случае явного затягивания срока ознакомления, но при этом обходится вниманием вопрос о сущности того, что следует рассматривать как явное затягивание [16]. Чаще всего ученые обращаются к проблеме затягивания сроков в свете другой, более глобальной проблемы – злоупотребление правом на ознакомление. Причем в этой части большинство претензий выдвигается именно к стороне защиты, которая, используя законодательную неограниченность (а значит и неопределенность) сроков ознакомления, затягивает процесс завершения предварительного расследования из своих тактических замыслов [4; 15].

В научных дискуссиях неоднократно обсуждались критерии явного затягивания ознакомления с материалами уголовного дела, выдвигались различного рода предложения по оптимизации процедуры. При этом обычно используются методики, основанные, как правило, на умозрительных факторах, совокупность которых избирается достаточно произвольно.

¹ Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 3-изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. С. 310–312; Стуконог И.В. Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению соблюдения сроков в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

Методы исследования

Методы исследования применялись в комплексе. Диалектический метод позволил обосновать объективность возникшей проблемы определения оптимальной длительности сроков в свете сложившегося противоречия между необходимостью обеспечить своевременность получения результатов уголовного судопроизводства и неограниченностью срока ознакомления с материалами уголовного дела на одном из его этапов. В совокупности с лингвистическим и аналитическим методами были определены критерии для расчета оптимальной длительности срока и возможные направления для применения математического метода. Затем с применением критериев, заложенных в основу определения разумной длительности сроков ознакомления, смоделированы расчеты длительности применительно к этапу окончания досудебного производства на примере ознакомления обвиняемого и его защитника.

Полученные результаты с применением гипотетического метода стали основой для формулирования предложений о законодательном совершенствовании регулирования отношений на этапе ознакомления с материалами уголовного дела при окончании досудебного производства.

Результаты исследования

1. Методом математической юрислингвистики была рассчитана оптимальная длительность срока ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия и в последующем обоснована ее правовая корректность для применения адвокатом-защитником и его доверителем. При этом продолжительность времени, необходимого для ознакомления с материалами уголовного дела должна соответствовать критерию разумности.

2. Разумная длительность времени, необходимая и достаточная для ознакомления адвоката-защитника и его доверителя с материалами уголовного дела, рассчитывается с учетом современных достижений математической лингвистики, имеющихся компьютерных программ, объективных поправок на полнотекстовость документов, их объем, сложность и особую сложность. В результате усредненные временные показатели длительности ознакомления с одним томом «простого» уголовного дела объемом 250 страниц составляет 08 часов 39 минут.

Предлагаемая продолжительность ознакомления может иметь поправочные понижающие, либо повышающие коэффициенты.

Понижающий коэффициент 0,75 применяется, если в материалах уголовного дела имеется не менее одной четверти не полнотекстовых документов и тогда время ознакомления с одним томом будет составлять уже 06 часов 30 минут (простое дело). Если объем не полнотекстовых материалов составляет не менее половины всего дела, то применяется понижающий коэффициент 0,5 и время ознакомления с одним томом будет составлять 04 часа 20 минут (простое дело).

Указанные понижающие коэффициенты применимы, при наличии не полнотекстовых документов, к сложному и особо сложному уголовному делу. Для сложного дела с понижающим коэффициентом 0,75 время ознакомления с одним томом будет составлять 08 часов 07 минут, а с понижающим коэффициентом 0,5—05 часов 25 минут. Соответственно для особо сложного дела при понижающем коэффициенте 0,75 время ознакомления составит 09 часов 45 минут, а при понижающем коэффициенте 0,5—06 часов 30 минут.

Применение повышающего коэффициента 1,25 связано с оценкой уголовного дела как сложного, когда продолжительность ознакомления с одним томом возрастает до 10 часов 50 минут, а коэффициент 1,5 применяется по делу особой сложности, с возрастанием времени ознакомления до 13 часов.

Предлагаемая продолжительность, необходимая и достаточная для ознакомления адвоката-защитника и его доверителя с 1 томом уголовного дела, с применением поправочных понижающих и повышающих коэффициентов, может быть представлена в виде таблицы:

№ п/п	Категория уголовного дела и коэффициент его сложности	Общий разумный срок ознакомления	Разумный срок ознакомления, с понижающим коэффициентом 0,75	Разумный срок ознакомления, с понижающим коэффициентом 0,5
1.	Простое (1)	08 часов 39 минут	06 часов 30 минут	04 часа 20 минут
2.	Сложное (повышающий коэффициент 1,25)	10 часов 50 минут	08 часов 07 минут	05 часов 25 минут
3.	Особо сложное (повышающий коэффициент 1,5)	13 часов	09 часов 45 минут	06 часов 30 минут

3. Усредненные показатели позволяют в определенной степени формализовать определение разумной длительности периода времени, необходимого и достаточного для ознакомительной деятельности адвоката-защитника и его доверителя с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия.

4. Утверждается, что ознакомление с материалами уголовного дела в выходные и праздничные дни, вечернее и ночное время – это право, а не обязанность защитника. Занятость адвоката в выполнении иных поручений, в случаях, не терпящих отлагательства, не может служить уважительной причиной увеличения продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела.

Научная дискуссия

Вопрос о разумном периоде времени, необходимом и достаточном для ознакомления адвоката-защитника и его доверителя с материалами уголовного дела, один из самых сложных и одновременно актуальных в науке уголовного процесса.

По общему правилу право ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела не может быть ограничено во времени. Обычно неограниченность во времени ознакомления с материалами уголовного дела воспринимается как злоупотребление правом, как стремление «дотянуть» до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности обвиняемого, вынудить следователя изменить или отменить меру пресечения в виде содержания под стражей, либо попытаться убедить его пойти на определенные уступки. Для предотвращения такого рода последствий следователь вправе обратиться в суд с ходатайством об установлении определенного срока для ознакомления с материалами уголовного дела, если установит факт явного затягивания ознакомления с материалами уголовного дела (ч. 3 ст. 217 УПК РФ).

Но злоупотребление правом присутствует и со стороны обвинения, когда следователь обращается к суду для определения сроков ознакомления, имея в виду ограничение прав стороны защиты на ознакомление с материалами уголовного дела, и создание трудностей в выработке позиции защиты по уголовному делу.

Очевидно, что в ситуации, когда нарушение может иметь обоюдный характер, именно суд становится единственным субъектом, способным принять объективное решение и установить удовлетворяющий обе стороны срок для ознакомления. Однако в отсутствие указанных критериев расчета длительности сроков суд принимает решение, основываясь на собственных, порой субъективных представлениях о разумности сроков.

В целом, сложившаяся ситуация представляется весьма серьезной, граничащей с произволом со стороны властных субъектов и одновременно бесконтрольностью за действиями заинтересованных лиц, их представителей и защитников. Считаем, что необходимость и достаточность времени для надлежащего ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела должна определяться с учетом базовых и научно обоснованных критериев ознакомления, в числе которых сегодня называют лингвистические, юридические (уголовно-процессуальные) аспекты, профессиональные качества субъектов, особые признаки уголовного дела (его объем, категория квалификации предъявленного обвинения, количество обвиняемых и инкриминируемых деяний, наличие результатов применения технических средств, цифровых технологий и др.).

В разъяснениях адвокатских палат субъектов федерации отмечается минимальная продолжительность времени ознакомления с материалами уголовного дела и рекомендуется руководствоваться следующими правилами для определения продолжительности времени ознакомления:

1) не менее двух дней, на изучение одного тома уголовного дела, материалы которого не составляют особой сложности;

2) не менее трех дней на изучение одного тома уголовного дела (либо отдельных томов) при наличии одного или нескольких дополнительных факторов, в том числе: если по уголовному делу проходят три и более обвиняемых; если обвинение включает три и более состава преступления; обвиняемый – несовершеннолетний; и некоторые другие¹.

¹ Об утверждении разъяснений «О минимальной продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела»: Решение Совета Адвокатской палаты Владимирской области от 29 мая 2020 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Эти рекомендации полезны тем, что позволяют выявить значимые для адвокатского сообщества критерии, которые, по мнению адвокатов, влияют на продолжительность ознакомления с материалами уголовного дела. Однако объективность влияния отдельных критериев на длительность ознакомления представляется сомнительной (несовершеннолетие обвиняемого, наличие сведений, отнесенных к государственной либо иной охраняемой законом тайне и др.). В уголовных делах зачастую имеются сведения, затрагивающие частную жизнь, медицинские диагнозы, что охраняется законом в специальном порядке. Соответственно в таком ракурсе любое уголовное дело можно отнести к категории с удлиненным сроком ознакомления. В то же время в приведенном перечне критериев отсутствует тяжесть предъявленного обвинения, хотя отмечается подсудность уголовного дела Верховному Суду или суду присяжных. Остается неясным, имеет ли значение эта подсудность *argiōi* или только в случае реальной передачи уголовного дела, например, на рассмотрение суда с участием присяжных заседателей, что, как известно, зависит от усмотрения обвиняемого.

Как представляется, данный в разъяснениях адвокатских палат перечень правил определения продолжительности времени ознакомления служит ориентиром для адвокатов, но не может выступать единственным мерилom выстраивания алгоритма расчета продолжительности срока ознакомления заинтересованных участников с материалами уголовного дела, поскольку эти правила не подкреплены их научным обоснованием и не подтверждаются на практике.

Для решения основной задачи нашего исследования – расчета длительности срока ознакомления, сформулируем несколько исходных тезисов.

1. Уголовные дела отличаются исключительным разнообразием содержания и характеризующих их признаков, в числе которых особенно часто указываются объем и сложность. При этом объем определяется, исходя из количества томов уголовного дела. Сложность обусловлена наличием и количеством соучастников, числом потерпевших, эпизодов преступной деятельности, характеристиками состава преступления, наличием в материалах дела сложных для уяснения процессуальных документов (заключений экспертов по экономическим преступлениям и др.).

О правовой и фактической сложности материалов проверки сообщения о преступлении или уголовного дела упоминается в ч. 3, 3.1 и 3.3 ст. 6.1 УПК РФ, в ч. 2 ст. 109, ч. 5 ст. 162 УПК РФ, где используется словосочетание «особая сложность уголовного дела», в ч. 8 ст. 109 УПК РФ – «правовая и фактическая сложность материалов уголовного дела», в ч. 1 ст. 163, ч. 1.1 ст. 221, ч. 1 ст. 223.2 УПК РФ идет речь «о сложности или большом объеме уголовного дела», а в ч. 18 ст. 328 УПК РФ – о «характере и сложности уголовного дела».

Наличие указанных законодательных предписаний вызывает необходимость определения усредненных критериев сложности уголовного дела, не отрицая, конечно, наличия индивидуальных особенностей конкретного дела. В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2020 г. указано, что понятие «особая сложность уголовного дела» как и всякое иное оценочное понятие, наполняется содержанием в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела¹. По мнению О.Я. Баева, при всей несомненной значимости оценки правовой сложности уголовного дела, она, чаще всего, в некотором роде – вторична, первична именно фактическая сложность дела [1, с. 71].

Поэтому сделаем акцент именно на фактической сложности уголовного дела. И здесь будет полезно обратиться к опыту арбитражного судопроизводства, где имеется деление всех дел на три категории: особо сложные, сложные и менее сложные, с применением при определении фактической сложности дела поправочных коэффициентов².

В числе критериев для определения продолжительности ознакомления, изложенных в Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01 июля 2014 г. № 167, использование которых мы считаем возможным и в рамках уголовного судопроизводства, отметим следующие: 1) участие в деле 3–4 лиц, имеющих право на ознакомление с материалами, поправочный коэффициент составляет 1, 2, а если таких участников по делу свыше 4, то подлежит применению

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нахлупина Виталия Германовича на нарушение его конституционных прав положениями частей второй и третьей статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2020 № 1045-О // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.2014 № 167 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

поправочный коэффициент 1,5 (п. 35); 2) при использовании в деле норм иностранного права или рассмотрении дела с участием иностранных лиц применяется поправочный коэффициент 1,5 (п. 37); 3) при больших объемах письменных доказательств устанавливается поправочный коэффициент 1,2, если количество томов в деле от 5 до 10, а если в деле 11 томов и более, применяется повышающий коэффициент 1,5 (п. 43)¹.

2. Субъективные признаки участников: возраст, уровень образования, профессиональный опыт, наличие или отсутствие специфических качеств (уровень владения языком судопроизводства, наличие психических расстройств или соматических заболеваний и их степень, психические свойства личности, как например, темперамент, способности и др.). Как видим, субъективные качества столь же разнообразны, как и характеристики уголовных дел.

При таких условиях считаем, что единственно возможным подходом для решения поставленной задачи является отбор тех характеристик, которые имеют наибольшую степень объективности и способны оказывать непосредственное влияние на длительность ознакомления. В этом случае речь идет об установлении не конкретного срока для ознакомления с материалами уголовного дела, а его усредненных минимально возможных показателей, его минимально возможной разумной границе.

Соответственно менее краткий срок возможен при сложившейся по уголовному делу в индивидуальном порядке благоприятной ситуации. Более продолжительный срок ознакомления наиболее вероятен, с учетом фактического наличия дополнительных факторов, удлиняющих срок ознакомления, объективного и субъективного характера, учет которых производится в индивидуальном порядке.

Для расчета разумной длительности периода времени, необходимого и достаточного для ознакомления адвоката-защитника и его доверителя с материалами уголовного дела, предлагаем исходить из следующих, наиболее поддающихся формализации, критериев:

1. *Объем дела* составляет один том, включающий 250 листов (пункт 5.6.1 приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 19 марта 2019 г. № 56 (ред. от 14 июня 2022 г.)², материалы которого не составляют особой сложности (простое дело).

Основываясь на том, что максимальное количество листов уголовного дела, подшиваемых в один том, не должно превышать 250 листов, остается определить: какой период времени объективно необходим и достаточен защитнику и его доверителю для ознакомления с ним, с последующим использованием полученного усредненного результата к конкретному делу?

2. *Формат ознакомления*. Напомним, что получение информации при ознакомлении с материалами дела в современных условиях возможно: *во-первых*, путем чтения, переписывания, изготовления выписок; *во-вторых*, при осмотре (просмотре) видеозаписи или прослушивании аудиозаписи, результатов применения других технических средств; *в-третьих*, за счет использования цифровых технологий и технических средств.

Относительно использования технических средств фиксации при ознакомлении с материалами дела приведем несколько *аргументов* против этот способа:

- он не всегда удобен или возможен (например, запрет на фотосъемку документов, предметов, содержащих сведения, отнесенные к государственной тайне), и дает частичный эффект, когда фотографируются только отдельные материалы;

- сфотографированные вещественные доказательства не позволяют оценить всю информативную ценность источника фактических данных; более того, существует вероятность погрешности, и поэтому применять технические средства при ознакомлении с вещественными доказательствами чаще всего бесполезно, иногда – процессуально опасно (возможны ошибки в оценке), поэтому необходим непосредственный визуальный контакт с объектом;

- копирование аудио-, видеозаписей требует соответствующего их объема времени.

¹ Нормы нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов // Бюллетень Министерства труда РФ. 1996. № 8.

² Об утверждении Инструкции о порядке организации комплектования, хранения, учета и использования документов (электронных документов) в архивах федеральных судов общей юрисдикции: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 19.03.2019 № 56 (ред. от 14.06.2022) // Бюллетень актов по судебной системе. 2019. № 5, 6.

И *главный аргумент*, противоречащий тезису о преимуществах использования технических средств при ознакомлении с материалами уголовного дела, перед непосредственным ознакомлением, состоит в следующем.

Как известно, схема ознакомления с применением технических средств выглядит следующим образом:

- предъявление материалов для ознакомления;
- фотографирование (условно говоря) письменных и иных материалов, иное копирование документов и объектов, предъявленных для ознакомления;
- чтение, в том числе прослушивание и просмотр аудио-, видеозаписей, имеющихся при материалах уголовного дела¹, изучение материалов, их анализ, составление ходатайств и иных заявлений;
- представление ходатайств следователю либо отказ от их заявления;
- окончание ознакомления.

Обратим внимание на тот факт, что чтение и изучение этих материалов становится *третьим* этапом в схеме ознакомления, тогда как отказ от применения технических средств устраняет из приведенной схемы соответствующий этап и тем самым *сокращает продолжительность процедуры ознакомления*, причем возможно, существенно.

Есть идея оцифровывать материалы уголовного дела и передавать их в цифровом формате заинтересованным лицам. Н.А. Колоколов по этому поводу пишет: «трансформируем сложную работу следователя по ознакомлению обвиняемого с материалами уголовного дела» в простую и формальную передачу ему электронной копии документов. Технические проблем чтения таких копий нет. ...Вместо протокола «Об ознакомлении с материалами уголовного дела» к таковому подшивается расписка о том, что таковые копии участнику процесса вручены. ...Далее следователь устанавливает срок, в течение которого обвиняемый, его защитник вправе высказать свои соображения относительно полноты и всесторонности расследования, желание присовокупить к данным высказываниям свои ходатайства о необходимости производства дополнительных следственных действий» [13, с. 4].

Такого рода предложение представляется рациональными, но только в части, поскольку не устраняет проблему определения сроков, которые следователь будет определять для подготовки ходатайств стороной защиты.

В результате приходим к заключению о том, что при ознакомлении основное место занимает получение информации:

- непосредственно из материалов уголовного дела путем их прочтения, осмотра вещественных доказательств, иных объектов;
- изготовления с помощью технических средств копий материалов и их последующего прочтения.

Чтение материалов уголовного дела – это процедура работы с печатным (письменным) текстом, направленная на извлечение из него информации. Под видами чтения принято понимать набор операций, обусловленных целью чтения и характеризующихся «специфическим сочетанием приемов смысловой и перцептивной переработки материала, воспринимаемого зрительно». Выделяют следующие виды чтения: поисковое, просмотровое, ознакомительное и углубленное.

Очевидно, что юридический текст отличается своей спецификой, которая будет проявляться на каждом уровне языковой иерархической системы – на морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом, а материалы уголовного дела представляют собой сложную

¹ Приведем пример из следственной практики, иллюстрирующий необходимость учета времени, связанного с длительностью имеющихся при уголовном деле аудио-, видеозаписей: «Из пояснений в судебном заседании суда апелляционной инстанции следователя Б. – члена следственной группы при расследовании уголовного дела в отношении (ФИО) следует, что в качестве вещественных доказательств к материалам дела приобщены 4 диска с записями оперативно-розыскных мероприятий, флэш-карта с записями, предоставленная потерпевшим, детализация телефонных соединений на электронных носителях, денежные средства в сумме ... рублей и муляжи денежных средств на сумму ... рублей. Общая продолжительность приобщенных к делу аудиозаписей составляет около 07 часов. Однако все аудиозаписи и детализация телефонных соединений перенесены на бумажные носители, которые находятся в материалах уголовного дела» (Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 13.11.2020 по делу № 22–2276/2020 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

архитектуру, поскольку это целостная совокупность всех документов и доказательств, собранных по делу: протоколы следственных действий, постановления, заключения эксперта и специалиста, а также иные документы. Разумеется, для работы в юридическом текстовом пространстве необходимо углубленное чтение, т. е. предельно внимательное, цель которого – постижение смысла текста через понимание значимости внешней формы выражения этого смысла.

Прочтение текста напрямую связано с читабельностью текста. Читабельность (удобочитаемость) – мера доступности для понимания текста, определяемая анализом ряда факторов, включая синтаксическую и лексическую сложность, логичность и структурированность излагаемого материала.

Понятие читабельности текста неразрывно связано со сложностью и трудностью текста, может определяться как технической стороной (рукописный, неразборчивый текст), так и содержательной (сложный для восприятия, насыщенный специальной терминологией). Нельзя отрицать, что читабельность, сложность и трудность текста являются факторами, влияющими на скорость чтения и последующий анализ информации.

Продолжительность молчаливого чтения на русском языке равна, как считают педагоги и психологи, примерно 200–300 словам в минуту [3], хотя обычная скорость продуктивного чтения на русском языке у взрослого человека составляет в среднем 120 слов в минуту (*два слова в секунду*) [2, с. 11].

Для выведения среднего временного периода, который потребуется для чтения материалов уголовного дела, необходимо воспользоваться некоторыми методами математической лингвистики, с использованием исходных (усредненных) данных:

- один том уголовного дела, согласно требованиям делопроизводства, составляет в среднем 250 страниц формата А4 (210x297 мм);
- одна страница формата А4 машинописного текста, набранная шрифтом Times New Roman 14 кегель с полуторным междустрочным интервалом включает в себя в среднем 250 слов¹;
- обычная скорость чтения на русском языке у взрослого человека составляет в среднем 120 слов в минуту (*два слова в секунду*).

Взяв за основу объективные показатели: время, потраченное на чтение одной страницы уголовного дела и количество страниц в одном томе, можно «вывести» *две формулы* расчета времени для его прочтения.

Первая формула предусматривает расчет времени на прочтение одной страницы уголовного дела: $T=A:B$, где T – время, потраченное на чтение одной страницы уголовного тома; A – количество слов на одной странице (в среднем 250 слов, если это полнотекстовый документ); B – количество слов в секунду (*два*). Все неизвестные показатели заменяем на конкретные цифры: $T=250:2$ и получаем итог: $T=125$ секунд (*две минуты пять секунд*).

Вторая формула – о длительности времени прочтения уголовного дела, может представлена так: $Y=250 \times T$, где Y – это время прочтения одного тома уголовного дела; T – время чтения одной страницы. Опять же неизвестные показатели заменяем на конкретные цифры: $Y=250 \times 125$ (секунды) и получаем в итоге, что $Y=520$ минут или точнее – *08 часов 39 минут 06 секунд*.

Итоговые результаты расчетов времени по первой и второй формулам для удобства применения округляем до следующих показателей:

$T=$ *две минуты*;

$Y=$ *08 часов 39 минут*.

Указанные расчеты времени прочтения материалов уголовного дела не учитывают два обстоятельства: 1) полнотекстовость документов дела; 2) фактическую сложность дела.

По *первому* из указанных обстоятельств (полнотекстовость) отметим, что материалы уголовного дела включают не только процессуальные документы (протоколы, постановления и др.), но и иные документы (различного рода справки, характеристики, ходатайства, жалобы, расписки, повестки, сообщения организаций, приказы, распоряжения, указания, рапорты, переписка, бухгалтерская документация и др.). Общее между всеми иными документами состоит в том, что они содержат относящиеся к уголовному делу сведения, например, характеризующие обвиняемого – требование о наличии судимости, характеристика с места жительства или работы, справка из наркологического или психиатрического диспансера.

¹ Среднее количество слов на странице // Dudom. 2020. 14 апреля.

Причем как процессуальные документы, так и иные документы не всегда содержат полнотекстовые (250 слов на странице текста) материалы на каждой странице уголовного дела, что вызывает необходимость применения понижающего коэффициента 0,75, когда объем не полнотекстовых материалов составляет не менее одной четверти и 0,5 – если объем не полнотекстовых материалов составляет не менее половины всего дела.

Если в материалах уголовного дела имеется не менее одной четверти не полнотекстовых документов, то с применением понижающего коэффициента 0,75 время ознакомления с одним томом будет составлять 390 минут или *06 часов 30 минут*, а с применением коэффициента 0,5 – 260 минут или *04 часа 20 минут* (округленно).

Что касается *второго* обстоятельства (фактической сложности уголовного дела), то представляется возможным обратиться к опыту арбитражного судопроизводства, где имеется деление всех дел на три категории: особо сложные, сложные и менее сложные, с применением при определении фактической сложности дела поправочных коэффициентов¹. В Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01 июля 2014 г. определены критерии продолжительности ознакомления с делом, с учетом его сложности, использование которых считаем возможным в рамках уголовного судопроизводства: от числа участвующих в деле лиц, имеющих право на ознакомление с материалами, и до количества томов в деле².

В приложении 4 «Поправочный коэффициент к нормативам времени по рассмотрению уголовных дел, в зависимости от сложности дела» к Постановлению Минтруда РФ, Минюста РФ от 27 июня 1996 г. предусматриваются показатели норматива времени рассмотрения судьями дел, при наличии поправочных коэффициентов: от 1 (одно лицо, один состав преступления и один том дела) до 1,44 (число составов преступлений, по которым предъявлено обвинение от 5 и свыше), либо даже 1,52 (когда число допрошенных потерпевших, свидетелей и других лиц от 21 и более)³.

Тем самым можно констатировать, что фактическая сложность и особая сложность, в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела, требуют больше времени для ознакомления, чем «простое» дело. В связи с этим предлагаем исходить из критериев, наиболее поддающихся формализации, с использованием коэффициента корректировки продолжительности времени ознакомления:

1) если объем уголовного дела составляет один том, включающий 250 листов, материалы которого не составляют особой сложности (*простое дело*), то должен применяться коэффициент 1;

2) когда объем дела составляет до 10 томов и материалы которого составляют определенную сложность: три и более обвиняемых, тяжесть вменяемых им преступлений, если дело в отношении или с участием несовершеннолетних, при участии лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство и др. (*сложное дело*), то должен применяться коэффициент 1,25;

3) когда объем дела составляет более 10 томов и его материалы составляют особую сложность: содержащих государственную, иную охраняемую федеральным законом тайну, если участвуют иностранные граждане, заинтересованные в исходе дела и др. (*особо сложное дело*), то должен применяться коэффициент 1,5.

Таким образом, *усредненный показатель* периода времени, необходимого и достаточного для ознакомления с одним томом уголовного дела объемом 250 страниц (простое дело), составляет 08 часов 39 минут (отметим это еще раз). При оценке уголовного дела как сложного продолжительность ознакомления с одним томом возрастает до 10 часов 50 минут (округленно) за счет применения повышающего коэффициента 1,25, а дела особой сложности – до 13 часов, с применением коэффициента 1,5.

Считаем возможным *сокращение длительности времени*, необходимого и достаточного для ознакомления с уголовным делом, причем не только по критерию полнотекстовости документов, но и при наличии индивидуальных признаков дела, сложившейся благоприятной для этого ситуации, и с учетом того, что на этапе ознакомления следователь попадает в некоторую зависимость от адвоката-защитника.

¹ Рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.2014 № 167 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

² Нормы нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов // Бюллетень Министерства труда РФ. 1996. № 8.

³ Там же.

Важное значение для правоприменительной практики имеет вопрос о том, *может ли рассматриваться как уважительная причина увеличения продолжительности времени ознакомления адвоката-защитника и его доверителя с материалами уголовного дела, участие адвоката по другим делам, в ситуации, не терпящей отлагательства?*

Удлинение срока ознакомления по причине, непосредственно не связанной с уголовным делом, может иметь негативные последствия для его участников. В частности, речь может идти о нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства, например, для потерпевшего, о необходимости продлять сроки содержания под стражей для других обвиняемых или срока предварительного расследования. Учитывая, что срок ознакомления с материалами уголовного дела защитника и его подзащитного не ограничен временными рамками (повторим это еще раз) все же не следует забывать, что этот срок системно связан с иными процессуальными сроками и, что важно, со сроком окончания предварительного расследования.

В то же время, если такого рода удлинение срока не влечет негативных последствий, то соответствующее решение может быть принято в порядке договоренности со следователем. При невозможности достичь такого рода договоренности необходимо учитывать следующее:

1. Причины для удлинения срока ознакомления действующим законодательством не определены. Соответственно определение причин как уважительных, либо неуважительных возможно в индивидуальном порядке и относится к сфере правоприменения.

2. Властные полномочия принадлежат следователю. Поэтому его решение в данной части будет рассматриваться как ограничивающее права стороны защиты (в случае необоснованного признания причин неуважительными), либо как воспрепятствование злоупотреблению правом стороной защиты (когда обосновано признается причина неуважительной). В любом случае речь может идти о совершении процессуальных действий, разрешенных в конкретной ситуации (обращение с жалобой в надлежащие органы или к компетентным должностным лицам).

3. Удлинение периода времени ознакомления может привести к обращению следователя в суд для определения срока ознакомления стороны защиты с материалами уголовного дела в виду его явного затягивания. В этом ситуации уважительность, либо неуважительность причин будет оценивать судья, принимая решение по обращению следователя.

4. Адвокатское сообщество пытается в данной ситуации представить собственные рекомендации, в которых рассматриваемую причину трактует как уважительную¹.

Однако, обобщение практики показало, что суды не рассматривают в качестве уважительных причин неявку адвоката для участия в ознакомлении, например, в случаях: нахождения на приеме у доктора с ребенком в период выполнения требований ст. 217 УПК РФ²; занятость адвоката в судебных заседаниях и следственных действиях по другим делам, по которым защита была принята ранее, чем по рассматриваемому уголовному делу; выполнение адвокатом требований ст. 217 УПК РФ по трем уголовным делам одновременно³; занятость адвоката по другим (гражданским, административным) делам⁴.

Приведем мнение авторов комментария УПК РФ: «Адвокат, принявший на себя защиту или представительство, обязан, ... планировать свою работу. Если доводы следователя, нарушающего процессуальные сроки, о занятости другими делами, как правило, не принимаются во внимание, то нельзя признать уважительными причины неявки адвоката в связи с занятостью в другом процессе, если этот срок превышает 5 суток»⁵.

Еще один комментарий: «Если избранный им защитник в течение пяти суток не приступил к ознакомлению с материалами уголовного дела, то независимо от причин его неявки следователь

¹ О продолжительности времени ознакомления с материалами уголовного дела: Разъяснения Совета Адвокатской палаты Алтайского края от 25.12.2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Амурского областного суда от 28.05.2020 по делу № 22-к827/2020 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 13.11.2020 по делу № 22-2276/2020 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное постановление Московского областного суда от 14.01.2021 по делу № 22-235/2021 об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Завидов Б.Д. Комментарий отдельных положений и новаций УПК РФ (главы 30–32 УПК РФ; ст. 215–226) (постатейный) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

предлагает обвиняемому самому пригласить другого защитника или принимает меры к явке другого защитника, если обвиняемый заявит об этом ходатайство»¹.

С приведенными позициями сложно спорить. Тем более, что их полностью поддерживает и Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 5 п. 1 ст. 9) о недопустимости принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить. Кроме того, адвокат не должен принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения (п. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В такой ситуации считаем, неявка адвокатов, в том числе обусловленная неотложностью процессуального участия в других уголовных делах, должна рассматриваться как нарушение профессиональной этики адвоката (п. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката). При наступлении неблагоприятных последствий для доверителей поведение адвоката может стать основанием для возбуждения дисциплинарного производства.

Список использованной литературы:

1. Баев О.Я. Правовые и тактические основы усмотрения в уголовном преследовании: монография. М.: Юрлитинформ; 2012.
2. Бородин В.А., Бородин С.М. Учим... читать: уроки динамического чтения (монография). Л.: Лениздат; 1985.
3. Буракова Е. Сколько времени уходит на чтение книги. *Онлайн-журнал*. 2019.
4. Верещагина А.В. Об установлении срока ознакомления с материалами уголовного дела. *Правоведение*. 2018;62(3):434–452. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.301.
5. Верещагина А.В. Уголовные дела, по которым установлен срок ознакомления с материалами (судебная практика Иркутской области и Приморского и Хабаровского краев). *Российский следователь*. 2019;(12):28–33.
6. Гаврилов М.А. Возможность возбуждения уголовного дела в случае истечения сроков давности. *Законность*. 2022;(7):62–66.
7. Глушкова А.С., Медведева С.В., Ментюкова М.А. Право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела: проблемы правоприменения. *Российский следователь*. 2018;(11):33–36.
8. Грибанов В.П. Сроки в гражданском праве: монография. М.: Знание; 1967.
9. Дементьев И.В. Сроки принятия индивидуальных налогово-правовых актов: значение и последствия несоблюдения. *Налогов*. 2006;(2):2–7.
10. Деришев Ю.В., Андриенко Ю.А. Быстрота и разумный срок уголовного досудебного производства: проблемы соотношения. *Российский следователь*. 2019;(2):30–34.
11. Калиновский К.Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. *Ленинградский юридический журнал*. 2005;(2(3)):139–145.
12. Камчатов К.В., Буланова О.В. «Активный» и

References:

1. Baev O.Ya. [Legal and tactical bases of discretion in corner prosecution]. Moscow: Yurlitinform; 2012. (In Russ.)]
2. Borodina V.A., Borodin S.M. [Teach... read: lessons of dynamic reading]. L.: Lenizdat; 1985. (In Russ.)]
3. Burakova E. [How much time does it take to read a book]. *Onlain-zhurnal = Online magazine*. 2019. (In Russ.)]
4. Vereshchagina A.V. [On establishing the time limit for familiarization with the materials of the criminal case]. *Pravovedenie. = Jurisprudence*. 2018;62(3):434–452. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.301. (In Russ.)]
5. Vereshchagina A.V. [Criminal cases on which the deadline for familiarization with the materials is set (judicial practice of the Irkutsk region and Primorsky and Khabarovsk territories)]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2019;(12):28–33. (In Russ.)]
6. Gavrilov M.A. [The possibility of initiating a criminal case in case of expiration of the statute of limitations]. *Zakonnost' = Legality*. 2022;(7):62–66. (In Russ.)]
7. Glushkova A.S., Medvedeva S.V., Mentyukova M.A. [The right of the accused to familiarize himself with the materials of the criminal case: problems of law enforcement]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2018;(11):33–36. (In Russ.)]
8. Griбанov V.P. [Terms in civil law]. Moscow: Znanie; 1967. (In Russ.)]
9. Dement'ev I.V. [Deadlines for the adoption of individual tax and legal acts: the meaning and consequences of noncompliance]. *Nalogi = Taxes*. 2006;(2):2–7. (In Russ.)]
10. Derishev Yu.V., Andrienko Yu.A. [Speed and reasonable time of criminal pretrial proceedings: problems of correlation]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2019;(2):30–34. (In Russ.)]
11. Kalinovskii K.B. [Procedural terms in criminal court proceedings and their regulation under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2005;(2(3)):139–145. (In Russ.)]
12. Kamchatov K.V., Bulanova O.V. ["Active" and

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Агамов Г.Д. и др.; под общ. и науч. ред. А.Я. Сухарева. 2-е изд., перераб. М.: Норма; 2004.

«пассивный» срок как разновидности разумного срока уголовного судопроизводства. *Российская юстиция*. 2019;(6):37–39.

13. Колоколов Н.А. Ознакомление с материалами уголовного дела. Следователь должен быть освобожден от несвойственных ему функций. *Российский следователь*. 2014;(4):3–6.

14. Лебедева К.Ю. Классификация сроков в гражданском праве. *Журнал российского права*. 2001;(9):75–82.

15. Петухова Ж.П. Актуальные проблемы ознакомления обвиняемого (обвиняемых) и его (их) защитника (защитников) с материалами уголовного дела. *Научный дайджест Восточно-сибирского института МВД России*. 2020;(3(6)):135–139.

16. Сабельфельд Т.Ю. Процессуальные полномочия прокурора по осуществлению надзора за деятельностью органов дознания. *Российский следователь*. 2021;(2):33–36. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-2-33-36.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гладышева Ольга Владимировна*

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0001-5413-5208

Author ID: 57194874777

Семенцов Владимир Александрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679

Цыпина Алла Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

"passive" term as a kind of reasonable term of criminal proceedings]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian justice*. 2019;(6):37–39. (In Russ.)]

13. Kolokolov N.A. [Familiarization with the materials of the criminal case. The investigator must be relieved of his uncharacteristic functions]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*'. 2014;(4):3–6. (In Russ.)]

14. Lebedeva K.Yu. [Classification of terms in civil law]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2001;(9):75–82. (In Russ.)]

15. Petukhova Zh.P. [Actual problems of familiarization of the accused (accused) and his (their) defender (defenders) with the materials of the corner case]. *Nauchnyi daidzhest Vostochno-sibirskogo instituta MVD Rossii = Scientific Digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2020;(3(6)):135–139. (In Russ.)]

16. Sabel'fel'd T.Yu. [Procedural powers of the prosecutor to supervise the activities of the bodies of inquiry]. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*'. 2021;(2):33–36. DOI: 10.18572/1812-3783-2021-2-33-36. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Gladysheva*

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Head of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0001-5413-5208

Author ID: 57194874777

Vladimir A. Sementsov

Dr. of Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

ORCID: 0000-0002-1127-5603

Author ID: 57194869679

Alla V. Tsypina

Cand. of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the FGBOU VO "Kuban State University"

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-85-95>

ИНСТИТУТ ПРОБАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ В СОВРЕМЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Калужина М.А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040)

Ссылка для цитирования: Калужина М.А. Институт пробации в зарубежных государствах в современном представлении. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(3):85–95. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-85-95>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Калужина Марина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»; ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России

Адрес: Ставропольская ул., д. 149, г. Краснодар, Россия, 350040

Тел.: +7 (967) 655-97-77

E-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 24.07.2023

Статья принята к печати: 24.08.2023

Дата публикации: 18.09.2023

Аннотация: В статье на основе анализа современных подходов к решению проблемы ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации осужденных, анализируются имеющиеся современные тенденции пробации в зарубежных странах. Констатируется значимость системы нормативного правового регулирования института пробации в решении вопросов ресоциализации осужденных. Автором определяется сущность базовых категорий в рамках исследуемой проблематики с акцентом на сегодняшние социально-правовые и криминологические оценки, таких как понятие, принципы, содержание, рассматриваются субъекты пробационного воздействия, методы и формы коррекционного вмешательства, а также категории лиц, нуждающихся в поддержке. Приводится перечень дифференцирующих критериев – правовые традиции, политический режим, географические, национальные, религиозные, психологические факторы, политическая и правовая культура населения, позволяющие раскрыть содержание и отличительные признаки рассматриваемого феномена в странах, принадлежащих к различным правовым семьям. На основе анализа сущности института пробации, содержания коррекционных вмешательств делается вывод о специфичном характере ресоциализационного процесса, его длительности, этапности, последовательности, непрерывности, динамичности, взаимосвязанности действий субъектов, к компетенции которых отнесены вопросы попечительства и поддержки правонарушителей. Автором подчеркивается важность вариативности, индивидуальности мер социально-экономического, медицинского, воспитательного, педагогического, правового характера, применяемых при ресоциализации, социальной адаптации правонарушителя, при этом акцентируется внимание на возможных путях оказания услуг государством по предоставлению помощи, направленной на восстановление личности и осуществление контроля над его поведением.

Опираясь на результаты проведенных исследований, выделенные в ходе анализа стороны рассматриваемого феномена, сформулированы его наиболее существенные отличительные признаки: урегулированность нормами права; самостоятельность института для национальной системы права; составной характер правового института пробации; широкий перечень функций и форм ресоциализационного воздействия на клиента пробации; характер оказания услуг (как на возмездной,

так и безвозмездной основе); широкий круг заинтересованных министерств и ведомств, интегративный характер участия различных институтов, помощь волонтеров, общественности; клиентцентричный подход к каждому правонарушителю с целью достижения индивидуального результата; эффективное распределение усилий субъектов правоприменительной деятельности; экономия материальных средств; волеизъявление и осознанное желание probationера к ведению социально одобряемого образа жизни; открытость функционирования института probation при поддержке гражданского общества и гражданской инициативы.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных, социальная адаптация, институт probation, профилактика, предупреждение преступности, безопасность общества и государства.

THE INSTITUTE OF PROBATION IN FOREIGN COUNTRIES IN THE MODERN VIEW

Marina A. Kaluzhina

FGBOU VO "Kuban State University"
(Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040)

Link for citation: Kaluzhina M.A. The Institute of Probation in foreign countries in the modern view. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(3):85–95. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-3-85-95>

CONTACT INFORMATION:

Marina A. Kaluzhina, Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University"; Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Address: Stavropol str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

Tel.: +7 (967) 655-97-77

E-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 24.07.2023

The article has been accepted for publication: 24.08.2023

Date of publication: 18.09.2023

Annotation: Based on the analysis of modern approaches to solving the problem of resocialization, social adaptation, social rehabilitation of convicts, the article analyzes the current trends in probation in foreign countries. The significance of the system of normative legal regulation of the institution of probation in resolving issues of resocialization of convicts is stated. The author defines the essence of the basic categories within the framework of the issues under study with an emphasis on today's socio-legal and criminological assessments, such as the concept, principles, content, examines the subjects of probation, methods and forms of corrective intervention, as well as categories of people in need of support. A list of differentiating criteria is given – legal traditions, political regime, geographical, national, religious, psychological factors, political and legal culture of the population, which allow revealing the content and distinctive features of the phenomenon in question in countries belonging to different legal families. Based on the analysis of the essence of the institution of probation, the content of correctional interventions, a conclusion is made about the specific nature of the resocialization process, its duration, stages, sequence, continuity, dynamism, interconnectedness of the actions of subjects whose competence includes issues of guardianship and support of offenders. The author emphasizes the importance of variability, individuality of measures of a socio-economic, medical, educational, pedagogical, legal nature used in the re-socialization, social adaptation of the offender, while focusing on possible ways of providing services by the state to provide assistance aimed at restoring the personality and exercising control over his behaviour.

Based on the results of the research, identified in the course of the analysis of the side of the phenomenon under consideration, its most significant distinguishing features are formulated: regulation by the rules of law; independence of the institution for the national system of law; the composite nature of the

legal institution of probation; a wide range of functions and forms of resocialization impact on the probation client; the nature of the provision of services (both on a reimbursable and non-reimbursable basis); a wide range of interested ministries and departments, the integrative nature of the participation of various institutions, the assistance of volunteers, the public; client-centric approach to each offender in order to achieve an individual result; effective distribution of efforts of subjects of law enforcement activities; saving material resources; the will and conscious desire of the probationer to lead a socially approved lifestyle; openness of the functioning of the probation institution with the support of civil society and civil initiative.

Keywords: resocialization, social adaptation, probation institute, prevention, crime prevention, security of society and the state.

Введение

В отечественной и зарубежной юридической науке проблемам ресоциализации, социальной адаптации осужденных уделяется значительное внимание, так как их исследование на каждом историческом этапе развития любого государства имеет важное практическое значение, способствует выработке оптимальных направлений борьбы с преступностью.

В последние годы в зарубежных странах криминологическая обстановка в местах лишения свободы остается напряженной [3]. Вызывают озабоченность и социально-криминологические показатели спецконтингента, находящегося под надзором органов пробации.

Так в 2023 г. на ежегодной конференции Совета Европы директоров тюрем и служб пробации, объединившей руководителей тюрем и служб пробации из 46 государств-членов Совета Европы, представителей Европейского Союза, Организации Объединенных Наций, Европейской организации тюрем и исправительных учреждений, Международной ассоциации исправительных учреждений и тюрем, Европейской конфедерации пробации, международных экспертов, общественных организаций, в числе новых вызовов современности специалистами отмечены такие негативные тенденции как стабильное увеличение численности правонарушителей, с повышенной возбудимостью и агрессивностью, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, суициду, непредсказуемым действиям, больных социально значимыми заболеваниями, в том числе страдающих психическими и сексуальными расстройствами, ВИЧ-инфекцией, наркоманией, алкоголизмом, сказывающихся в конечном итоге на необходимости оказания медицинской помощи, поиске новых методов и способов успешной реинтеграции такой категории правонарушителей в общество¹. В аспекте нашего исследования с учетом мировой практики к такой категории лиц, находящихся под пробационным контролем, могут быть отнесены:

- условно осужденные, осужденные с отсрочкой отбывания наказания;
- проходящие курс лечения от наркотической, алкогольной зависимости;
- условно освобожденные;
- содержащиеся в исправительных учреждениях, в том числе несовершеннолетние правонарушители;
- отбывшие уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшиеся иным мерам уголовно-правового характера, в том числе несовершеннолетние и др.

Следует констатировать что несмотря на многолетний зарубежный опыт применения пробации, многочисленные попытки научного исследования данной проблематики отечественными и зарубежными учеными, многие аспекты пробации остаются неясными и спорными. Это в полной мере можно отнести к вопросу нашего исследования: ее сущности, принципам, целям и задачам, подходам к организации, методам и формам исполнения.

К сказанному следует добавить, что международные тенденции в решении вопросов ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробации, наблюдаемые сегодня, отмечаемые в специальной литературе дают основания для их изучения и оценки на предмет обоснованности и целесообразности использования в отечественной практике.

Методы исследования

При проведении исследования использованы теоретические методы исследования, а также системно-структурный, формально-логический методы, сравнительно-правовой анализ, метод

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/social-reintegration-of-offenders-in-prison-and-under-probation-berlin-conference-explores-innovative-responses> (дата обращения: 09.06.2023).

толкования правовых норм, наблюдение, статистический, контент-анализ материалов СМИ. В совокупности указанные методы позволили комплексно исследовать рассматриваемый феномен с учетом ряда факторов как правового, организационного, так и технологического свойства.

Литературный обзор

Существует большое количество разновидностей и вариаций probation, широко применяемых в практике многих зарубежных государств. Но что такое probation как феномен в преломлении к зарубежным государствам? Предваряя анализ данного вопроса, рассмотрим содержание определений понятия «probation» в силу разнообразия форм ее осуществления.

Термин «пробо» в переводе с латинского языка означает «я доказываю свою ценность», что означает определение того, способен ли индивид жить на свободе, не нарушая закон. «Probatio» в переводе с латыни означает «одобрительный тест». Определение испытательного срока в американском толковом словаре Вебстера – это «любое судебное разбирательство, направленное на установление личности»¹. Таким образом, испытательный срок относится к периоду испытаний или доказывания. Преступник должен продемонстрировать свое право на испытательный срок и доказать возможность оставаться на свободе, стойкое желание трудиться, исключение всего многообразия негативных форм поведения, способность к восстановлению социально-полезных связей и пр. Правовым последствием успешного доказывания является полное освобождение лица.

Кембриджский международный словарь английского языка, в свою очередь, дает определение probation как период времени, когда преступник должен вести себя надлежащим образом, исключая совершение новых преступлений с тем, чтобы избежать тюремного заключения². В английском прочтении это прежде всего альтернатива более строгому наказанию – лишению свободы. В этой связи заслуживает внимания мнение исследователей, трактующих probation как социализированный карательный механизм и заочную альтернативу институционализации³.

В уголовном праве Соединенных Штатов Америки (далее – США) probation определяется несколько иначе: это «не тритмент» и не наказание, а «успокоительное» средство для судей⁴. Это утверждение можно понимать, как своего рода компромисс, на который идет государство, дабы не наказывать, а гуманно исправить правонарушителя, помочь ему реабилитировать себя в глазах общества и государства. С таких позиций probation получила закрепление в международном и национальном законодательстве как социально-правовой институт, который способствует реабилитации осужденного, не подвергаемого разрушительному влиянию тюрьмы, сохраняющий при этом реальную перспективу исправления осужденных⁵.

Концепция ресоциализации правонарушителей сформировалась в шестидесятых-восьмидесятых годах прошлого столетия под влиянием американских мыслителей Р. Кларка [11], Дж. Митфорда и западно-европейской доктрины «новой социальной защиты» (М. Ансель).

Институты probation возникли со времени принятия соответствующих нормативных правовых установлений, доказали свою целесообразность на практике. Национальным законодательством зарубежных государств в качестве участников социальной ресоциализации правонарушителей предусмотрен широкий круг заинтересованных министерств и ведомств, важным является исполнение такой меры наказания специально создаваемыми службами probation с включением в процесс общественности, отдельных граждан, организаций и учреждений, ученых, практиков. Службы probation обеспечивают многоаспектную поддержку осужденных по адаптации их в обществе.

В европейском понимании содержание probation вмещает в себя как правило совокупность всех видов, не связанных с лишением свободы наказаний и мер ресоциализации, социальной адаптации, социальной реабилитации, осуществляемых в целях социальной реинтеграции в общество нуждающихся в этом лиц, преступивших закон, осужденных, но не лишенных свободы, или

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 03.06.2023).

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/probation> (дата обращения: 03.06.2023).

³ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/321155642_Exploring_modern_probation_Social_theory_and_organisational_complexity (дата обращения: 03.06.2023).

⁴ Козочкин И.Д. Уголовное право США: учебное пособие для вузов. М., 2023; С. 126.

⁵ Хуторская Н.Б. Институт probation в США: уголовно-правовые, криминологические и организационно-управленческие аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 34.

освобожденных из-под стражи [1, с. 126]. Система альтернативных наказаний в значительной мере сохраняла свое общепредупредительное значение, способствовала ресоциализации правонарушителей, облегчала трудоустройство, приобщение к новой честной жизни.

Применение probation всегда связывалось с предъявлением определенных требований к поведению осужденных: ведь успешность процесса ресоциализации приобретает оптимальный характер, когда его субъектами становятся сами осужденные, стремящиеся к самоизменению, саморазвитию, твердо вставшие на путь исправления.

Когда речь идет о социальной реинтеграции, зачастую имеется в виду помощь, предоставляемая бывшим заключенным после их освобождения из тюрьмы с тем, чтобы облегчить их возвращение в общество¹. Эта помощь включает в себя как удовлетворение потребностей правонарушителей, так и управление рисками, которые они могут представлять для общества². Однако более широкое определение охватывает все меры коррекционного вмешательства, например, сразу после задержания, включая любые альтернативные меры, такие как восстановительное правосудие или принудительное лечение, позволяющие правонарушителю избежать возвращения в систему уголовного правосудия.

Такое определение также включает в себя налагаемые судом санкции, которые способствуют социальной интеграции правонарушителей, а не их маргинализации и неблагоприятным последствиям тюремного заключения. Для лиц, в отношении которых определено уголовное наказание в виде лишения свободы, понятие социальной реинтеграции относится к различного рода коррекционным программам, реализуемым в исправительных учреждениях, а также после отбывания срока тюремного заключения. Для определения общественных отношений, реализуемых на последующем этапе постпенитенциарной ресоциализации, в специальной литературе используются такие термины, как: «*последующее сопровождение*», «*переходное сопровождение*», «*возвращение в социум*» или «*поддержка возвращения*», «*реинтеграция*» или «*переселение*». Следует подчеркнуть, что рассматриваемый комплексный институт зарубежного права объединяет совокупность правовых норм, регулирующих отношения постпенитенциарной ресоциализации, в том числе вмешательственного содействия социума, к коим отнесены определенные процедуры на этапе, когда преступник еще находится в тюрьме по подготовке к последующей жизни на свободе.

Для целей настоящего исследования мы будем использовать эти термины как синонимы для обозначения мероприятий, программ и услуг, предоставляемых уполномоченными субъектами, призванные помочь бывшим заключенным начать заново жить в обществе в рамках закона. Однако термин «реинтеграция» не следует понимать слишком буквально, поскольку многие правонарушители до того, как попасть в тюрьму осознанно или не осознанно не были интегрированы в общество: не обладали сформированными основными социальными функциями, социальными нормами поведения, у них отсутствовали ценности, способности самостоятельно выстраивать нравственно-правовые отношения с окружающими, приемлемые для них и декларируемые в обществе.

В последние годы в большинстве зарубежных стран отмечаются отчетливые тенденции, когда предпочтение отдается разработке всеобъемлющих коррекционных вмешательств, основанных на непрерывном попечительстве и последовательной поддержке правонарушителей, как в тюрьме, так и за ее пределами. Общеизвестно, что подготовка к возвращению к жизни в социуме должна начинаться до того, как заключенные покинут тюрьму. Сразу же после освобождения первым шагом является обеспечение того, чтобы переход из тюрьмы к жизни в обществе облегчался соответствующими мерами поддержки (условиями, формами, методами и средствами). Затем встает вопрос организации попечительства, помогающей бывшему заключенному закрепить навыки, приобретенные в тюремной среде, до тех пор, пока процесс социальной интеграции не будет успешно завершен (Fox, 2002). Этот так называемый подход «непрерывного сопровождения», «*сквозного патронажа*» (Borzycki, 2005:11; Borzycki and Makkai, 2007) [10, с. 42]. В функциональном отношении независимо от выбранного метода коррекционного вмешательства, каждый является частью комплексных подходов, разработанных с учетом конкретных потребностей и проблем

¹ Kathryn J. Fox. Restoring the Social: Offender Reintegration in a Risky World [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/271750007> (дата обращения: 05.06.2023).

² Tucker Charles. Social Reintegration of Offenders [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/30411828/Social_Reintegration_of_Offenders_Draft (дата обращения: 05.06.2023).

каждого правонарушителя. Наконец, следует отметить, что так называемые «подходы, основанные на силовом воздействии», привлекают все большее внимание субъектов коррекционного вмешательства, занимающихся социальной реинтеграцией правонарушителей. Это рефлексивные вмешательства, которые включают мобилизацию и укрепление всех имеющихся личных человеческих и общественных ресурсов, стимулирующих позитивную активность бывшего заключенного, с тем чтобы изменить пагубные привычки, справиться с трудностями, с которыми он при этом сталкивается, и, таким образом, дать человеку возможность восстановить свое право на место в общественной структуре, объективную роль в нем. (Maruna and LeBel, 2002)¹.

В свою очередь оценивая значение пробации как средства ресоциализации, специалисты отмечают, что в ее основе – широкий комплекс мер некарательного воздействия на правонарушителя социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществление их перевоспитания путем оказания им помощи, направленной на их социальную адаптацию, социальную реабилитацию, «восстановление личности» при осуществлении контроля над их поведением [7, с. 74].

Правовая природа комплексного института пробации наглядно освещается в вопросах постпенитенциарного контроля в п.п. 59–61 Правил о пробации². Постпенитенциарный контроль заключается в том, что служба пробации работает во взаимодействии с тюремной администрацией, осужденными, их семьями и общественностью для того, чтобы подготовить осужденных к освобождению и адаптации в обществе. Служба пробации устанавливает контакты с соответствующими службами тюрьмы для того, чтобы помочь в бытовой и трудовой адаптации осужденных после освобождения.

Постпенитенциарный контроль направлен на решение проблем поднадзорных лиц, а именно, помощь в трудоустройстве, оказание содействия в поиске места жительства, получение образования. Все эти мероприятия выполняются для того, чтобы сократить угрозу совершения нового преступления и нанесения ущерба обществу и государству со стороны лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Как считают европейские специалисты, отказ бывшего заключенного от совершения новых преступлений – процесс длительный и требующий постоянного внимания как во время отбывания тюремного заключения, так и после освобождения.

Результаты исследования

По результатам проведенного сравнительного анализа современного состояния и перспектив развития института пробации в зарубежных государствах-членах европейского и мирового сообщества, где отмечается устойчивая динамика снижения применения уголовного наказания в виде лишения свободы, замена его альтернативным комплексом мер, среди которых особое место занимает пробация, сформулируем выводы.

Пробация – это юридический термин, используемый для определения процесса исполнения наказаний и мер, не связанных с лишением свободы, предусмотренных законом, представляющих собой широкий спектр мероприятий и мер корректирующего, воспитательного воздействия (надзор, контроль, оказание поощрений).

Суть пробации состоит в принудительном надзоре со стороны специальных органов за поведением осужденного и выполнением обязанностей, возложенных на него судом, коррекции его поведения, содействию в социальной адаптации и предупреждении совершения им повторных преступлений (т.е. надзоре и социальной реабилитации).

Институт пробации – межотраслевой институт, представляющий собой совокупность различных отраслей права, регулирующих меры социально-экономического, медицинского, воспитательного, педагогического, правового характера, применяемые при ресоциализации, социальной адаптации правонарушителей.

В основе данного института лежит идея о возможности широкого использования некарательных гуманных мер воздействия на преступника, осуществление их перевоспитания путем

¹ Maruna S. and Le Bel T. Welcome Home? Examining the «Reentry Court» Concept from a Strengths-based Perspective [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/287705851_Welcome_home_Examining_the_Reentry_Court_concept_from_a_strengths-based_perspective (дата обращения: 05.06.2023).

² О Правилах Совета Европы о пробации: Рекомендация CM/Rec(2010)1 Комитета Министров государствам-членам (принята Комитетом Министров 20.01.2010 на 105-м заседании заместителей Министров) // Доступ из СПС «Гарант».

оказания услуг по предоставлению помощи, направленной на восстановление личности и осуществление контроля над их поведением.

Приведенные положения свидетельствуют о специфичном характере ресоциализационного процесса, его длительности, многосубъектном составе, ядром которого выступает «ресоциализационное воздействие как комплексный, динамический, многоуровневый и этапный процесс взаимосвязанных действий, направленных на восстановление осужденного в правах, статусе, здоровье, дееспособности в собственных глазах и глазах окружающих»¹. Можно прийти к заключению, что пробация как феномен эволюционирует на протяжении всей его истории. Постепенная трансформация доктрины уголовного наказания от стратегии устрашения к исправлению послужила переформатированию целей, она из первоочередных может быть определена как примирение между виновным и потерпевшим, что подготовило почву для внедрения широкого спектра процедур от клинического подхода в лечении правонарушителей, принципа индивидуализации коррекционного воздействия до мер медиативных мер: помощи в трудоустройстве, мер социально-экономического характера, профилактики правонарушений.

Механизм ресоциализации сложен, вариативен и многомерен. Содержательный анализ позволяет выделить его базовые аспекты, такие как идентификация (образование, обучение, воспитание) и индивидуализация (дифференциация) в случае, если, индивид не имеет навыка правопослушного поведения, правомерного преодоления конфликтных ситуаций. Социальная адаптация, социальная реабилитация – составные этапы ресоциализации лиц, подвергшихся уголовному преследованию и наказанию, причем, адаптация – обязательный этап пенитенциарной и постпенитенциарной probation, а реабилитация – факультативный.

Научная дискуссия

Понимание социальной значимости рассматриваемого института требует осмысления феномена не только в рамках национально-правовой системы того или иного государства или международного сообщества в целом, но и актуализирует сравнительно-правовые исследования динамики его возникновения и развития в контексте правовых явлений сегодняшнего дня. При проведении сравнительного анализа содержания специалистами избираются различные критерии, в соответствии с которыми осуществляется типологизация, позволяющая выделить общее и особенное в исследуемом явлении. В перечне дифференцирующих критериев – правовые традиции, политический режим, другие объективные факторы: географические, национальные, религиозные, психологические, наконец, общая политическая и правовая культура населения, характерные для каждого государства.

Лежащая в основе юридической компаративистики теория классификации правовых систем, направлена на определение видового и родового своеобразие зарубежных государств, носит научный характер, при этом она способна дать и практические рекомендации, связанные с возможностью реципирования правовых институтов, оценить адаптацию в социокультурном пространстве юридических конструкций и моделей правового регулирования.

Происходящие интеграционные процессы приводят к пересмотру традиционных критериев [6, с. 283], свидетельствуют о том, что они не являются застывшей материей, модифицируются вслед за генезисом права. Как бы ни было сложно выработать единые классификационные критерии и выделить соответствующие им группы сделать это необходимо так как любая типологизация вносит упорядочение, позволяет выделить общее особенное в исследуемом явлении в многогранном современном правовом пространстве.

Вот почему полагаем целесообразным сосредоточение внимания на рассмотрении теоретических содержательных конструкций, их смысловом наполнении, формах нормативного выражения, организационных особенностях правоприменительной практики, уполномоченных субъектах, содержательных аспектах социально-корректирующего воздействия, прогрессивных формах и методах организации контрольно-коррекционных мероприятий применительно к рассматриваемому нами феномену.

Ключевым отличительным признаком probation англо-саксонской правовой семьи является отнесение ее к судебной системе в виде службы probation и досудебных услуг². Согласно

¹ Идрисов И.Т. Ресоциализация осужденных и уголовная юстиция: учебное пособие. Самара; 2021. С. 5.

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uscourts.gov/careers/who-works-judiciary/us-probation-pretrial-services-careers> (дата обращения: 07.06.2023).

американскому уголовному праву, пробация является мерой уголовно-правового воздействия, в основе которой условное осуждение и отсрочка исполнения приговора, а с учетом ее организационно-управленческой модели – надзор за непрерывным процессом интеграции осужденного в правопослушное общество, осуществляемый государственными органами в соответствии с их компетенцией. Пробация предполагает комплекс мер экономического, социального-правового, воспитательного характера, например, таких как:

- досудебное сопровождение обвиняемых и лиц, находящихся под подпиской о невыезде, после предъявления им обвинения и до вынесения судом решения;
- надзор за условно-досрочно освобожденными из мест заключения, содействие социальной адаптации, корректирующее воздействие в целях стимулирования правопослушного поведения;
- реализация пробации в качестве основного вида наказания [4].

Общие условия пробации регламентированы в § 3563 разд. 18 Свода законов США¹. Они содержат обязательные условия о том, что в случае назначения пробации за совершение фелонии, мисдиминора или правонарушения лицо не должно совершать преступлений, предусмотренных федеральным законодательством или законодательством штата, в течение всего срока пробации. Передача на пробацию означает, что суд либо откладывает вынесение приговора вообще, либо приостанавливает действие приговора в отношении признанного виновным лица при определенных условиях и на определенный срок. Суд выносит различные по содержанию приговоры, но можно выделить общие условия: обязательство осужденного осуществить реституцию (возмещение ущерба) потерпевшему, оплатить стоимость осуществления контроля над ним, выполнение определенных общественных работ, периодическое прохождение тестирования на употребление алкоголя и наркотиков и т.п. При неисполнении указанных требований осужденный может быть подвергнут тюремному заключению.

По мнению специалистов США принадлежит к числу тех стран, которые обладают наиболее прогрессивными тюремными системами в мире, представляющими интерес для исследования [5, с. 74-90], вместе с тем, анализ специальной литературы позволяет заключить, что институт пробации в США не имеет наглядной картины в обществе: система органов пробации довольно сложна, а агентства рассредоточены среди сотен других не связанных между собой учреждений, каждое из которых обладает широким спектром специфики организационных моделей [9, с. 32].

Термин «пробация» имеет различные значения в пределах нескольких территорий, а количество и категории правонарушителей довольно велики и разнообразны. Практически вся информация, касающаяся института пробации, собирается на национальном уровне научно-исследовательскими учреждениями, подведомственными Министерству юстиции США. Лишь несколько штатов, например, Миннесота, Вермонт, Северная Каролина, располагают более наглядной статистикой, и очень немногие агентства пробации имеют свои собственные исследовательские аналитические подразделения [2]. Как следствие, большинство штатов не имеют возможности самостоятельно определить критерии демографических или уголовных характеристик лиц, находящихся под их контролем.

Несмотря на недостаточную теоретическую разработанность некоторых аспектов пробации, отсутствие единообразия в практике ее назначения и исполнения, эта уголовно-правовая санкция получила широкое распространение в США. Несмотря на многолетний опыт применения пробации в США, многочисленные попытки научного исследования данной проблематики отечественными и зарубежными учеными, многие аспекты пробации остаются неясными и спорными.

Проведенный анализ современного состояния уголовной политики Соединенных Штатов Америки позволяет констатировать тенденции сокращения применения уголовного наказания в виде лишения свободы, замены его альтернативными мерами, среди которых особое место занимает пробация. Иными словами, она является одним из элементов системы исполнения уголовных наказаний в США, представляет собой самостоятельную организационную структуру. Согласно американскому уголовному праву пробация является видом наказания, в основе которого лежат условное осуждение и отсрочка исполнения приговора, а с учетом ее организационно-управленческой модели – надзора за непрерывным процессом интеграции осужденного в правопослушное общество, осуществляемого специальными государственными органами, – и системой исполнения этого вида наказания [12, с. 87].

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/app/collection/statute> (дата обращения: 07.06.2023).

В Великобритании социальная значимость института пробации выражается в следующих аспектах. Это эффективное средство воспитательного воздействия на правонарушителя, совершившего незначительное противоправное деяние, при этом обоснованно полагают, что ее исполнение способствует профилактике преступлений, приносит пользу обществу. Отсюда теоретическое обоснование пробации в специальной литературе определено следующим образом: пробация служит формой охраны общества от преступника путем установления надзора за его социальным поведением, минимальным ограничением его свободы и оказанием ему содействия, помощи в возвращении к законопослушному поведению. Задача пробации – мобилизовать собственные усилия правонарушителя в предупреждении совершения им повторных преступлений, стимулировать чувство ответственности перед обществом, что рассматривается как эффективное средство ресоциализации осужденного [8, с. 126].

Таким образом можно сделать следующие выводы. Во-первых, значение института пробации состоит в экономии репрессивных средств, применяемых в отношении преступника, в экономии материальных затрат по содержанию в тюрьме. Немаловажное социальное следствие применения пробации – большие в сравнении с реальным лишением свободы возможности для пробационера по сохранению социально полезных связей, прежде всего семейных, родственных, возможность трудиться, что уменьшает экономический и социальный вред, причиненный совершенным преступлением [13, с. 3].

Во-вторых, пробация предполагает не совершение новых преступлений и выполнение ряда обязанностей, специально определенных судом в приговоре. Эта мера, применяемая вместо реального наказания, обладает известной степенью кары. К их числу можно отнести ряд условий и ограничений: прохождение соответствующего курса лечения; профессиональное обучение; запрет на посещение увеселительных заведений; отказ от владения огнестрельным и другим оружием. Материально выраженным признаком назовем возмещение причиненного ущерба, привлечение к труду и т.д. В-третьих, при соблюдении условий правовыми последствиями пробации являются полное освобождение от какого бы то ни было наказания за совершенное преступление, отсутствие судимости как определенных правоограничений, являющихся следствием осуждения за преступление.

Романо-германская правовая семья объединяет правовые системы всех стран континентальной Европы. Во Франции органы пробации берут на себя множество миссий: поддержки принятия решений магистратами путем предоставления им информации на досудебном этапе (проведение социологических опросов) или после приговора (например, путем написания отчетов для комиссии по исполнению наказаний); ответственность за соблюдение обязательств; организация исполнения общественных, исправительных работ; контроль условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания; контроль осуществления специальных мероприятий, выполнения индивидуальных программ в отношении лиц с наркотической, алкогольной зависимостью; общая и индивидуальная превенция (профилактика); электронный мониторинг; контроль за правонарушителями, отбывающими наказание в открытых тюрьмах.

Фактически службы пробации сосуществуют с мощным добровольческим сектором, устанавливают партнерские отношения с различными учреждениями в области интеграции и трудоустройства, которые дают им дополнительную информацию, необходимую для выполнения своей миссии социальной реинтеграции.

Нужно отметить, специфику смешанных правовых систем, соединяющих в себе основные черты двух, рассмотренных нами выше правовых систем. Дуализм романо-германского и англосаксонского права, присущ правовой системе Израиля, оказал опосредованное влияние на целевое содержание деятельности управления тюрем Израиля – стать самой современной и развитой пенитенциарной системой в мире. К числу задач на пути к достижению поставленной цели отнесены сокращение срока отбывания уголовного наказания в тюрьмах, реализация инновационных программ реабилитации заключенных, в которых особое внимание сосредоточено на психологической и социальной помощи: их трудоустройстве, помощи в социально значимых жизненных ситуациях¹. Программы по реабилитации включают в себя лечение от разных видов зависимостей, психологические тренинги, помогающие побудить к раскаянию, преодолению трудностей в

¹ Габараев А.Ш., Тимофеева Т.Н. Социально-психологические и правовые аспекты деятельности служб пробации зарубежных стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urvak.ru/articles/sotsia-2510-vypusk-1-sotsialno-psikhologicheskie-i/> (дата обращения: 10.07.2023).

семейных взаимоотношениях. Существуют также религиозные реабилитационные программы, направленные на преобразование заключенного, привития ему нравственных основ и чувства справедливости. Однако, эффективность реализуемых мероприятий не всегда поддается оценке ввиду отсутствия апробированных методик оценивания реабилитационных программ.

Отмечая своеобразие института пробации в странах социалистической правовой семьи, укажем, что пробационная деятельность не ограничивается лишь контролем и организацией исполнения наказаний без изоляции от общества. В широком смысле это любая деятельность, служащая целям реинтеграции преступника в общество. В этом смысле пробация в Китайской Народной Республике (далее – КНР) рассматривается как элемент социальной и уголовной политики, способствующий сокращению преступности, рецидива преступлений, безопасности общества. В КНР существует система мер общественного воздействия¹, реализуемых в отношении лиц, совершивших преступления небольшой степени тяжести, представляющих собой низкую степень угрозы для общества.

Выделенные в ходе анализа стороны рассматриваемого феномена позволяют синтезировать его наиболее существенные отличительные признаки:

- урегулированность нормами международного права; как правило самостоятельность института для национальной системы права, имеющего собственную юридическую природу, цели, задачи, принципы;

- составной характер выделяемого обособленными юридическими нормами правового института пробации;

- широкий перечень функций и форм ресоциализационного воздействия при выходе из трудной жизненной ситуации, неотъемлемым элементом которых выступают контроль за поведением правонарушителя – клиента пробации;

- пробационным мероприятиям присущ характер оказания услуг (как на возмездной, так и безвозмездной основе); субъектами их реализации выступает широкий круг заинтересованных министерств и ведомств, при этом не исключается интегративный характер участия различных институтов, помощь волонтеров, общественности;

- клиентцентричный подход к каждому правонарушителю с целью достижения индивидуального результата, в условиях более эффективного распределения усилий субъектов правоприменительной деятельности, экономии материальных средств;

- волеизъявление и осознанное желание пробационера к ведению социально одобряемого образа жизни;

- открытость функционирования института пробации при поддержке гражданского общества и гражданской инициативы.

Список использованной литературы:

1. Абатуров А.И., Коровин А.А., Овчинников С.Н. Служба пробации: зарубежный опыт (на примере Германии и других зарубежных стран): монография. Киров: Спектр-Принт; 2013.
2. Калужина М.А. Особенности функционирования службы пробации в США. *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление*. 2014;(3):29–32.
3. Калужина М.А. Организация оперативно-розыскного противодействия экстремизму в зарубежной пенитенциарной практике. *Научный портал МВД России*. 2022;(2(58)):112–119.
4. Нагибин В.Л., Ларионов А.В. Пробация в зарубежных странах и перспективы ее развития в России. *Вестник Пермского института ФСИН*

References:

1. Abaturvov A.I., Korovin A.A., Ovchinnikov S.N. [Probation service: foreign experience (on the example of Germany and other foreign countries)]. Kirov: Spektr-Print; 2013. (In Russ.)]
2. Kaluzhina M.A. [Features of the functioning of the probation service in the USA]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ehkonomika, upravlenie* = Penal enforcement system: law, economics, management. 2014;(3):29–32. (In Russ.)]
3. Kaluzhina M.A. [Organization of operational and investigative counteraction to extremism in foreign penitentiary practice]. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(2(58)):112–119. (In Russ.)]
4. Nagibin V.L., Larionov A.V. [Probation in foreign countries and prospects for its development in Russia]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii = Bulletin of the*

¹ Ермаков Д.Н., Сюецзин Ду, Сыманюк Н.В. Система наказаний в Китайской Народной Республике, не связанных с лишением свободы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ras.jes.su/gp/s102694520022771-9-1> (дата обращения: 10.07.2023).

России. 2022;(4(47)):87–99.

5. Пертли Л.Ф. Исполнение уголовных наказаний в иностранных государствах: монография. Москва: ООО «Русайнс»; 2020.

6. Правогенез: традиция, воля, закон: монография / Под ред. Ромашова Р.А. Санкт-Петербург: Алетейя; 2021.

7. Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений: итоги теоретического исследования (монография) / Под ред. В.И. Селиверстова. Москва: ИД «Юриспруденция»; 2020.

8. Шупилов В.П. Институт пробации в США и Англии: монография. М., 1971.

9. Burke B. *A Handbook for New Parole Board Members*. USA: by National Institute of Corrections; 2003.

10. Borzycki M. *Interventions for Prisoners Returning to the Community*. Canberra: Australian Institute of Criminology; 2005.

11. Charles R. Title. Prisons and Rehabilitation: The Inevitability of Disfavor. *Social Problems*. 1974;21(3):385–395.

12. Petersila J. *Probation in the United States*. 1998.

13. *The probation Service in England and Wales*. London, 1964.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калужина Марина Анатольевна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и правовой информатики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»; ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России
ORCID: 0000-0003-4603-4129
Researcher ID: X-5005-2019
Author ID: 733419

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022;(4(47)):87–99. (In Russ.)]

5. Pertli L.F. [*Execution of criminal penalties in foreign countries*]. Moscow: Rusains; 2020. (In Russ.)]

6. [*Jurisprudence: tradition, will, Law*]. Romashov R.A. St. Petersburg: Aleteya; 2021. (In Russ.)]

7. [*Social adaptation (resocialization) of persons released and released from correctional institutions: the results of a theoretical study*]. Seliverstov V.I. Moscow: Publishing House "Jurisprudence"; 2020.

8. Shupilov V.P. [*Institute of Probation in the USA and England*]. M., 1971.

9. Burke B. *A Handbook for New Parole Board Members*. USA: by National Institute of Corrections; 2003.

10. Borzycki M. *Interventions for Prisoners Returning to the Community*. Canberra: Australian Institute of Criminology; 2005.

11. Charles R. Title. Prisons and Rehabilitation: The Inevitability of Disfavor. *Social Problems*. 1974;21(3):385–395.

12. Petersila J. *Probation in the United States*. 1998.

13. *The probation Service in England and Wales*. London, 1964.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina A. Kaluzhina

Dr. of Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics of the FGBOU VO "Kuban State University"; Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
ORCID: 0000-0003-4603-4129
Researcher ID: X-5005-2019
Author ID: 733419